

LATVIJAS UNIVERSITĀTES
RAKSTI

772. SĒJUMS

Valodniecība

ACTA
UNIVERSITATIS LATVIENSIS

VOLUME 772

Актуальные проблемы
русского и славянского языкознания

Krievu un slāvu valodniecības
aktuālās problēmas

Problems of
Russian and Slavic Linguistics

SCIENTIFIC PAPERS
UNIVERSITY OF LATVIA

VOLUME 772

Linguistics

Problems of
Russian and Slavic Linguistics

UNIVERSITY OF LATVIA

LATVIJAS UNIVERSITĀTES
RAKSTI

772. SĒJUMS

Valodniecība

Krievu un slāvu valodniecības
aktuālās problēmas

UDK 811.174(082)
Va390

Krājuma «Krievu un slāvu valodniecības aktuālās problēmas» **atbildīgie redaktori**

Dr. philol. prof. **Igors Koškins** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte) un

Dr. philol. vad. pētn. **Tatjana Stoikova** (Ventspils Augstskola)

Ответственные редакторы сборника «Актуальные проблемы русского и славянского языкознания» – *Dr. philol.* проф. **Игорь Кошкин** (Латвийский университет, Факультет гуманитарных наук) и *Dr. philol.* вед. науч. сотр. **Татьяна Стойкова** (Вентспилсская Высшая школа)

Zinātniskā konsultante *Dr. philol.* asoc. prof. **Dzintra Lele-Rozentāle**
(LU Humanitāro zinātņu fakultāte, Ventspils Augstskola)

LU Rakstu Valodniecības sērijas redkolēģija:

Dr. habil. philol., prof. **Andrejs Veisbergs** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte),
galvenais redaktors

Dr. habil. philol., prof. **Ina Druviete** (LU Pedagoģijas, psiholoģijas un mākslas fakultāte)

Dr. philol. emer. prof. **Ingrīda Kramiņa** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte)

Dr. habil. philol., prof. **Zaiga Ikere** (Daugavpils Universitāte)

Dr. philol., prof. **Jānis Sīlis** (Ventspils Augstskola)

Dr. philol., prof. **Igors Koškins** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte)

Dr. philol., prof. **Lidija Leikuma** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte)

Dr. philol., asoc. prof. p. i. **Silvija Pavidis** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte)

Dr. philol., asoc. prof. **Olga Ozoliņa** (LU Humanitāro zinātņu fakultāte)

Prof. **Aloizs Gudavičus** (Šauļu Universitāte, Lietuva)

Prof. **Krista Vogelberga** (Tartu Universitāte, Igaunija)

Krievu tekstu literārā redaktore **Raisa Pavlova**

Angļu tekstu literārā redaktore **Māra Anteniške**

Maketu veidojusi **Ieva Tiltiņa**

Visi rakstu krājumā ievietotie raksti ir recenzēti.

Pārpublicēšanas gadījumā nepieciešama Latvijas Universitātes atļauja.

Citējot atsauce uz izdevumu obligāta.

ISBN 978-9984-45-527-3
ISSN 1407-2157

© Latvijas Universitāte, 2012

Содержание / Saturs / Contents / Inhalt

I. Русский язык, славянские языки и контактная лингвистика Krievu valoda, slāvu valodas un kontaktlingvistika	7
Светлана Евстратова (Тарту) / Svetlana Jevstratova (Tartu) О преподавании русского языка в Эстонии в 1918–1940 годах Par krievu valodas mācīšanu Igaunijā 1918.–1940. gadā <i>On Teaching the Russian Language in Estonia in 1918–1940</i>	9
Елизавета Костанди (Тарту) / Jelizaveta Kostandi (Tartu) Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры Metavalodas vienības diasporas sarunvalodā <i>Metalinguistic Units in the Colloquial Speech of the Diaspora</i>	16
Валентина Щаднева (Тарту) / Valentīna Ščadņeva (Tartu) Перевод как средство межязыковой коммуникации (на материале переводов с эстонского языка на русский) Tulkošana kā starpvalodu komunikācijas līdzeklis (tulkojumi no igauņu valodas krievu valodā) <i>Translation as a Means of Interlinguistic Communication</i> (Based on Translations from Estonian to Russian)	24
Анатолий Кузнецов (Даугавпилс) / Anatoļijs Kuzņecovs (Daugavpils) Начинательный способ действия в русском и латышском языках Inhoatīvi krievu un latviešu valodā <i>Russian and Latvian Inchoatives</i>	36
Елена Королёва (Даугавпилс) / Jeļena Koroļova (Daugavpils) Образ инородца в традиционной культуре староверов Латгалии Cittautieša tēls Latgales vecticībnieku tradicionālā kultūrā <i>Image of the Outlander in the Traditional Culture of Old Believers in Latgale</i>	43
Игорь Кошкин (Рига) / Igors Košķins (Rīga) Языковые контакты и русский язык Риги второй половины XIX века Valodu kontakti un krievu valoda Rīgā 19. gs. otrajā pusē <i>Sprachkontakte und die russische Sprache in Riga</i> <i>in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts</i>	53
Александр Адамкович (Вильнюс) / Aleksandrs Adamkovičs (Viļņa) Топонимы и гидронимы с реликтами литовского языка в западной части Глубокского района Витебской области Республики Беларусь Toponīmi un hidronīmi ar lietuviešu valodas reliktiem Baltkrievijas Republikas Vitebskas apgabala Glubokskij rajona rietumos <i>Toponyms and Hydronyms with Relicts of the Lithuanian Language</i> <i>in the Western Part of the Hlybokaje Region, Vitebsk Area, Belarus</i>	65

II. Этимология	
Etimoloģija	79
Мариола Якубович (Краков) / Mariola Jakuboviča (Krakova)	
В поисках семантической мотивации(на примере социальной лексики)	
Meklējot semantikas motivāciju (pamatojoties uz sociālās leksikas piemēru)	
<i>Auf der Suche nach der semantischen Motivation(am Beispiel der sozialen Lexik)</i>	81
Аудроне Каукене, Юрате София Лаучюте (Клайпеда) / Audrone Kaukene, Jurate Sofija Laučute (Klaipėda)	
Особенности словоизменяющей апофонии глагола в балтийских, славянских и германских языках: двугласные корни	
Verbu locīšanas apofonijas īpatnības baltu, slāvu un ģermāņu valodās: saknes ar divskani	
<i>Ablautbesonderheiten bei der Verbbeugung in den baltischen, slawischen und germanischen Sprachen: Wurzeln mit Diphthong</i>	87
III. Лингвистический анализ текста	
Teksta lingvistiskā analīze	111
Ирина Реброва (Санкт-Петербург – Зальцбург)/ Irina Rebrova (Sanktpēterburga – Zolburga)	
Критическая проза русского зарубежья в лингвистическом аспекте (по материалам берлинской газеты «Рулъ» начала 20-х годов XX столетия)	
Krievu emigrācijas kritiskā proza lingvistiskā aspektā (20. gs. divdesmito gadu sākuma Berlīnes avīzes «Ruļ» materiāli)	
<i>Kritische Prosa der russischen Emigration unter linguistischem Aspekt (Die Berliner Zeitung «Rulj» in den zwanziger Jahren des 20. Jahrhunderts)</i>	113
Галина Сырица (Даугавпилс) / Gaļina Sirica (Daugavpils)	
Цветовая лексика, обозначающая масти лошадей, в системе языка и текста	
Zirgu krāsas apzīmējumi valodas sistēmā un tekstā	
<i>Die Farben von Pferden im Sprachsystem und im Text</i>	126
Жанна Борман (Рига) / Žanna Vormane (Rīga)	
Значение антропонимов в художественном тексте и в переводе	
Antroponīmu nozīme literārajā tekstā un tulkojumā	
<i>Bedeutung der Anthroponyme im literarischen Text und in der Übersetzung</i>	136
Татьяна Тополевская (Рига) / Tatjana Topolevska (Rīga)	
Модификация «текста» традиционного обряда в условиях современной городской иноязычной среды (от сакрального до комического)	
Tradicionālās ieražas «teksta» modifikācija svešā pilsētvidē mūsdienās (no sakrālā līdz komiskajam)	
<i>Modification of the «Text» of the Traditional Rite in a Multi-National Urban Environment Today: From the Sacred to the Comic</i>	147

**I. Русский язык,
славянские языки и
контактная лингвистика**

**Krievu valoda,
slāvu valodas un
kontaktlingvistika**

О преподавании русского языка в Эстонии в 1918–1940 годах

Par krievu valodas mācīšanu Igaunijā 1918.–1940. gadā

On Teaching the Russian Language in Estonia in 1918–1940

Светлана Евстратова (Тарту)

Тартуский университет, Юликооли 18 Тарту 50090 Эстония
svetlana.jevstratova@ut.ee

В статье затрагиваются проблемы обучения родному языку в системе русского образования в Эстонии 1918–1940 годов. Уделяя особое внимание методическому содержанию программ и учебных пособий, по которым велось обучение родному языку в русскоязычных школах республики, автор статьи приходит к выводу о том, что в годы эстонской независимости русские учебные заведения потеряли свое привилегированное положение, но в них сохранялись многолетние традиции и сильный учительский состав, прививались любовь к родному языку и русской культуре, благодаря чему преподавание этих предметов поддерживалось на достаточно высоком уровне.

Ключевые слова: Эстонская Республика, русское национальное меньшинство, обучение русскому языку.

Участие русских в политической жизни Эстонии в 1918–1940 г. нельзя назвать активным, но интерес к культуре и образованию был очень живым: остро встал вопрос о сохранении себя как русских, и, как считало большинство, путь к этому лежал через сохранение родной культуры и родного языка. В феврале 1923 года возник *Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии*, просуществовавший, как и почти все другие русские объединения, до лета 1940 года. Центрами русской культурно-просветительной работы в Эстонии были учебные заведения, прежде всего гимназии, а также школы. В Эстонии существовало около ста русских школ, субсидируемых государством. Помимо этого существовало небольшое число частных и эмигрантские школы, которые финансировались *Христианским союзом молодых людей и Комитетом русских эмигрантов*. По данным, приводимым Г. М. Пономаревой, в 1929/30 уч. году из 104 начальных школ 89 были сельскими и лишь 15 городскими (*Русское национальное меньшинство* 2001, с. 193). При подготовке учителей для начальных школ возникали трудности; частично преподавателей готовило русское отделение Таллиннского педагогического университета, просуществовавшее, к сожалению, лишь с 1930 по 1936 год.

Обязательное шестиклассное начальное образование было бесплатным. В учебные программы 1 класса были включены родной язык, математика, вероучение, родиноведение, рисование, пение, гимнастика и гигиена. В третьем классе начинали изучать эстонский язык. С пятого класса появлялся иностранный язык (английский или немецкий), но на практике в деревенских школах иностранный язык не всегда преподавался из-за нехватки специалистов. Вообще, в русских деревнях отнюдь не все дети завершали курс обучения в начальной школе, отсеб учащихся был значительным. Образование русских детей из деревни, как правило, ограничивалось начальной школой. В гимназиях учились в основном городские дети.

Намного хуже обстояло дело с профессионально-техническим образованием. Во второй половине 1930-х г. в Эстонии существовало около 150 профессиональных школ, и только в двух частных школах преподавание велось на русском языке: в Русской частной торговой школе общества «Дом Русского Ребенка», открытой в Таллинне в 1935 г., и Нарвской русской технической школе, которая была открыта в 1936 г. (Исаков 1996, с. 63). В отчетах того времени мы читаем, что РЧТШ открыта для того, «чтобы дети возможно раньше становились самостоятельными и возможно быстрее обеспечивали свою жизнь верным заработком» (Таллинское благотворительное общество 1936, с. 45). В школе изучались 25 предметов, среди которых были русский, эстонский, немецкий и английский языки. Целью создания таких учебных заведений было содействие распространению общего и специального образования среди проживающих в Эстонии лиц русской национальности.

Таблица 1

Предметы, изучавшиеся в Русской частной торговой школе (1–4 годы обучения).

Эстонский язык	6 час./нед.	6 час./нед.	5 час./нед.	5 час./нед.
Русский язык	4 час./нед.	3 час./нед.	3 час./нед.	2 час./нед.
Немецкий язык	4 час./нед.	4 час./нед.	4 час./нед.	4 час./нед.
Английский язык	2 час./нед.	2 час./нед.	2 час./нед.	3 час./нед.

«Изучение языков преследует практические цели. Выбор слов, содержание письменных работ, упражнения в разговоре – все это обуславливается последующей практической деятельностью оканчивающих школу в торговой, промышленной, конторской, финансовой областях» (Таллинское благотворительное общество 1936, с. 50). По-видимому, количество отводимых на изучение различных языков недельных часов было обусловлено в первую очередь востребованностью того или иного языка в различных сферах.

Среднее образование русская молодежь могла получать в платных гимназиях, число которых в начале двадцатых годов было весьма велико; это были в основном так называемые эмигрантские и частные гимназии. В ту пору частная Тартуская (Юрьевская) русская гимназия была одной из лучших в Эстонской Республике 1920-х – первой половины 1930-х годов, особенно по части гуманитарных наук и естествознания. Тартуская гимназия, основанная как частная

в 1919 году, в 1928 году получила статус государственной. Последний выпуск в Тартуской русской гимназии состоялся в 1938 году. Среди ее выпускников можно назвать Б. Вильде, Т. П. Милютину, В. В. Шмидт.

Государственные гимназии с русским языком обучения были в Таллинне, Нарве, Тарту и Печорах. Постепенно число русских гимназий сокращалось, а к концу тридцатых годов их осталось фактически только три: две государственные – в Таллинне и Нарве – и одна частная гимназия общества «Русская Школа в Эстонии» в Таллинне. Это было обусловлено политикой эстонских властей, проводивших после переворота 1934 года курс на последовательную эстонизацию, что в определенной мере было связано с бедностью русского населения. Тем не менее *«Правление лѣтом 1934 года, въ связи съ проводимой Министерствомъ общей реформой средняго образования, возбудило ходатайство объ открытіи въ Таллинѣ частной средней школы. Это ходатайство въ Министерствѣ встрѣтило сочувственное къ себѣ отношеніе и, по представленію Г-на Министра Просвѣщенія, Глава Государства 17 августа 1934 г. утвердил постановленіе объ открытіи въ Таллинѣ Частной средней школы О-ва «Русская Школа въ Эстоніи» (Докладъ Правленія Общества 1935, с. 1).* Таким образом, начиная с 1934–1935 уч. года, в Таллинне стала работать Частная средняя школа, обучение в которой велось на русском языке.

Единственной русской гимназией в Эстонии, где занятия не прерывались даже во время революции и войны, была Нарвская гимназия, история которой начинается с 1875 года.

«Обучение длилось 12 лет – 4 класса начальной школы и 8 классов гимназии. Воспитывали нас в духе православия и любви к России. <...> Со стороны властей предъявлялись определенные требования: пение гимна, празднование эстонских государственных праздников, участие в парадах и тому подобное, но не наблюдалось давления сверху, проверки, подозрений, оказывалось полное доверие, которое оправдывалось. <...> «Нас учили уважать эстонский народ, его литературу, историю. Мы были в хороших отношениях с эстонской молодежью, дружили, влюблялись, ходили друг к другу на вечера» (Тальберг 1999, с. 257–260).

Высшее учебное заведение с русским языком преподавания было в Эстонии тоже одно – *Русские высшие политехнические курсы*, созданные в Таллинне в 1922 году. В 1935 году они были переименованы в *Частный политехнический институт*. Немало русских студентов занималось в Таллиннском техникуме, где обучение велось на эстонском языке.

Но все же основным учебным заведением, где русские могли получать высшее образование, оставался Тартуский университет. Этому способствовало то, что в 1920-е годы значительная часть лекций в университете, особенно на юридическом факультете, читалась на русском языке, и среди преподавателей было немало русских профессоров. В 1930-е годы университет полностью перешел на эстонский язык преподавания, и число русских студентов в нем сократилось, особенно после того, как были введены вступительные экзамены на эстонском языке. Многие русские абитуриенты уезжали для получения высшего образования в университеты и политехникумы Франции и Чехословакии.

С 1919 года до ноября 1940 года в качестве лектора русского языка в Тартуском университете работал Б. В. Правдин, учившийся в свое время в Рижской Александровской гимназии. По окончании Московского университета Правдин с 1912 по 1915 год преподавал русский язык и литературу в Рижском городском реальном училище, которое в 1915 году было эвакуировано в Тарту. Помимо занятий по практическому русскому языку, Борис Васильевич читал лекции по морфологии, русской литературе: были годы, когда он оставался единственным представителем русской филологии в университете. Если к 1940 году русская филология продолжала существовать в стенах Тартуского университета, то этим она в первую очередь обязана Б. В. Правдину.

В Нарве, Таллинне, Тарту и Печорах функционировали, хотя и не постоянно, русские народные университеты, это была одна из форм работы с взрослым населением.

Работу существовавших в Эстонии учебных заведений с русским языком преподавания нужно было координировать, и в 1920 году возник Центральный союз русских учителей, который, помимо защиты профессиональных интересов русского учительства, занимался выработкой программ для русских школ, изданием учебников, разработкой проблем методики преподавания, устраивал летние курсы усовершенствования учителей и др.

Учебной программы для начальной школы в 1929 году не существовало, и в этом же году Русский Центральный Учительский Союз в Эстонии выпустил «неофициальное издание» учебных программ начальных школ, где о преподавании русского языка говорилось следующее: *«Цель преподавания родного языка – развить способность выражения, мышления и силу воли ребенка, вырабатывая таким образом нравственного, полезного обществу члена и, в то же время, человека, умеющего пользоваться культурными благами и заполнять серые моменты своей жизни прекрасными переживаниями»* (Учебные программы 1929, с. 8). Задачи преподавания заключались в том, чтобы дать школьникам знание языка и обогатить запас слов, сформировать у учащихся умение самостоятельно и ясно выражаться, познакомить с имеющими воспитательное значение произведениями литературы. В 6-м классе предполагались написание письменных работ на темы собственных переживаний и фантазий, легкие описания, заметки при чтении книг, дневники, составление текстов телеграмм, несложная деловая переписка: прошения, объявления, заказы, препроводительные (так указано в программе) и прочие письма; чтение письменных работ и их письменный разбор. В объяснительной записке к программе указывается, что *«ближайшей и непосредственной задачей преподавания родного языка, помимо развития у ребенка фантазии, мышления, воли и чувств, является выработка правильной разговорной речи и обучение чтению и письму. <...> Упомянутые требования необходимо иметь в виду, но выполнять их надо таким образом, чтобы не подавить в ребенке охоты высказаться <...>. Школа обязана возбудить у учащихся интерес к чтению и дать им умение читать книги и извлекать из них все ценное <...>. Попытки самостоятельных письменных работ могут быть сделаны еще в первом году обучения»*

(*Учебные программы 1929*, с. 70–75). Нельзя не отметить, насколько продуманными и посильными для учащихся были сформулированы требования, во многом совпадающие с положениями современной государственной программы обучения, которая начала действовать с сентября 2011 года: «<...> важно способствовать социальной адаптации обучающихся с учетом особенностей и реальных потребностей рынка труда. Теоретические знания о русском языке и практические навыки владения им помогают социализироваться, найти достойную работу <...>. Социализация учащихся частично обеспечивается через реализацию основных целей и частных задач данной программы. Конечная цель обучения русскому языку в русскоязычной школе – сформировать умение решать актуальные для учащегося коммуникативные задачи средствами языка. Это положение являлось исходным для определения содержательного наполнения и структуры школьной программы по русскому языку» (*Государственная программа 2010*, с. 7).

В соответствии с программой 1929 года при развитии навыков чтения преподавателю предоставлялась свобода выбора из числа указанных произведений тех, которые он считает наиболее подходящими для своего класса, а также, в случае надобности, учитель мог пополнять вышеприведенный список не включенными в него или позднее вышедшими произведениями (*Учебные программы 1929*, с. 73).

Положение с учебными пособиями было достаточно сложным: учебники заказывали из Риги, переводили с эстонского, иногда их писали местные учителя. Учебники печатались в основном для начальных школ, которых было много. Гимназий же было очень мало, издавать учебники для гимназистов было практически невозможно, и поэтому они в основном пользовались конспектами. Учитель диктовал, ученик записывал и затем отвечал по выученному конспекту.

По русскому языку и литературе лучшими были учебники инспектора Таллиннской городской русской гимназии З. Н. Дормидонтовой: «Азбука», хрестоматии «Колокольчики» и «Палочки-выручалочки», «Краткий курс истории русской литературы», «Синтаксис русского языка». Синтаксис изучали также по учебнику Смирновского, «замечательному, как вообще большинство дореволюционных учебников русской средней школы. Это было отличное руководство» (Андреев 1996, с. 167).

Составленная преподавательницей Женской Эстонской гимназии, Реального и Коммерческого училища З. Н. Дормидонтовой русская хрестоматия «Колокольчики» была написана по правилам новой орфографии и издана в Юрьеве в 1920 году. Перечислим лишь некоторые из вошедших в состав хрестоматии произведений: «Колокольчики» А. Толстого, стихи Пушкина, Майкова, Плещеева, басни Крылова, рассказы Л. Толстого, Ушинского, Тургенева, Чехова, русские народные сказки, но и эстонские тоже – «Чудское озеро» («Пейпус») Языкова, «Как жили и живут эсты», «Сага о пении Ванемуйне», «Песня о Калевиче», «Песня эстонских девушек о войне», «Сага о любви Эмарика и Койта» и т.д. Лингвострановедческий аспект в обучении языкам – обязательная

составляющая процесса обучения. Одно из основных положений современной методики обучения языкам заключается в том, что, развивая речевые навыки и умения, надо одновременно формировать социокультурную компетенцию, создавая не всегда совпадающую с родной новую картину мира, и в данной хрестоматии такой подход реализован очень удачно: параллельное изучение перечисленных текстов способствует диалогу культур. Понимая, что родной язык является основой его самоидентификации, учащийся должен с уважением относиться к языку и культуре других народов.

Тарту начала 1920-х годов во многом оставался центром трех местных культур – эстонской, русской и прибалтийско-немецкой, в связи с этим хочется сказать несколько слов о преподавании русского языка как неродного. В самом начале 1920-х годов в эстонских школах еще продолжалось преподавание русского языка, именно тогда в Тарту издательство Вадима Бергмана выпускало серию «Русские классики для эстонских школ» (составители – Б. Правдин и А. Афанасьев-Козлов). Однако постепенно в школах прекратилось обучение русскому языку, на первый план выдвигалось изучение английского и немецкого языков, были основаны английский колледж и французский лицей. Самоучитель русского языка для эстонцев, составленный Б. Правдиным в 1930-е г., так и не был напечатан. В 1936 г. Борис Васильевич опубликовал в Тарту «Русско-эстонский словарь», который преследовал, как пишет в предисловии автор, прежде всего учебные цели, а также предназначался в помощь эстонскому читателю русских текстов. Уже этот небольшой словарь Правдин снабдил грамматическим очерком русского языка. В 1940 г., несмотря на то, что уже готовился к печати первый том словаря П. Арумаа, учебный словарь Правдина был переиздан, однако в целом ситуация с обучением русскому языку в эстонских школах не изменилась.

Б. Вильде в опубликованном в 1930 году очерке «Русские в Эстонии» пишет: *«В настоящее время в эстонских гимназиях проходят немецкий и английский, русский же, который безусловно важен в Эстонии, игнорируется. Такое положение русского языка тем более странно, что русское меньшинство в Эстонии весьма многочисленно»* (Вильде 2004, с. 32).

Что касается обучения русскому языку в вузах, то здесь ситуация была иной: с 1922 года Б. Правдин вел практические занятия для всех студентов, желающих изучать русский язык (4–6 часов в неделю); с 1926 года он стал проводить отдельные занятия по русскому языку для студентов-юристов и продолжал их вплоть до осеннего семестра 1938 года. Это был единственный обязательный курс русского языка в университете в те годы. Кроме того, в 1928–1932 г. Правдин вел еще специальный курс русского языка для студентов-экономистов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в годы эстонской независимости русские учебные заведения потеряли свое привилегированное положение, но в них сохранялись многолетние традиции и сильный учительский состав, прививались любовь к родному языку и русской культуре, благодаря чему преподавание этих предметов поддерживалось на достаточно высоком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, Н. Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Под ред. Е. Н. И Д. Г. Андреевых. Т. 1. Таллинн, 1996.
- Вильде, Б. *Русские в Эстонии*. Тлн.: Вышгород, 2004. № 5. С. 32.
- Государственная программа обучения для гимназии*. Постановление Правительства Эстонской Республики от 28 января 2010 г. № 13. Доступен: <http://www.oppekava.ee/index.php/Estileht>
- Докладъ Правленія Общества «Русская Школа въ Эстоніи» годовому общему собранію членовъ Общества 16 декабря 1935 г.* Таллин, 1935.
- Исаков, С. Г. *Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки*. Тарту, 1996.
- «Колокольчики». Русская хрестоматия. Сост. З. Н. Дормидонтова, изд. Постимес. Юрьев, 1920.
- Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)*. Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту–Санкт-Петербург, 2001.
- Таллинское благотворительное общество «Дом Русского Ребенка»*. Х. 1926–1936. Таллин, 1936.
- Тальберг, Е. Воспоминания о детстве и школьных годах в Нарве (1922–1939). *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III*. Тарту, 1999.
- Учебные программы начальных школ*. Издание Русского Центрального Учительского Союза в Эстонии. Таллинн, 1929. (Издание неофициальное).
- Яроцкий А. И. *Какова должна быть средняя школа?* Юрьевъ, 1914.

Kopsavilkums

Rakstā aplūkotas dzimtās valodas mācīšanas problēmas krievu izglītības sistēmā Igaunijā 1918.–1940. gadā. Īpašu uzmanība pievērsta metodiskajam saturam programmās un mācību grāmatās, pēc kurām tika veikta dzimtās valodas mācīšana republikas krievu skolās. Autors secina, ka Igaunijas neatkarības gados krievu skolas bija zaudējušas savu privilēģēto stāvokli, tomēr tajās saglabājās ilggadīgas tradīcijas, kā arī spēcīgs skolotāju sastāvs, tajās tika ieaudzīnāta mīlestība pret dzimto valodu un krievu kultūru. Līdz ar to šo priekšmetu mācīšana notika pietiekami augstā līmenī.

Atslēgas vārdi: *pirmā Igaunijas Republika, krievu nacionālā minoritāte, krievu valodas mācīšana*

Summary

The article deals with the issues of teaching of the Russian language in the Republic of Estonia in the time period from 1918 to 1940. The article focuses on the methodical aspects of the curricula and the textbooks used in the Russian-speaking educational institutions of Estonia, and the conclusion is that the Russian-speaking schools lost their privileged position yet the old traditions and experienced teaching staff remained at work in this time period. Therefore, the schools retained sufficient quality teaching of the Russian language and culture.

Keywords: *first period of Estonian independence, Russian minority, teaching of Russian.*

Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры

Metavalodas vienības diasporas sarunvalodā

Metalinguistic Units in the Colloquial Speech of the Diaspora

Елизавета Костанди (Тарту)

Тартуский университет, Эстония, Тарту, Юликооли 18
jelisaveta.kostandi@ut.ee

Статья продолжает ряд работ автора, посвященных особенностям разговорной речи диаспоры. Материалом для исследования послужили записи русской разговорной речи в Эстонии. Предметом анализа являются содержащие характеристики речевых и языковых единиц высказывания, значительная часть которых обусловлена ситуацией языковых контактов в условиях диаспоры. Анализ метаязыковых единиц способствует более полному описанию специфики коммуникации в ситуации сосуществования разных языков.

Ключевые слова: диаспора, Эстония, русская разговорная речь, метаязыковые единицы.

За последние примерно два десятилетия язык русской диаспоры активно изучается во всех странах постсоветского пространства, и в настоящее время можно говорить о новом этапе этих исследований. Если 1990-е годы прошли в основном под знаком фиксации тех специфических черт, которые приобретает речь в условиях диаспоры, то сейчас появляется все больше работ обобщающего характера, где зафиксированные наблюдения рассматриваются и с точки зрения решения общетеоретических лингвистических проблем. Одновременно все больше анализируются отдельные аспекты языка диаспоры, не попадавшие ранее или лишь частично попадавшие в поле зрения исследователей. Русский язык в современной Эстонии во многом, хотя, разумеется, далеко не полностью описан: язык СМИ (газеты, радио, телевидение, Интернет), официально-деловая речь, реклама, тексты прикладного характера, учебные тексты, русские говоры Эстонии, разговорная речь (далее РР) неоднократно становились объектом внимания. В результате были выявлены и описаны такие основные особенности языка русской диаспоры, как специфика его функционирования в разных сферах, распространенность латиницы в письменном русском языке, эстонские заимствования (варваризмы, кальки), местные неологизмы или переосмысление семантики существующих слов, активность образования отдельных типов словосочетаний, некоторые особенности глагольного управления, использования разных типов предложений, характер оценки в текстах разных видов (*Активные процессы 2009; Язык диаспоры: проблемы и перспективы 2000; Проблемы*

языка диаспоры 2002). Настоящая статья продолжает анализ РР, начатый в ряде предыдущих работ автора (Костанди 2006, 2007, 2008(а), 2008(б), 2010, 2011). Материалом для исследования послужили записи разговорной речи, сделанные студентами отделения славянской филологии Тартуского университета и автором статьи. В одной из статей, посвященных РР диаспоры, были намечены основные общетеоретические проблемы, возникающие при описании специфики РР в условиях языковых контактов, и соответствующие им направления дальнейшего анализа (Костанди 2011). К ним относятся, например, вопросы номинации, референции, вариативности, нормативности, специфически проявляющиеся в условиях диаспоры. Одним из важных направлений является детальное изучение языковой рефлексии говорящих, которая выражается в метаязыковых единицах текста. До настоящего времени этот аспект на материале русского языка в современной Эстонии лишь затрагивался, однако предметом специального анализа не становился.

Антропоцентризм языка и речи предполагает, что основой порождения речи в целом и каждого конкретного текста является субъект в его различных проявлениях: интенции, оценка, направленность на определенного адресата, фоновые знания автора и адресата и др. Одним из проявлений субъективности в речи является комментирование, оценка языковых единиц, регулирование чьей-либо речевой деятельности, то есть какое-либо выражение авторского отношения к языку и речи. Как отмечает М. Р. Шумарина, «в конце XX – начале XXI века активизируется внимание лингвистов к феномену обыденного метаязыкового сознания, содержанием которого являются представления рядовых говорящих (нелингвистов) о фактах языка и речи» (Шумарина 2010, с. 314). Можно с большой долей вероятности предполагать, что в условиях постоянных языковых контактов «обыденная» языковая рефлексия становится более актуальной, поскольку начинается уже с необходимости выбора языка или более тщательного подбора средств при общении с разными адресатами в различных коммуникативных ситуациях. Не всегда такая рефлексия осознается говорящим или пишущим, тем более не всегда находит выражение в порождаемых письменных или устных текстах. Далее будет рассмотрено проявление языковой рефлексии в нашем материале, формально выраженное в метаязыковых единицах (словах, предложениях, фрагментах текста). За рамками анализа остается языковая рефлексия, не нашедшая формального выражения в речи.

В течение примерно десяти последних лет студентами и сотрудниками кафедры русского языка Тартуского университета регулярно записывается РР диаспоры. К настоящему времени в имеющемся корпусе расшифровок представлены образцы речи жителей Тарту, Таллинна, Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ и других городов Эстонии. В основном это разговоры в непринужденной обстановке протяженностью от 10–15 минут до 1–2 часов. Ранее материал не анализировался с точки зрения того, как участники разговора характеризуют свою или чужую речь, коммуникативную и языковую ситуации, не рассматривалось и влияние языковых контактов, условий диаспоры на языковую рефлексивность. Далее остановимся на общей характеристике интересующего нас аспекта в собранном материале.

В процессе порождения и восприятия речи языковая рефлексия является обязательной составляющей, лишь частично формально представленной в метаязыковых высказываниях. В собранном материале широко представлены единицы, которые можно охарактеризовать как метаязыковые. Они могут быть разными по объему, содержанию и функциям. Наши записи РР содержат множество так называемых рефлексивов – «относительно законченных метаязыковых высказываний, содержащих комментарии к употребляемому слову или выражению» (Вепрева 2005, с. 8). Другая часть высказываний не является комментариями к употребляемым словам или выражениям, но также может быть определена как единицы метаязыкового характера, поскольку содержанием их являются язык и речь. Ряд выявленных единиц не связан с ситуацией языковых контактов, однако также представляет интерес как общий фон, поэтому вначале остановимся на их общей характеристике. Регулярно метаязыковые высказывания предопределены ситуацией диктофонной записи разговора, например (в приводимых далее примерах сохранены наиболее яркие особенности произношения говорящих):

- (1) Б. *(смеется)* Аня / знаешь / как это // как журналист
 А. Народ / давайте / это самое // напрягаться не будем // потому что / если мы будем говорить какую-то нецензурицину / я выключу / и ...
 Б. Ну мы же цензурно выражаемся /
 А. Нет / это прослушивать буду я // мне просто нужно некоторые разговорные предложения записать / честное слово // так что можем продолжать разговор в том же духе ... // Я первый раз им пользуюсь / и не знаю / когда дома пытались записывать / потом стали прослушивать / там какие-то помехи / все время шипит...

В приведенном фрагменте представлены основные функции метаязыковых высказываний, связанных с ситуацией записи речи. Во-первых, характеризует и оценивается человек, производящий запись (*Аня / знаешь / как это // как журналист*), что мы видим и в других примерах:

- (2) А. Так это филолог он / чувак
 Б. Какой ты филолог?
 В. Адский.

Во-вторых, регулярно комментируется и оценивается процесс записи, его цели (*это прослушивать буду я // мне просто нужно некоторые разговорные предложения записать / честное слово*), ср.:

- (3) Б. Так ты собрался записать всё это?
 С. А ты знаешь / знаешь // ты знаешь че они делают?
 Б. А потом в Интернете появляются такие фишки //
 С. Они записывают разговоры / а потом анализируют;
- (4) Г. Я запишу диалог на бумагу / С бумаги его надо записывать // я кассету никуда не понесу / она дома будет.

Постоянным компонентом метаязыковых единиц, обусловленных записью разговора, является и побуждение к разным речевым действиям (*народ / давайте / это самое // напрягаться не будем; так что можем продолжать разговор в том же духе*), ср.:

- (5) Л. Я бы попросила фамилии присутствующих здесь не называть /
Р. Не оглашать;
(6) М. Ну // ну / ну говори чего-нибудь /
С. А чего говорить-то.

Помимо охарактеризованных выше комментариев, связанных с ситуацией записи, также регулярны в нашем материале и другие метаязыковые единицы. Наиболее частотны высказывания, побуждающие совершить, продолжить, прекратить речевое действие, и относящиеся к этому комментарии, характеристики, оценки, например:

- (7) А. Ну-ка расскажи дяде / как ты живешь-поживаешь / а? /
Расскажи-ка //
Б. Щас будет / агу / агу / агу / да?
А. Ну-ка расскажи / как тебя зовут
Б. Скажи / еще рано мне рассказывать;
(8) Ну говори ему по тридцать раз в день // может на сороковой повесит;
(9) А. Ну и пусть сидит / ждет пока вообще все вывалится //
М. Не надо так говорить (качает головой)
А. Это правда / на правду не обижаются.
(10) В. Да / не забьют ...
А. и Б. (вместе) Молчи / дурак!

К регулярным, но, можно сказать, периферийным по степени рефлексии метаязыковым единицам относятся рассказы о чьих-либо речевых действиях (пример 11) и оценка, характеристика чьих-либо высказываний (12):

- (11) Он же мне тогда вот // спрашивал когда я смогу приехать // Я ему сказала что вот у меня ... там ... какие дни выходные в феврале / Он говорит // а двадцать третьего / двадцать четвертого сможешь? / Ну я говорю / наверное смогу // тем более что у Гали двадцать первого день рождения // Она мне говорила / приезжай;
(12) Ну ты уж скажешь; Ой / бормочешь ты все подряд; Вот опять же как сказать / чтоб не соврать; Я пошутил /; Ты же говоришь / не пьет // вот ты и попалась; В. ... с праздником его поздравил / братца / сказал ему: «Здравствуй / братец! С праздником тебя / братец!»
Н. Делать тебе нечего!

Среди метаязыковых единиц, не обусловленных ситуацией сосуществования языков, редкими оказались высказывания, направленные на характеристики не речи, а собственно языковых единиц, например, значения слов:

(13) Б. *Просто такой клювик / маленький*

А. *Клювик //*

Б. *Клювик / Я же не знаю // как он / правильно называется.*

Таким образом, как свидетельствуют приведенные примеры, метаязыковые высказывания постоянно присутствуют в РР, в нашем материале они были обнаружены во всех без исключения записях. Высказывания метаязыкового характера обусловлены спецификой разговорной речи, непосредственным присутствием коммуникантов в момент совершения речевых действий, «погруженностью» в них, что делает эту тему актуальной. В ситуации сосуществования языков, в наших условиях прежде всего русского и эстонского, регулярными становятся и высказывания, отражающие эту ситуацию. Выделяются следующие наиболее типичные функции метаязыковых единиц такого рода:

1. Затрагивается, комментируется, обсуждается ситуация сосуществования языков, например:

(14) *И мы / писали контрольную // ну препод такой смешной / говорит учитель все / что-нибудь попадет // Это вообще маразм / и так на эстонском все / вся эта химия // так еще не конкретно / то есть не сказать нормально ему что нам учить! //;*

(15) *И я короче / пишу пишу там / потом опять начинаю / и он меняется / на какой-нибудь эстонский или английский /... Короче / такой бред выходит / что я пишу русскими буквами / эти / эстонские слова.*

2. Уточняются, обсуждаются значения эстонских (или других иноязычных) и соответствующих им русских наименований, например:

(16) *Мне надо декларацию подать в налоговое ..., в этот / как его /... в максу ...;*

(17) А. *Это все равно не повлияет на это ... / как это по-русски... пингерида ?*
Б. *Нет по-русски такого слова;*

(18) Б. *Не видела таких // вкусный / вкусный пирог /*

А. *Это не пирог*

Б. *Пирог / (показывает на этикетку коробки) Видишь / написано «коок»/ а это пирог /*

А. *Ну мне кажется ...это многозначное слово... и там /*

Б. *«Коок» это пирог и все!*

(19) А. *Ну не «Теория развода» /*

Б. *По-русски он «Теория развода» называется / по-английски ну / не соответствует.*

3. Характеризуется и оценивается чья-либо речь на каком-то из языков, при этом характеристика может сопутствовать основной теме разговора (пример 20) или становится самостоятельной развернутой темой (21), ср.:

(20) А. *Ну // смотрела мультик / этот / как его // «Мадагаскар»?*

В. *Не-а //*

А. Такой ржачный // Я короче вчера смотрела // Там про зебру / льва / бегемота и этого / как его // тьфу ты / забыла как это по-русски / все финский в голову лезет аа жираф во / Как они из зоопарка решили сбежать

В. Ну я рекламу видела показывали;

(21) *В. Слушай / ты же с эстонским акцентом говоришь*

А. (перебивает) Я знаю / ты понимаешь / когда все дни говоришь на эстонском / сидишь дома ...

В. (перебивает) Ты же в школе на-а-а / по-русски /

А. В универе / нет / ну конечно на русском говорю // э-э-э

В. А потому что дома / у меня тоже так было ...

А. (перебивает) Да да да да /

В. На втором или на третьем / когда я не ездила вообще домой / Ну все время в школе / в школе / в школе с эстонским / И вот у меня то же самое было / прихожу / ни бэ ни мэ / вот так вот ...

А. Да да да / да точно /

В. А щас / ну домой ...

А. Я даже теперь знаешь // когда говорю / я начинаю переводить с эстонского на русский // Это так ужасно // так конструкцию предложения ...

В. Коряво ...

А. Да / коряво так получается.

4. К метаязыковым единицам можно отнести и такие случаи переключения кода, то есть использования иноязычных вкраплений или временного перехода на другой язык, которые осознаются говорящим как способ передать и тем самым не явным образом охарактеризовать чью-либо речь (22) или языковую единицу (23), например:

(22) *А. Кто это был?*

Б. Да Сильвер /

А. Что хотел-то?

Б. Anna küntme krooni ... ('дай десять крон');

(23) *Там несколько модулей в этой ыппекаве ('в учебном плане').*

Разговор, часть которого приведена под номером 22, происходит на русском языке, у одного из говорящих звонит телефон, после телефонного разговора и следует приведенный выше фрагмент. Один из собеседников передает слова звонившего, не переводя их на русский, и интонационно обыгрывает речь звонившего, выражая тем свое негативное отношение к просьбе последнего. Пример 23 демонстрирует окказиональное использование эстонского вкрапления «в ыппекаве» («в учебном плане»). Говорящий интонационно обыгрывает слово, выражая свое негативное отношение к ситуации, в которой ему

приходится заниматься учебным планом, с помощью «чужого», очень непохожего на русское, слова подчеркивается недовольство говорящего. Произношение многих эстонских слов, например, начинающихся с *ы*, часто вызывает трудности у русскоговорящих, нарочито исковерканное произношение эстонского слова использовано говорящим для выражения негативного отношения к ситуации в целом. Одновременно задействуются и экстралингвистические средства (мимика, жест). Очевидно, к аналогичным примерам можно отнести и рефлексию, реализующуюся в языковой игре с использованием эстонского или другого языка, например:

(24) *В лосях* (на улице Лосси / Lossi = ‘замковая, дворцовая’) у нас лекция.

Приведенным выше списком (1–4) не исчерпывается перечень функций метаязыковых единиц, связанных с ситуацией сосуществования языков. На начальном этапе исследования рассмотрены лишь наиболее частотные случаи, каждый из которых требует дальнейшего детального анализа. Тем не менее, на данном этапе можно сделать некоторые предварительные выводы, сводящиеся к следующему. Метаязыковые единицы постоянно присутствуют в разговорной речи и отличаются многообразием функций. В речи диаспоры также регулярны рефлексивы и иные метаязыковые высказывания, обусловленные ситуацией сосуществования языков. Интересным представляется сопоставление последних с единицами «недиаспорного» характера, то есть не обусловленными сосуществованием языков. Если в первых доминирует направленность на характеристику языковой ситуации и языковых единиц (значение слов, соотношение русских и эстонских или иных иноязычных слов), то для вторых более характерна направленность на речь, речевые действия (побуждение к совершению, продолжению, прекращению речевых действий, рассказ о речи, оценка речи и т. п.). Таким образом, метаязыковые единицы, детерминированные языковыми контактами, оказываются более «лингвистическими». Остальные единицы, в том числе и обусловленные ситуацией диктофонной записи речи, в основном связаны с коммуникативным аспектом. Как свидетельствует анализ материала, функционирование языка в диаспоре способствует развитию языковой рефлексии. Также представляет интерес возможное в дальнейшем сопоставление подходов к языку и речи в лингвистике и в обыденной речевой практике, что в задачи настоящей статьи не входило. Анализ метаязыковых единиц способствует более полному описанию специфики коммуникации в ситуации сосуществования разных языков,

ЛИТЕРАТУРА

- Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.* Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Тарту, 2009.
- Вепрева, И. Т. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху.* Москва, 2005.
- Костанди, Е. Русская разговорная речь диаспоры. *Микроязыки. Языки. Интеръязыки.* Тарту, 2006, с. 332–336.
- Костанди, Е. Лингвокультурологический аспект разговорной речи русской диаспоры Эстонии. *Valoda 2007. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Language 2007. Language in Various Cultural Contexts.* Даугавпилс, 2007, с. 344–350.

- Костанди, Е. Аксиологический компонент разговорной речи. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика. XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008(а), с. 108–124.
- Костанди, Е. Местоимение «такой» в русской разговорной речи. *Cuadernos de Rusística Española*. 2008(б), 4. Granada, с. 59–68.
- Костанди, Е. Роль категории темпоральности в формировании устного текста. *Предложение и слово*. Кн. 1. Саратов, 2010, с. 163–173.
- Костанди, Е. Иноязычные вкрапления в разговорной речи диаспоры. *Humaniora: Slavica Tartuensia*. IX. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. Тарту, 2011, с. 409–418.
- Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI*. Тарту, 2002.
- Шумарина, М. Р. Синтаксические категории в обыденном метаязыковом сознании. *Предложение и слово*. Кн. 1. Саратов, 2010, с. 314–318.
- Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Тарту, 2000.

Kopsavilkums

Raksts turpina autores darbu virkni, kas veltīti diasporas sarunvalodas īpatnībām. Par pētāmo materiālu kļuvuši krievu sarunvalodas ieraksti Igaunijā. Analīzes priekšmets ir izteikumi, kas satur runas un valodas vienību raksturojumus. Izteikumu lielāka daļa ir atkarīga no valodu kontaktu situācijas diasporas apstākļos. Metavalodas vienību analīze veicina pilnīgāku komunikācijas īpašību aprakstu dažū valodu savstarpējās pastāvēšanas situācijā.

Atslēgvārdi: diaspora, Igaunija, krievu sarunvaloda, metavalodas vienības.

Summary

The article is a follow-up of the previous publications of the author, which dealt with specific issues of the colloquial speech of the diaspora. The research material consists of the records of the colloquial speech of the Russian-speaking people in Estonia. Metalinguistic units that contain the characteristics of speech and language units were analyzed. Such units frequently appear in the research material; they mostly depend on the situation of constant language contacts in the conditions of the diaspora. Analysis of metalinguistic units reveals communication properties in more detail in a situation when several languages coexist.

Keywords: diaspora, Estonia, Russian colloquial speech, metalinguistic units.

Перевод как средство межъязыковой коммуникации (на материале переводов с эстонского языка на русский)

Tulkošana kā starpvalodu komunikācijas līdzeklis (tulkojumi no igauņu valodas krievu valodā)

Translation as a Means of Interlinguistic Communication (Based on Translations from Estonian to Russian)

Валентина Щаднева

Тартуский университет, Эстония, Тарту, Юликооли 18, 50090

valentina.schadn@mail.ru

Статья посвящена эстонско-русскому переводу, который рассматривается как средство межъязыковой коммуникации. В работе обобщаются результаты наблюдений над переводными русскими текстами разных стилей; учитывается как бумажный, так и электронный каналы общения. Статья содержит характеристику переводческого процесса в условиях современной Эстонии, обзор основных лингвистических проблем перевода и оценку качества эстонско-русских переводов. В ходе анализа языковых фактов показано влияние перевода на язык диаспоры.

Ключевые слова: эстонско-русский перевод, межъязыковая коммуникация, взаимодействие языков и культур в процессе перевода, языковые качества переводов.

Введение

Многоязычие – реальный результат исторического развития человечества. Важным средством межъязыкового общения разноязычных этнических коллективов с давних времен был перевод, что изначально определяет социальную значимость труда переводчиков. При этом перевод является каналом взаимодействия и взаимовлияния культур и языков, поскольку обязательно отражает языковые контакты. Поэтому современное научное переводоведение рассматривает перевод как разновидность межъязыковой и межкультурной коммуникации (Алимов 2006, с. 9; Тимакина 2007, с. 7), а процесс перевода – как межъязыковое посредничество (Валева 2006), при котором перевод выполняет функцию полноправной замены оригинала. Данная статья посвящена обсуждению вопроса о том, как этот постулат реализуется в паре языков эстонский–русский.

Экстралингвистические особенности переводческого процесса в Эстонии

Социолингвистическая характеристика переводческого процесса в Эстонии отличается тем, что сейчас переводческая деятельность нацелена в первую очередь на западноевропейские страны. Это подтверждается ориентацией некоторых переводческих бюро исключительно на основные языки ЕС. Однако существует немалый спрос на переводчиков как с эстонского на русский, так и с русского на эстонский. Не случайно свои услуги теперь предлагают и собственно эстонские, и российские, и международные переводческие агентства (например, компания «Скриванек»: <http://www.skrivanek.com/ru/index.php>). Для современной коммуникативной ситуации достаточно компьютеризированной Эстонии особо значимо то, что переводческий процесс сейчас реализуется посредством не только традиционного бумажного, но и электронного канала общения, что затрагивает целый ряд сфер общения человека и с государственным, и с частным сектором.

Эстонско-русский, а также русско-эстонский переводы необходимы в первую очередь предпринимателям Эстонии и России, стремящимся наладить деловые отношения. При этом прагматичные руководители эстонских предприятий, фирм, организаций заказывают переводы на русский язык деловой корреспонденции и технической документации для общения не только с российскими деловыми партнерами, но и с представителями делового мира других стран постсоветского пространства, так как общение на русском языке для партнеров часто оказывается более удобным и оперативным, чем на английском. Но в переводной информации нуждаются и обычные люди, живущие в Эстонии. Это касается переводов и газетно-публицистических, и официально-деловых текстов. Следует особо подчеркнуть, что в условиях современной Эстонии деловое общение на русском языке в значительной степени переводное.

Бюро переводов и отдельные переводчики предлагают услуги по переводу тематически разных деловых текстов: технической документации (разного рода инструкций и т. п.), юридических и финансовых документов (договоров и пр.), личных деловых документов разных жанров, официальных и коммерческих рекламных материалов, реже – информации к продаваемым лекарствам, товарам, продуктам и др. Переводчики, специализирующиеся на интересующей нас паре языков, востребованы в судах и в полиции.

Для информирования русскоязычного населения страны в эстонском сегменте Интернета появилось немало русских веб-страниц, размещенных на сайтах ряда министерств, департаментов, служб. Хотя по объему размещаемых сведений русскоязычные веб-страницы порой лаконичнее, чем соответствующие веб-страницы на эстонском языке, такие материалы востребованы, так как облегчают русскоязычному населению общение с государственными учреждениями. Параллельно с предоставлением переводной информации в Интернете отдельные министерства и департаменты (прежде всего, государственные социальные службы) выпускают переводные буклеты, разъясняющие суть тех или иных законов и правовых актов.

На русский язык переводят содержание своих веб-сайтов фирмы либо ориентированные на развитие бизнеса с Россией, либо заинтересованные в местных русскоязычных клиентах и покупателях. Многие крупные банки, телекоммуникационные, транспортные, строительные фирмы, энергопредприятия и т. п., нацеленные на продвижение своих финансовых продуктов, разнообразных услуг и товаров, также имеют аналог эстонязычных веб-страниц на русском языке. В то же время более мелкие предприятия обычно предпочитают контактировать (и устно, и письменно) на государственном языке. Одновременно солидные банки и предприятия, как и министерства, по жизненно важным вопросам издают переводные буклеты с актуальной для населения официальной информацией. Кроме бумажных буклетов, различающихся по степени официальности и нередко выполняющих сразу несколько функций (информирующую, разъясняющую и отчасти рекламирующую), постоянным клиентам рассылаются бумажные или электронные сообщения, которые в зависимости от условий договора могут оформляться и в виде перевода на русский язык.

Русские веб-страницы ряда новостных порталов («Delfi»: <http://rus.delfi.ee/>; «Eesti Rahvusringhääling»: <http://rus.err.ee/>) и отдельных интернет-газет («Postimees»: <http://rus.postimees.ee/>) также предлагают русскому читателю переводы своих материалов (бумажная версия указанной газеты выходит только на эстонском языке). Следует отметить, что названные источники информации, как и русскоязычные СМИ Эстонии, предоставляют читателю не только полные, но и частичные переводы оригинальных текстов, что наблюдается довольно часто. Такие сокращенные переводы передают содержание эстонского оригинала иногда в весьма свернутом виде. При этом во вторичном русском тексте порой не просто опускаются отдельные части оригинала, но и несколько перерабатывается информация эстонского источника. Подобный информационный продукт можно условно назвать дайджест-переводом, который в сжатом виде знакомит с основным содержанием той или иной новости.

Веб-страницы с выборочной переводной информацией на русском языке имеют и отдельные учреждения культуры, например, самые крупные театры «Эстония» и «Ванемуйне», отдельные театральные постановки которых также сопровождаются русским переводом. Объектом частичного перевода становятся и содержание сайтов ряда городов Эстонии, туристических фирм, гостиниц, санаториев, больниц и клиник. Получил распространение и так называемый неофициальный перевод деловых документов, который осуществляется для быстрого информирования русскоязычных работников (обычно в русских фирмах), недостаточно владеющих эстонским языком.

Переводятся и разного рода бумажные издания информативной направленности, например, рекламные буклеты туристических фирм, рекламные листы некоторых магазинов и пр. Следует упомянуть и об информации на упаковках продуктов, лекарств и промышленных товаров. На этикетках обязательно должны быть сведения на государственном – эстонском – языке; хотя перевод этих сведений на русский язык не запрещен, но особенно и не приветствуется. Правда, порой информация о товаре остаётся и без перевода на эстонский (с английского, немецкого, венгерского, арабского и др. языков). Отдельные

предприниматели основные сведения о товаре все-таки стараются переводить и на русский язык. Однако, как и при переводе рекламных изданий (листов, проспектов) торговых предприятий, это делается не всегда умело и качественно: наблюдение показывает, что подобные переводы часто оказываются неграмотными и даже комичными, видимо, по той причине, что в целях экономии их выполнение нередко поручают случайным людям.

Иными словами, содержательный и жанровый диапазон переводных текстов достаточно разнообразен, при этом можно говорить о появлении новых интернет-жанров: информирующе-разъясняющего и рекламирующе-разъясняющего перевода, дайджест-перевода. Переводные тексты, относящиеся к разным сферам, резко отличаются по качеству: переводы, предоставляемые пользователями министерствами и департаментами, крупными банками и предприятиями, обычно выполняются достаточно компетентными специалистами, чего нельзя сказать о тех, кто переводит содержание сайтов и бумажных изданий отдельных эстонских городов, туристических фирм, гостиниц, санаториев, больниц, клиник и, конечно же, торговых предприятий. Последнее относится также к бумажным и устным переводам, осуществляемым в судах, полиции и т. п. Объективные и субъективные причины такого положения дел изложены в одной из статей автора (Щаднева 2011, с. 542).

Перечисленные выше экстралингвистические особенности переводческого процесса в Эстонии обуславливают влияние переводов на культуру и язык диаспоры, порождая в процессе межкультурной коммуникации специфические лингвистические проблемы.

Лингвистическая характеристика перевода с эстонского языка на русский

Различные культуры постоянно контактируют и взаимодействуют, поэтому неслучайно изучение культурной обусловленности разных сторон вербальной коммуникации стало в переводоведении предметом особого внимания. В связи с тем, что язык всегда является инструментом познания мира, для практики перевода крайне актуально соотношение языка и действительности. С точки зрения языка диаспоры (как языка, на который переводят) проблема заключается в лингвистическом освоении окружающей природной и социальной действительности, поэтому перевод изначально оказывается сложным средством преодоления языковых барьеров. Иными словами, проблемы перевода связаны не только с особенностями самих языков, относящихся к разным языковым группам, но и с несовпадением «картин мира», с особенностями внеязыковой реальности, а также с различиями в её оценке.

Сопоставление переводных русских текстов с их эстонскими оригиналами позволяет утверждать, что основные трудности переводческой деятельности связаны с лексикой, так как именно с нее начинается лингвистическое освоение чужой действительности. Сложными для перевода могут быть разные лексические пласты, однако в первую очередь сказанное затрагивает слова, сравнительно

недавно появившиеся в обоих языках. В этом случае лексическую и даже орфографическую норму порой еще нельзя признать как окончательно установленную. Прежде всего это связано с широко распространенным **заимствованием** иноязычных слов. Общая для обоих языков ориентация на английский язык в эстонском и русском обществе проявляется по-разному. В эстонском языке новые слова (термины, специальные понятия и др.) чаще всего создаются на базе элементов своего языка – как передача содержания английских слов и словосочетаний или уже имеющимся эстонским словом, или новым словом-калькой.

При калькировании в эстонском языке обычно образуются сложные слова, так как спецификой системы эстонского языка является регулярность и частотность словосложения как способа словообразования. Особенно много случаев словосложения в экономической и юридической сферах, хотя используются и сами англицизмы (американизмы), что, кстати, вызывает серьезные нарекания специалистов по эстонскому языку. Большое количество сложных эстонских слов, в свою очередь, создает трудности при переводе, так как на русский язык их, как правило, приходится передавать словосочетаниями, калькирующими смысл эстонского слова (см. подробнее в следующем разделе данной статьи). Это отличие словообразовательных систем названных языков становится одной из значимых причин ошибок при переводе на русский язык.

С другой стороны, носители русского языка метрополии обычно заимствуют реалию вместе с лексемой, ее называющей, но фонетически и грамматически приспособленной к русской фонетике и грамматике. Поскольку для живущих в Эстонии русских естественна опора на литературные нормы русского языка, то необузданное заимствование англицизмов россиянами создает дополнительные проблемы при поиске словарных соответствий в силу того, что такие заимствования не всегда нормализованы. Это не означает, что отсутствуют проблемы со старыми заимствованиями, например, *префект* – *prefekt* для живущих в диаспоре – это одна из руководящих должностей в эстонской полиции, в России же это слово используется в ином значении: *префект Юго-Восточного административного округа Москвы*.

В русском языке диаспоры заимствование, как правило, осуществляется не прямо из английского, а через посредство эстонского языка. Например, в переводных текстах распространена языковая единица *интпресс* – *intress* (банковский процент), которая чаще используется во множественном числе: *интпрессы* (*проценты*). Любопытно, что эстонское сложное слово *intressimäär* все-таки переводится как *процентная ставка*. Влиянием эстонского языка как посредника объясняется и использование в переводах лексики *кандидировать* – *kandideerima* (вместо *баллотироваться*, *стать кандидатом*) в официальных и газетных сообщениях, в политической рекламе на русском языке: **Кандидировать на практику к канцлеру юстиции могут студенты III курса, магистранты и докторанты...* Такие глаголы порождают и отглагольные существительные: **Для кандидирования на место практики просим предоставить...* (в обоих примерах, взятых с сайта канцлера юстиции, сохранен язык перевода).

Отсутствие нормализованного лексического эквивалента приводит к появлению в языке диаспоры таких неологизмов, которых нет в языке метрополии:

э-операции, э-услуги (осуществляются через электронный носитель); *м-парковка, м-платежи* (платежи через мобильный телефон) и др. Результатом заимствования может стать внутриязыковая вариативность, например, если в языке русских Эстонии с самого начала используются слова *мобильный телефон / мобильник*, то в языке метрополии сейчас параллельно употребляются и появившаяся позднее номинация *мобильный телефон / мобильник*, и *сотовый телефон / сотовик*. Последние в языке диаспоры отсутствуют.

Разумеется, для языка русской диаспоры Эстонии значимы и заимствования из самого эстонского языка. Язык диаспоры порой просто вынужден адаптировать эстонские слова, в том числе и **варваризмы**. Например, для названия эстонского парламента узаконено использование только лексемы *Рийгикогу* (эст. *Riigikogu* – парламент в Эстонии, букв. *Государственное собрание*), которая из-за особенностей финали слова оказывается сложной при передаче рода русского существительного. Чтобы не ошибиться при выборе рода согласованного определения (средний – по прямому переводу. *Государственное собрание* или мужской – по родовому понятию *парламент?*), переводчики прибегают к таким трансформациям предложений, которые позволяют поставить языковую единицу *Рийгикогу* с определяющим ее словом в позицию того или иного косвенного падежа: не *наше / наш Рийгикогу*, а *нашему...*, *о нашем...*, *в наш...* (О спорности понятий «буквальный перевод» и «прямой перевод» см.: Рецкер 2006, с. 34–36).

Возможности преодоления трудностей иногда ограничены и тем, что различается также оценка содержания заимствований. Наглядной иллюстрацией таких различий, обусловленных несовпадением «картин мира», является, например, осмысление слов *missioon* в эстонском и *миссия* в русском языке. Хотя в Эстонии уже много лет идет спор о том, как передать английское заимствование *mission* словом с собственно эстонским корнем, в эстонской прессе и документах эстонизированное *missioon* используется достаточно активно. Этот спор затрагивает и носителей русского языка, проходящих военную службу в эстонской армии, а также тех, кому в силу профессиональных обязанностей приходится переводить эстонские тексты на русский язык. Приведем отдельные языковые факты из публикаций местной прессы.

Eestis puudub selge, üheselt mõistetav sõna sõjalisel missioonil osaleva sõduri tähistamiseks, kasutusel on eri emotsioone tekitavad sõnad «palgasõdurist» «missioonikuni», kirjutab Eesti Päevaleht. (PM 2007-01-22; <http://www.postimees.ee/220107/esileht/siseuudised/240494.php>)

Буквально: **В Эстонии отсутствует ясное, однозначно понимаемое слово для обозначения солдата, который участвует в военной миссии, в употреблении имеются слова, вызывающие разные эмоции, – от «наемника» до «миссионика».*

Местные русскоязычные переводчики и журналисты в подобных контекстах иногда также используют слово *миссия*:

Выполнение Эстонией миротворческой миссии в Ираке в скором времени может обрести статус обучения военных. (DELFI 2008-11-30; rus.delfi.ee/daily/estonia/article.php?id=20495866&l=wlastnews)

Однако подобные употребления не соответствуют устоявшейся норме русского языка, поскольку лексема *миссия* в русском языке закрепилась как слово с положительно-оценочным смыслом, не применимым к понятию «война». По этой причине в грамотных русских СМИ метрополии это слово в сходных контекстах стараются не использовать, например:

О пребывании эстонских военнослужащих в Ираке написано достаточно... <http://www.regnum.ru/news/872437.html>

Влияние эстонского языка на перевод затрагивает не только лексику, но и **графику**. В переводных текстах кириллица постоянно переплетается с латиницей: *AS Swedbank – АО Swedbank, AS Tallinna Sadam – АО Таллинна Садам – АО Таллинский Порт, AS Narva Elektriijaamad – АО Нарвские электростанции* и под. При этом в написаниях официальных названий финансовых учреждений, организаций и т. п. наблюдается явное преобладание латинских написаний, что объясняется прагматическими соображениями. Подобные имена собственные являются необходимыми в общении, но порой труднопереводимыми, поэтому для достижения однозначности понимания, даже когда возможен точный буквальный перевод или передача кириллицей, предпочитают **варваризмы**, передаваемые латиницей. В целом же в переводных текстах можно встретить разные написания: переводные (*АО Таллинский Порт, АО Нарвские электростанции*), с частичным переводом на русский (*Банк Nordea*), транслитерированные (*Ээсти Пылевкиви, СЕБ Банк, Сампо Банк*), латинские (*AS SEB Pank, Nordea Pank*). Обращает на себя внимание то, что в эстонском сегменте Интернета официальные сайты русских школ и гимназий тоже представлены названиями на эстонском языке.

В переводных русских текстах активно используются и лексемы, которые с точки зрения нормы современного русского литературного языка являются историзмами. В языке диаспоры такие единицы часто получают вторую жизнь. Поскольку Эстония вернулась к административно-территориальной и управленческой терминологии, бытовавшей в начале XX века, в эстонском языке были узаконены прежние названия территориальных единиц и административных должностей. Это спровоцировало возврат и дореволюционных русских лексем: *уезд – maakond, волость – vald, волостное правление – vallavalitsus* и др. Иначе говоря, изменения в эстонском языке автоматически повлекли за собой возрождение в русском языке диаспоры не актуальных для современного языка метрополии лексем, которые в условиях диаспоры можно квалифицировать как **оживленные / возрождённые историзмы** (Щаднева 2009, с. 233–235).

Таким образом, в текстах переводов ярко проявляется влияние эстонского – как ближайшего регионального языка – на переводящий русский язык диаспоры. Носителям русского языка приходится лингвистически осваивать новую социальную действительность и приспосабливать к ней свой язык.

Качество переводов на русский язык

Качество переводов зависит и от объективных, и от субъективных факторов. К объективным факторам относятся как принятые в государстве законы,

диктующие обязательное использование ряда языковых единиц (выше уже были приведены примеры утвержденного законом использования лексем типа *Rийгикогу, волость* и др.), так и различия языковых систем, приводящие к интерференции, т. е. ко взаимовлиянию контактирующих языков и культур. Интерференция языков оригинала и перевода, отмечаемая всеми специалистами по переводу, может быть как отрицательной (деструктивной), что выражается в отклонении от нормы и узуса в одном языке под влиянием другого, так и положительной (конструктивной), что проявляется в приобретении новых навыков под влиянием языка оригинала (Валеева 2006).

В переводах с эстонского языка на русский оба вида интерференции проявляются, например, при *калькировании*. К сожалению, переводчики далеко не всегда затрудняют себя поиском существующих в русском языке эквивалентов, а предпочитают *калькирование* как простейший способ перевода. При прямом калькировании семантики частей эстонских сложных слов, которые на русский язык неизбежно приходится переводить словосочетаниями, появляются явно неудачные, ошибочные кальки, приводящие к нарушению лексической сочетаемости, например:

Tarbijakaitseadus – *закон потребителей (вместо закон о защите прав потребителей).

Puudega inimesed – *люди с недостатками здоровья (вместо люди с ограниченными возможностями, люди с физическими недостатками).

Vanemahüvitis – *родительское возмещение (правда, сейчас появился и перевод *родительское пособие*).

Sõbralikud hinnad – *дружеские / дружеские / дружелюбные цены.

Valguskivi – *светокамень (имеется в виду светодиодная плитка) и др.

В силу прагматических причин язык диаспоры не может быть абсолютно идентичным языку метрополии, поэтому далеко не все отличия языка диаспоры от языка метрополии можно считать аномальными с точки зрения литературной нормы. К удачным калькам можно отнести словосочетания:

Kohvipaus – кофейная пауза.

Haigekassa – больничная касса.

Perearst – семейный врач (в России эта номинация только появилась).

Pankrotihaldur – банкротный управляющий (в России – конкурсный управляющий предприятия-банкрота, арбитражный управляющий).

Füüsilisest isikust ettevõtja – предприниматель-физическое лицо (в России – индивидуальный предприниматель).

Опытные переводчики умело используют и контекстуальный способ перевода. Например, один из видов услуг, который фирмы социального сектора предлагают квартирным товариществам, называется *hooldus ja haldus* (*hooldus* означает уход, обслуживание, опека, попечение, попечительство и под., а *haldus* – управление, администрирование). Так как пословный перевод этой фразы посредством сочетания *обслуживание и управление* не является

достаточно информативным, а смысловой перевод оказывается слишком громоздким (*обслуживание квартирных товариществ и управление квартирными товариществами*), то на русскоязычных веб-страничках многих фирм пытаются вообще обойтись без перевода соответствующей рубрики. Однако иногда предпочитается и такой краткий вариант передачи смысла, как *обслуживание квартирных товариществ*. Основанием для такого выбора является то, что лексема *обслуживание* действительно имеет более обобщенное значение и потому способна охватить и идею оказания помощи избранному жильцами руководством по управлению товариществом (делопроизводство, контроль, организация собраний и т. п.).

Таким образом, языковые качества русских переводных текстов зависят и от того, насколько квалифицированного переводчика способны нанять учреждения, организации, фирмы, т. е. от субъективного фактора. В силу того, что переводчик является посредником между носителями двух разных языков, он должен в равной мере владеть нормами обоих языков. Однако такой идеал наблюдается редко, поскольку даже у хорошо владеющих исходным и переводящим языками двуязычных переводчиков в отдельных случаях наблюдается интерференция. По этой причине профессионалы давно предпочитают осуществлять перевод на родной язык или пользоваться услугами квалифицированного редактора, ибо понимают, что структурно-смысловая организация переводного текста изначально формируется в особых условиях конкуренции языковых сознаний и противостояния языковых систем.

Утрата редактирования как института привела к распространению мнения о том, что человек, в определенной степени владеющий каким-либо иностранным языком, автоматически может быть и хорошим переводчиком. Хотя практика эстонско-русского перевода наглядно показывает, что для осуществления переводческого процесса мало знать неродной язык на каком-либо уровне, возрастающие потребности в переводчиках вынуждают работодателей привлекать к переводческой деятельности не только профессионалов-филологов, но и людей, которые не обучались переводу как специальности и потому не владеют в полной мере ни языковыми нормами, ни основами грамматики и теории перевода, ни навыками переводческих трансформаций, которые обусловлены и различиями языковых систем, и культурно-языковыми традициями, и конституацией.

Сказанное относится не только к переводчикам-эстонцам, но и к тем русским, которые берутся переводить на родной язык, не владея элементарными нормами русского литературного языка. Отрицательные результаты такого подхода к переводческому процессу особенно заметны в торговой и туристической рекламе, в которой незнание переводческих норм порой приводит к серьёзным погрешностям, вплоть до курьезов типа **греватель, *отрезки мебельного замиа* (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены) и т. п. Об уровне грамотности отдельных переводчиков наглядно свидетельствует материал сайта одной из переводческих фирм (<http://www.emtolge.ee/ru/whyus.php>; в настоящее время сайт обновлен, и соответствующие веб-страницы, скопированные автором данной статьи в конце 2008 г., удалены):

<p>Tööprotsess – kuidas me tegutseme</p> <p>Oleme täielikult pühendunud sellele, et osutada Teile parimat tõlketeenust ja teha seda nii efektiivselt, et saaksime pakkuda ka parimaid hindu. Allpool joonisel kirjeldame täpselt seda, mis juhtub Teie tõlketööga alates tellimuse vormistamisest kuni selle eduka kättesaamiseni.</p>	<p>Процесс работы – как мы действуем</p> <p>Мы <i>совершенно посвящены</i> тому, чтобы <i>указать</i> Вам лучшую услугу и в то же время предложить и <i>лучшие</i> цены. Ниже мы более точно опишем процесс работы начиная с <i>оформлений</i> заказа <i>заканчивая</i> с его <i>успешным выполнением</i>.</p>
<p>Tellimuse vastuvõtt</p> <p>EM Tõlge klienditeenindaja määrab töö lõpliku hinna ja mahu ning koostab arve, mille saadab koos tellimuse kinnitusega emaili teel kliendile. Saadetud kirjas sisaldub ka töö valmimise täpne tähtaeg. Mõistagi tagame kohe pärast failide saatmist Teie materjalide konfidentsiaalsuse. Sellele tingimusele on alla kirjutanud ka meie tõlkijad.</p>	<p>Оформление заказа</p> <p>EM Tõlge администратор определяет окончательную цену и <i>размеры</i> работы и составляет счёт. Всё это отправляется через Е-майл клиенту. В письме Вы <i>видите</i> точное время выполнения. Конфиденциальность Ваших файлов будет обеспечена. Это <i>одно</i> условие при подписании <i>договора работы</i> с переводчиком.</p>
<p>Tõlkimisprotsess</p> <p>Samaaegselt klienditeenindaja tööga otstitakse mitmekümne tõlkija hulgast just antud valdkonda suurepäraselt tundev kogemustega erialaspetsialist, kes alustab tõlketööga</p>	<p>Процесс перевода</p> <p>Администратор выбирает из множества переводчиков одного, который владеет <i>этой сферой</i> данного заказа лучше всех и <i>последний</i> начинает работу.</p>
<p>Hoolikas korrektuur</p> <p>Alati loetakse tehtud töö tõlkimisjärgselt üle, et olla kindel töö kvaliteedis. Alles seejärel saadab klienditeenindaja töö valmiskujul kliendile tagasi.</p>	<p>Тщательная корректура</p> <p>Всегда работу <i>перечитывают</i> перед отправлением клиенту, чтобы быть уверенным в <i>качестве</i>. Затем администратор отправляет окончательно <i>оформлённую</i> работу клиенту.</p>
<p>Töö kättesaamine</p> <p>Olles teinud kõik, et pakkuda maksimaalse kvaliteediga teenust, on meil hea meel tunnistada, et klient on praktiliselt alati meiega rahul. Kui see nii ei ole, teeb EM Tõlge kõik, mis võimalik, et töö tellija rahulolu tagada</p>	<p>Получение работы</p> <p>Мы рады предложить <i>качественную</i> услугу и <i>клиент доволен с нами</i>. Если <i>случиться</i>, что клиент не доволен, EM Tõlge <i>делает</i> всё возможное, чтобы работу <i>пересделали</i>.</p>

Следует отметить, что специфические, но весьма разнообразные ошибки содержатся в переводах, выполненных не обладающими достаточной языковой компетенцией носителями обоих контактирующих языков. В непрофессионально выполненных пословных переводах превалирует буквализм, при этом наблюдаются аномалии, обусловленные как интерференцией, так и просто

незнанием языковой системы и кодифицированной литературной нормы. Отклонения от языкового стандарта проявляются в рамках всех уровней языковой системы и охватывают нарушения семантических, грамматических, стилистических и иных закономерностей, например:

**Любимое дитё природы в Хийумаа (Эстонский справочник путешественников, 2002, с. 37; пояснение: Хийумаа – остров).*

**Экскурсия для школьников и детских садов (там же, с. 30).*

**Расположен (имеется в виду хутор Кяблику) на берегу дополнительной реки Леви реки Ахья, на бывшей собственности водяной мельницы Матто (там же, с. 30).*

**...старайтесь не шуметь – кагал беспокоит птиц и зверей... (Ю. Ааре. Азбука туриста, 2001, с. 12).*

**В условиях экономического спада в опасной зоне оказались фирмы недвижимости и строительства («Молодежь Эстонии», 2008-08-10 www.moles.ee/08/Jul/10/6-1.php).*

**Согласно видению будущего развития будет Налогово-таможенный департамент в 2012 году самой лучшей организацией публичного сектора (<http://www.emta.ee/index.php?id=26357>).*

Приведенные примеры некорректного перевода свидетельствуют, прежде всего, об игнорировании специфики денотативного и коннотативного значения языковых единиц, закономерностей сочетаемости лексем и словоформ и особенностей порядка слов в исходном и переводящем языках.

Заключение

Русский язык как переводящий представлен в Эстонии в разных сферах общения, хотя и не в полной мере. Особенности переводческого процесса в ситуации диаспоры обусловлены и опорой на стереотипы коммуникативного поведения, свойственные метрополии, и ориентацией на социокультурные стереотипы того общества, в котором переводческая деятельность осуществляется. Сопоставительный анализ первичных и вторичных текстов показывает, что переводы, способствуя взаимопониманию представителей контактирующих языков, оказываются мощным каналом влияния на язык диаспоры.

Специфика контактирующих языков неизбежно отражается на переводе, ибо структурно-смысловая организация переводного текста изначально формируется в условиях противостояния языковых систем и конкуренции языковых сознаний. Поэтому переводчик как посредник между носителями двух языков и культур обязан быть компетентным. В противном случае переводной текст не будет восприниматься как заслуживающий доверия. Хотя в Эстонии есть прекрасные переводчики, в общем, качество переводных текстов остается низким из-за отношения к работе переводчика как к деятельности, доступной каждому, что не отражает сути и задач переводческого процесса. А большое количество неудачных словоупотреблений в переводах, накапливаясь, в условиях

диаспоры создает предпосылки для радикального разрушения языковой нормы, поскольку переводные тексты все-таки часто воспринимаются как абсолютно грамотные.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимов, В. В. *Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации*. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2006.
- Валеева, Н. Г. Перевод – языковое посредничество, способ межкультурной и межъязыковой коммуникации. [cited 2011-05-30]. Доступно: <http://www.trpub.ru/valeeva-perevod-kommunik.html>
- Рецкер, Я. И. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. М.: Р. Валент, 2006.
- Тимакина, О. А. *Курс лекций по дисциплине «Теория перевода»*. ТулГУ, Тула, 2007.
- Щаднева В. П. О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии. В сб.: *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Tartu Ülikooli Kirjastus, Tartu, 2009, с. 224–242.
- Щаднева В. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов. В сб.: *Русистика и современность. 13-я Международная научная конференция*. Сборник научных статей. БМА, Рига., 2011, с. 540–545.

Kopsavilkums

Raksts ir veltīts tulkošanai no igauņu valodas uz krievu valodu. Tulkošana uzskatāma par starpvalodu komunikācijas līdzekli. Šajā rakstā ir apkopoti secinājumi, kas iegūti, tulkojot dažādu stilu tekstus krievu valodā, turklāt tiek ņemti vērā saziņas kanāli gan drukātā veidā, gan arī elektroniskajā vidē. Raksts satur tulkošanas procesa raksturojumu, ievērojot mūsdienīgu Igaunijas apstākļus, tulkošanas galveno lingvistisko problēmu apskatu, kā arī igauņu-krievu tulkojumu kvalitātes novērtējumu. Valodu faktus analizējot, tiek raksturota tulkošanas ietekme uz diasporas valodu.

Atslēgvārdi: *tulkošana no igauņu valodas krievu valodā, starpvalodu komunikācija, valodu un kultūru mijiedarbība tulkošanā, tulkojumu valodas raksturiežimes.*

Summary

This article examines translation from Estonian to Russian as a means of interlinguistic communication. The research draws conclusions from analysis of texts of various styles translated into Russian. The analysis covers material on various topics. The author takes into account the fact that translations in Estonia are carried out not only in print but also electronically (at many online sites of the government and the private sector). This article covers the socio-linguistic characteristics of the translation process in Estonia today, an overview of linguistic problems related to the translation of official information, as well as an evaluation of the linguistic qualities of such Estonian-Russian translations. The analysis shows that translation is a channel of influence on the language of the Russian diaspora, since in a diaspora translation is an important means of orientation towards the socio-cultural stereotypes of the society in which the translation process is carried out.

Keywords: *Estonian-Russian translations, interlinguistic communication, interaction of language and culture in translation.*

Начинательный способ действия в русском и латышском языках

Inhoatīvi krievu un latviešu valodā Russian and Latvian Inchoatives

Анатолий Кузнецов (Даугавпилс)

Daugavpils Universitātes Humanitārā fakultāte, Vienības 13, Daugavpils, LV-5401
anatolijs.kuzņecovs@du.lv

Словообразовательные системы русских и латышских глаголов довольно близки: префиксы в них могут получать аспектуальное значение, в том числе выражать способы глагольного действия. Начинательный способ оформляется приставками *za-* и *ie-* (в составе циркумфикса *ie-+-ies*), однако их неидентичные пространственные значения накладывают ограничения на образование инхоативов и рождают разные типы полисемии. Синонимами инхоативов являются словосочетания с глаголами *начать / начинать, sākt*, варьирование средств выражения начинательности является предметом стилистики и используется в переводческой практике.

Ключевые слова: инхоативы, префикс, видовая пара, словосочетание, перевод.

В русском и латышском языках достаточно развито префиксальное словообразование глагола, и в этих языках префикс может иметь не только пространственное значение, но и аспектуальное значение и значение, выражающее способ глагольного действия. Языковая картина мира, воплощаемая в данной категории, навязывает говорящему свою парадигму представления события. Ему необходимо задуматься над тем, как в речи обозначить действие: *шевельлся / шевельнулся – начал шевелиться – за-шевельлся ÷ kustējās / sakustējās – sāka kustēties – ie-kustējās*. Начинательный (или инхоативный) способ глагольного действия образуется в русском языке при помощи приставки *za-*, а в латышском – *ie-* (в обоих языках имеются и другие префиксы начинательности). Сходство, однако, не означает полного совпадения, и не только потому, что в латышском языке собственно видовое противопоставление глаголов не получило такого развития, как в славянских языках.

Несовпадение «первичного» – пространственного – значения этих приставок имеет следствием и некоторые отличия в их функционировании в качестве аспектуальных префиксов начинательности. Русская приставка *za-* в пространственном значении указывает на преодоление некоего предела, рубежа или на расположение в противоположном пространстве с другой стороны некоего рубежа, поэтому в аспектуальном плане приставка может оказаться

двусмысленной – указывать как на начало действия, так и на его конец (результативность): *закурить* – ‘начать курить’ и ‘зажечь сигарету’; *захлопать* – ‘начать хлопать’ и ‘прервать чье-либо выступление, заглушив его громким хлопанием в ладоши’ (сохраняется пространственное значение); *зацвести* – ‘начать цвести’ и ‘покрыться зеленью или плесенью’. Соответствующие глаголы несовершенного вида *закуривать*, *зацветать* указывают прежде всего именно на начальную стадию процесса, но могут иметь и значения результативности – *зацветать* (о воде), *захлопывать*. Многие глаголы с этой приставкой имеют только результативное значение: *запечь* / *запекать*, *засолить* / *засаливать* и т. п. Как пишут Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев (*Зализняк, Шмелев 2000*, с. 107), собственно инхоативные глаголы образуются от названий гомогенных (однородных на всем протяжении) ситуаций и не дают видовых пар: *шуметь* → *за шуметь*. То же наблюдается в группе глаголов узуального действия: *говорить* → *заговорить* (напр. *по-французски*). К несобственно-инхоативным исследователи относят глаголы со значением перехода в иное состояние (коммутативные): *закипеть* → *закипать*, которые сосредотачивают внимание именно на начальной стадии процесса и образуют видовую пару. Соответствующие каузативы обычно не участвуют в образовании инхоативов: *заварить* → *заваривать* – оба глагола с результативным значением. В случае образования омонимичных глаголов с приставкой *за-* литературный язык оценивает инхоативный дериват как стилистически сниженный – разговорный: *Выйдя замуж, она заварила супы*.

Латышская приставка *ie-* соответствует русской *в-* / *во-*, т. е. в пространственном смысле указывает на проникновение вовнутрь и в аспектуальном плане имеет или значение начинательности, или однократности, или малой степени проявления действия (аттенуативные глаголы): *grabēt* ‘стучать’ → *iegrabēties* ‘стукнуть; застучать, загромыхать’, *sprēgāt* ‘трещать, потрескивать, трескаться’ → *iesprēgāt* ‘дать / давать трещину; потрескаться’, а в соединении с пространственным – значение результативности: *kalt* ‘ковать’ → *iekalt* – ‘заковать / заковыпать (напр. в кандалы)’, *jaut* ‘замешивать (хлеб)’ → *iejaut* – ‘замесить / замешивать’; глаголы со значением перехода в иное состояние и соответствующие каузативы обычно получают значение результативности: *žūt* ‘сохнуть, высыхать’ → *iežūt* ‘усохнуть / усыхать’, *kaltēt* ‘сушить, просушивать’ → *iekaltēt* ‘засушить / засушивать’; *rūgt* ‘бродить, киснуть’ → *ierūgt* ‘закиснуть / закисать’, *raudzēt* ‘квасить’ → *ieraudzēt* ‘заквасить / заквашивать’.

Среди глаголов, обозначающих гомогенные ситуации, выделяется несколько семантических групп, например, глаголы, описывающие звуки. От них легко образуются инхоативные глаголы: **(о предметах)** *забренчать* – *iešķindēties*; *забулькавать* – *ieklunkšķēties*, *ieburbuloties*; *забухать* – *iebūksķēties*; *загромыхать* – *iedārdēties*, *ieducināties*, *iegrabēties*, *iegrandēties*, *ierībēties*; *загромыхать* – *iedārdēties*, *ierībēties*; *загрохотать* – *iedārdēties*, *iedunēties*, *ierībēties*; *загудеть* – *ierūkties*, *iedimdēties*, *iedūkties*, *iesanēties*, *iedunēties*; *задребезжать* – *ieklinkšķēties*, *ieplarkšķēties*, *ieplerkšķēties*, *iešķindēties*; *зазвенеть* – *iedžinkstēties*, *iešķindēties*; *зазвонить* – *iezvanīties*; *зазвучать* – *ieskanēties*; *зазвякать* – *iešķindēties*;

заклокотать – *ieburbuļoties, iegārgties, iekrākties*; залязгать – *iedžerkstēties*; зарокотать – *iedūkties, ieducināties, iegrandēties*; заскрежетать – *iedžerkstēties*; заскрипеть – *iečīkstēties, iečīrkstēties, iegurkstēties*; засмучать – *iegrabēties, ieklabēties, ieklaudzēties, ierībēties*; запаракхметь – *ieparkšķēties, ierībēties, iesparkšķēties*; запрущать – *iebrakšķēties, iebriksķēties / iebriksķēties, ieknakšķēties, ieknikšķēties, iesprēgāties, iespriksķēties*; захрустеть – *iekraukšķēties*; зашелепеть – *iečabēties, iečaukstēties*; зашуметь – *iečurkstēties* (о масле); зашуреть – *iekrākties*; зашуршать – *iečabēties, iečabināties, iečaukstēties*; **(О ЖИВОТНЫХ)** заблеять – *ieblēties*; заверещать – *iečīrkstēties* (о сверчке); завизжать – *iekviekties, iesmilkstēties, iespiegties*; заворковать – *iedūdoties*; завывать – *ieaurēties / ieauroties, iegaudoties, iekaukties*; загоготать – *iegāgināties*; зажуужжать – *iedīkties, iedūkties, iesanēties, iesīkties, iespindzēties*; закаркать – *ieķērkstēties, ieķērkties*; заквакать – *iekurkstēties*; заклохтать (о крике курицы-наседки) – *ieklukstēties*; закрякать – *iepēkšķēties, iekrekstēties, iekrekšķēties*; закудахтать – *iekladzināties*; закукарекать – *iedziedāties*; закуковать – *iekūkoties*; залаять – *ierieties*; замычать – *ieauroties, iedīkties, ieīdēties*; замыкать – *ieņaudēties*; запищать – *iečīnkstēties, iečīepstēties/iečīepties, iepīkstēties, iesīkties, iečīkstēties*; зареветь – *ieaurēties / ieauroties, iebauroties, ierēkties, iemauroties*; заржать – *iebubināties, iegrudzināties*; зарычать – *ierēkties, ierūkties*; засвистать – *iepogoties*; заскулить – *ieķīlksķēties, ieņerkstēties, iesmilkstēties*; затоковать – *ierubināties*; затявкать – *iekvauskšķēties, ieķaukstēties*; заурчать – *iekurkstēties*; зафыркать, зафырчать – *iebūksķēties, ieparkšķēties, iesprauslāties, iepuksķēties, iesparkšķēties*; захрюкать – *ieruksķēties, ieruksķīnāties*; зачиркать – *iečīrkstēties*; защебетать – *iečīvināties*; защелкать – *iepogoties*; **(О ЛЮДЯХ)** забурчать – *ieburksķēties, iekurkstēties*; завопить – *iekliegties, iebļauties*; заворчать – *ierūkties, ieburksķēties, ieņurdēties*; заголосоить – *ievainanāties*; загорланить – *ieaurēties / ieauroties*; закричать – *ieaurēties / ieauroties, iebrēkties, iekliegties, iebļauties*; заорать – *iekliegties*; запыхтеть – *iepukšķēties*; засмеяться – *iesmiēties*; застонать – *iekunkstēties*; захныкать – *iečīkstēties*; захранеть – *iekrākties*; захрипеть – *iesēkties, iegārgties, iepļerkšķēties, iekrākties, iečērkstēties* (о часах).

Действие, названное этими глаголами, в реальности может протекать по-разному в зависимости от источника звука. Если звук издает предмет или механизм, то обычно подразумевается, что после начальной фазы действие продолжается. Если же звук производит животное или человек, то чаще бывает так, что звук прекращается после начальной фазы. Поэтому тот же смысл могут выражать в русском языке глаголы других способов действия: *закричать* = *крикнуть, прокричать*; *зарычать* = *рыкнуть* и т. п. Латышские глаголы в этом значении не получают синонимических дериватов, один и тот же глагол имеет оба значения: *iekliegties* – это и ‘закричать’, и ‘крикнуть’, *ieauroties* – это и ‘замычать’, и ‘промычать’. Формальные различия между русским и латышским языком в данном случае заключаются в том, что латышские инфинитивы получают возвратную форму, т. е. в словообразовании участвует циркумфикс *ie- ~ -ies*.

Указание на начальную фазу действия (в данном случае – звука) становится актуальным в обоих языках обычно в повествовательном монологическом

контексте, где глаголы получают форму прошедшего времени. Гораздо реже этот смысл актуализируется в диалогической речи в формах будущего времени: *Когда я закричу, ты беги* = *Kad es iekliegšos, tu skrien*. Кроме того, значение начинательности обычно связывается с представлением об однократном действии, поэтому русские дериваты оказываются одновидовыми: они не имеют соответствующей пары – глагола несовершенного вида. В принципе тот же смысл можно выразить при помощи глаголов *начать* и *стать*: *начать визжать* (*стал визжать*), *начать шелестеть*. На выбор средства выражения начинательности влияют стилистические и лексическо-семантические факторы.

В латышском языке действуют те же закономерности, т. е. начинательность может быть выражена при помощи глагола *sākt* ‘начать, начинать’, но требуются дополнительные исследования, чтобы установить границы синонимического варьирования. Естественно, что с глаголами, обозначающими переход в иное состояние, начинательность может быть выражена только аналитически: *Sāk krēslo, un mašīnas gaismas izbiedē pāris meža ītāru* (Puķe 2004, с. 9). Но предпочтению отдается аналитической конструкции даже тогда, когда имеется начинательный глагол (*iesāpēties* ‘заболеть’): *...saule cērt acīs tik stipri, ka, izejot ārā bez saulesbrillēm, sāk sāpēt galva...* [солнце ударяет в глаза так резко, что при появлении на улице без солнечных очков *начинает болеть* голова] (Puķe 2004, с. 12), – в контексте узуального *praesens historicum* инхоативы не используются. Еще интересней пример с атрибутивным причастием: *To man stāsta sirmot sācis vīrs...* [Это мне говорил *начавший сидеть* человек...] (Puķe 2004, с. 20); ср. прилагательное с начинательным значением *iesirms* ‘седоватый, седеющий’.

Чтобы выразить начинательный смысл одновременно со значением многократности или узуальности (неконкретной временной отнесенности), в русском языке необходимо использовать конструкцию: *начинать визжать, начинать шелестеть*. Вероятно, в латышском языке в таких контекстах возможно употребить инхоативный глагол: *Katreiz, kad motors iedūcās, viņa sirds iepukstējās straujāk* ‘Каждый раз, когда мотор *начинал реветь*, его сердце билось (*начинало биться*) сильнее’; *Katreiz, kad suns iesmilkstējās no sāpēm, viņa sirds iepukstējās straujāk* ‘Каждый раз, когда собака *начинала скулить* от боли, его сердце *начинало биться* сильнее’. Но латышский глагол может употребляться и в настоящем времени, приобретая значение прерывисто-смягчительного образа действия: *Suns iesmilkstas no sāpēm* ‘Собака повизгивает’.

Гораздо меньше соответствий между русским и латышским языком наблюдается в группе глаголов, где семантика звучания является не главной, где звук сопровождает другое действие – физическое (1) или речемыслительное (2): (1) *кипеть* → *закипеть* → *закипать* ÷ *vārīties / virt* > *ieburbuļoties* (замена глагола состояния глаголом звучания); *капать* → *заканать* ÷ *pilēt* → *sākt pilēt* (начинательность возможно выразить только словосочетанием); (2) *ругать* → *заругать* ÷ *lamāt / bārt* → *sākt lamāt / bārt*; *просить* → *запросить* ÷ *lūgt* → *sākt lūgt* (глагол *ielūgt* значит ‘пригласить / приглашать’); *спорить* → *заспорить* ÷ *strīdēties* → *sākt strīdēties*.

Наличие в языке нескольких способов выражения значения начинательности дает возможность переводчику пользоваться синонимическими заменами. Например, в переводах рассказов А. П. Чехова на латышский язык (все примеры взяты из промоционной работы (*Polkovņikova* 2010, с. 69–79)) глагол *заговорить* обычно передается словосочетанием:

...немного погодя к ней пришла одна пожилая дама..., которая как только села за стол, то немедленно **заговорила** о Пустовалове... (Душечка).

...pēc kāda laika pie Oļas atnāca... kāda Oļai maz pazīstama pusmūža dāma un, kolīdz apsēdās pie galda, tūlīt **sāka runāt** par Pustovalovu... Sirsniņa (J. Ozols)

– Нет, родная моя, нет, – **заговорила** Нина Ивановна быстро... (Невеста).

– Nē, mana mīļā, nē! – **Nina Ivanovna... sāka ātri runāt**. Līgava (A. Grēviņa)

И он **заговорил** о том, что всем давно уже известно (Учитель словесности).

Un viņš **sāka runāt** par to, kas visiem jau sen zināms. Literatūras skolotājs (L. Rūmniece)

Мойсейка... что-то **быстро** и невуче **заговорил** по-еврейски (Палата № 6).

Mozelis... dziedošā balsī **sāka arī kaut ko bērt ebrejiski**. Sestā palāta (A. Rudzroga)

Белокуров длинно, растягивая «э-э-э-э...», **заговорил** о болезни века – пессимизме (Дом с мезонином).

Gari vilkdams «ē-ē-ē-ē», Belokurovs **sāka runāt** par gadsimtu kaiti – pesimismu. Māja ar mezonīnu (A. Kurcijs)

Все **заговорили** о том, как скучно порядочному человеку жить в этом городе (Палата № 6).

Visi **ņēmās pārspriest**, cik garlaicīgi esot kārtīgam cilvēkam dzīvot šajā pilsētā. Sestā palāta (A. Rudzroga)

Гораздо реже тот же глагол переводится приставочным образованием:

Теперь за чаем спор начался с того, что Никитин **заговорил** о гимназических экзаменах (Учитель словесности).

Tagad tēju dzerot, strīds sākās ar to, ka **Ņikitins ierunājās** par eksāmeņiem ģimnāzijā. Literatūras skolotājs (L. Rūmniece)

Наденька... заглядывает мне в лицо, отвечает невпопад, ждет, **не заговори** ли я (Шуточка).

Nadjeņka... palūkojas manī, atbild izklaidīgi, gaida, vai **neierunāšos**. Jociņš (R. Ezera)

В первом случае использование приставочного глагола уже обусловлено тем, что в предтексте есть лексема *начался* – *sākās*, и повтор был бы стилистически неуместен. Во втором примере контекст будущего времени с модальной частицей-союзом *не*, выражающей сомнение, неуверенность, актуализирует не собственно начинательность действия (*начну говорить*), а вообще его осуществление (*буду говорить*), поэтому остается только один способ – приставочный глагол, иначе *sākši* займет позицию ремы.

Интересно, что в русском языке в конструкциях с прямой речью авторский комментарий может обходиться без глагола речи *говорить*, остается только глагол *начал* (в прошедшем времени) или *начинает* (praesens historicum):

– <i>А сегодня, дорогой мой, – начал Михаил Аверьяныч, – у вас цвет лица гораздо лучше, чем вчера</i> (Палата № 6). – <i>Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... – начинает Хрюкин, кашляя в кулак</i> (Хамелеон). – <i>А я вчера был на кладбище, – начал Старцев</i> (Ионыч). – <i>А я к вам с просьбой, – начал он, обращаясь к Ключкову...</i> (Анюта).	– <i>Bet šodien, mīļais draugs, – Mihails Averjaničs iesāka, – jums sejas krāsa ir krietni labāka nekā vakar.</i> Sestā palāta (A. Rudzroga) – <i>Es eju, jūsu labdzimība, nevienu neaiztieku... – iesāk Hrjukins, nokāsēdamies dūrē.</i> Hameleons (A. Bauga) – <i>Es vakar biju kapsētā, – Starcevs ierunājās.</i> Joničs (J. Ozols) – <i>Ierados pie jums ar lūgumu, – viņš ieteicās, uzrunādams Kļočkovu...</i> Aņuta (R. Ezera)

В латышских переводах такой эллипсис используется часто, но переводчики, как видим, могут и восстанавливать глаголы речи. Однако из приведенных двух глаголов *ierunāties* и *ieteikties*, образованных по одной модели, второй не является инхоативным, приставка *ie-* в нем сохраняет пространственное значение ‘вставить, заметить, заикнуться’ в соединении с результативностью ‘сказать’.

Как видим, изучение способов глагольного действия в русском и латышском языках должно вестись не только в словарном плане (системы языка), но и в плане речевого употребления.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк, Анна. А., Шмелев, А. Д. *Введение в русскую аспектологию*. Москва, 2000.
- Polkovņikova, Svetlana. *Runas verbi A. Čehova stāstos un to tulkojumos latviešu valodā. Pielikums. Krievu-latviešu runas verbu paralēļu vārdnīcā*. Promocijas darbs filoloģijas doktora grāda iegūšanai. Daugavpils, 2010.
- Puķe, Ieva. *Svētdienas sala. Latviešu žurnālistes ceļojums aborigēnu Austrālijā*. Rīga, 2004.

Kopsavilkums

Krievu un latviešu verbu vārddarināšanas sistēmas ir diezgan līdzīgas: prefiksi abās valodās var iegūt aspektuālo nozīmi, ieskaitot verbu darbības veidus. Inhoatīvu veids tiek noformēts ar prefiksiem za- un ie- (cirkumfiksa ie-+-ies sastāvā), tomēr to neidentiskas telpas nozīmes ierobežo inhoatīvu atvasināšanu un izraisa dažādus polisēmijas tipus. Par inhoatīvu sinonīmiem kļūst vārdkopas ar verbiem начать / начинать, sākt, iesākšanas apzīmēšanas līdzekļi tiek pētīti stilistikā, šādi varianti izmantoti tulkošanas praksē.

Atslēgvārdi: inhoatīvi, prefikss, darbības vārdu veidu pāris, vārdkopa, tulkošana.

Summary

The word formation systems of Russian and Latvian verbs are similar enough: their prefixes can obtain aspectual meaning, including modes of verbal action. Inchoatives are formed by prefixes за- and ie- (in the circumfix ie-+-ies), but their non-identical spatial meanings restrict the formation of inchoatives and generate different types of polysemy. Combinations of words with verbs начать / начинать, sākt are used as synonyms for inchoatives. Stylistics studies this variability of expressions, it is used in translation practice.

Keywords: *inchoatives, prefix, aspectual pair, combination of words, translation.*

Образ инородца в традиционной культуре староверов Латгалии

Cittautieša tēls Latgales vecticībnieku tradicionālā kultūrā

Image of the Outlander in the Traditional Culture of Old Believers in Latgale

Елена Королёва (Даугавпилс)

Daugavpils Universitātes Komparatīvistikas Institūts, Vienības 13, Daugavpils, LV-5401
anatolijs.kuznecovs@du.lv

В статье анализируются представления староверов о своих соседях – евреях, цыганах, белорусах. Дialeктный материал записан автором в 21 населенном пункте Латгалии (юго-восточная часть Латвии). Приводятся высказывания, показывающие отношение староверов к евреям, цыганам, белорусам. Сообщаются мифологические основы создания этностереотипов еврея, цыгана, извлеченные из этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого. Привлекаются для анализа прозвища людей, фразеология, сравнительные конструкции, метафоры, фольклорный материал. Учитывается аксиологический аспект. Делается вывод о том, что языковой материал отражает повседневный опыт общения с соседями и мифологические представления, идущие из глубины веков, об опасности, греховности инородцев.

Ключевые слова: евреи, цыгане, белорусы, староверы, диалектный, фразеология, аксиология.

Это сейчас как-то народ смешался, а раньше отличался и глазам, и волосам (Малта).

В современной Латвии староверы живут в полиэтническом обществе, постоянно взаимодействуя с другими этносами: латышами, латгальцами, поляками, белорусами, украинцами, евреями, цыганами, литовцами и другими народами. Посмотрим, какое представление имеют староверы о трех этнических соседях – евреях, цыганах и белорусах. С позиций этнолингвистики, инородец – «иноплеменник, иностранец, иноверец – в традиционной культуре представитель иного этноса, соотносимый с категорией чужого» (СД 2, с. 414). Языковые способы выражения семантической категории «свой – чужой» – это, прежде всего, этнонимы, микроэтнонимы (групповые прозвища), паремиология, метафоры, сравнительные конструкции, фразеологизмы, слова с прозрачной внутренней формой, терминология родства и свойства. В этнонимах и микроэтнонимах наиболее отчетливо проявляется языковое сознание этноса.

Д. К. Зеленин называл их голосом народа о себе и своих соседях. *«Отношение к инородцам характеризуется двойственностью: с ними связаны понятия опасного, греховного, потустороннего, нечистого, в то же время инородцы воспринимаются как носители сакрального начала, податели блага, здоровья, удачи»* (СД 2, с. 414). Более действенным считается у староверов лечение у знахаря-инородца, особую магическую силу приобретают заговоры, лечебная молитва, колдовство в момент католических праздников, особенно в Янов день (23 июня). Своя вера считается правильной, чужая искаженной: *«Наше моление и пение много лучше православных* (Даугавпилс). *У нас правильный крест и молитвы правильные, а православные болты откидывают, католики всей рукой, всеми пальцами вместе, а надо правильный крест* (Даугавпилс). В основе этнического самосознания староверов Латгалии лежит признак конфессиональной принадлежности (Королева 2008). Правда, в последнее время староверы проявляют больше терпимости по отношению к представителям других конфессий. Все чаще и чаще слышны утверждения о том, что *«Бог один, а веры разные*. Не соглашаясь с этим, «ортодоксальные» староверы считают, что это *их так латыши научили* (Даугавпилс). Искажение веры происходит, по их мнению, под влиянием инородцев.

Рассмотрим на материале диалектной речи, записанной автором за последние 35 лет в Латгалии (юго-восточная часть Латвии), те стереотипные представления, которые сложились у староверов о своих этнических соседях – евреях, цыганах и белорусах. Эти этностереотипы сложились в результате межкультурной коммуникации в процессе многовековых контактов в условиях совместного проживания. Как часто бывает в таких случаях, *«частный признак возводится в ранг этнического стереотипа»* (СД 3, с. 369). Этностереотипы обладают высокой степенью аксиологичности.

Евреи

По свидетельству историка В. В. Никонова, *«евреи появились в пределах Витебской губернии не ранее второй половины 17 столетия. Непосредственно в Латгале особо благоприятная ситуация для миграции населения сложилась после опустошительной чумы 1710 года. Тогда здесь в большом количестве стали селиться выходцы из России и Белоруссии, в том числе и евреи. Значительный прирост еврейского населения в Режице произошел после раздела Польши, когда большая часть восточных евреев оказалась в российских пределах»* (Никонов 2000, с. 112).

Отношение к евреям и цыганам сложилось у славян в глубокой древности в результате мифологических представлений об инородцах. Внешний облик, языковые особенности, характерные черты быта, стереотипы поведения евреев и цыган объясняются в легендах о происхождении различных народов совершением какого-л. положительного или неблагоприятного поступка в прошлом. Например, согласно данным этнолингвистического словаря, *«наличие перхоти у евреев объясняется их поведением во время Исхода из Египта и после распятия Христа. Гонимость евреев и цыган объясняют тем, что еврей (бел.) или*

цыган (русин.), подражая Христу, пытался оживлять людей, но потерпел неудачу. Цыгане не имеют пристанища за то, что цыган сделал лишний гвоздь для распятия (з.-укр.). Евреи обречены на скитания, т. к. прокляты Богом за распятие Христа (о-слав.)» (СД 2, с. 414).

К сожалению, традиционный фольклор староверов Латгалии не сохранил подобных легенд, но мотивировку, согласно которой евреи прокляты Богом за распятие Христа, мы встречали постоянно у староверов и в наши дни. Итак, легенд не сохранилось, но отрицательно оценочные и предельно экспрессивные выражения с прилагательным *пархатый*, которое этимологи связывают со словом *перхоть*, а сам корень *парх-* выводят из польского языка (Черных 2, с. 9), до сих пор достаточно активно используются староверами Латгалии в качестве бранных выражений только по отношению к евреям – *пархатый жид*, *бес пархатый*, *змея пархатый*: *До войны их тутыся, бесей пархатых, было немерено* (Екабпилс). Ср. наречие с общеоценочным отрицательным значением *пархато* ‘плохо’: *Мне сегодня пархато* (Дгв. Нидеркуны). Лексема *пархи*, мн. ‘струнья, короста под волосами (результат кожной болезни)’ фиксируется в *Травнике XVII века (СРЯ XI–XVII 14, с. 158)*.

Выражение *жид греховный* использовалось в качестве бранного по отношению к детям и людям, совершившим какой-нибудь предосудительный поступок: *Раньше не ругались, например, дурак, а говорили жид греховный, демон, анчутка – обычно на детей, на вредных людей* (Прл. Костыги). Понятно, почему греховные, – потому что безбожные: *На сук Богу молятся!* (Крс. Ковалево).

Лексемы *жид* и *еврей* в сочетании с экспрессивными суффиксами *жидовина*, *еврюга* могут использоваться в просторечии Даугавпилса для наименования и обзывания жадных людей: *Ах, ты жидовина!* (Даугавпилс); *Вот еврюга, пару сантимов жалко!* (Даугавпилс). Как пишет Е. Л. Березович, «мотив скупости евреев может иметь и экстралингвистические корни, связанные, предположим, с традицией ростовщичества, однако для диалектных и просторечных фактов русского языка естественнее предполагать внутриязыковой стимул, поскольку названная внеязыковая мотивировка несет определенный отпечаток книжной культуры» (Березович 2007, с. 127).

Следует заметить, что по отношению к евреям используется этноним *жид*, в сельской местности преимущественное распространение имеет дериват *жидок*, которые сами по себе, без прилагательных и суффиксов с пейоративной окраской не имеют отрицательной коннотации. Лексема *жидок* входит в словообразовательный тип таких этнонимов, распространенных на данной территории, как *латышок*, *полячок*, *сибирячок*.

Евреи в рассказах о прошлом наших информантов обычно фигурируют как торговцы, владельцы лавок. Высокий процент еврейского населения в городах В. В. Никонов объясняет двумя причинами: «*во-первых, города были наиболее благоприятным местом для коммерческой и ремесленной деятельности, во-вторых, государственными юридическими актами. Целый ряд документов (указы 1795, 1804, 1823 и 1833 г.) предписывал переселение евреев в города*

и местечки» (Никонов 2000, с. 112). Ссылаясь на исторические источники, В. В. Никонов объясняет это продажей евреями вина крестьянам, со всеми неизбежными последствиями (*там же*).

Основным занятием евреев была торговля. Для староверов типично представление о евреях как о людях, связанных с торговлей: *Там ряка и длинный-длинный яврейский дом, где иччас Мосеиха живёт, длинный-длинный яврейский дом кал ряки: там яврей дяржал магазин* (Рзк. Зуи). Староверы, из среды которых вышло много замечательных купцов, пальму первенства в этой сфере отдают евреям: *Кто русский умеет торговать? Надо как евреи* (Прл. Санаужи). Как правило, в рассказах старожилов отмечается умение евреев сохранять свою клиентуру: они охотно давали в долг тем, кому доверяли, товары и продукты, и даже ссуживали их деньгами без всяких процентов, и не ошибались при этом, долг им всегда возвращали: *Всим давали в долг: бери хоть бочку селёдок, будут деньги, разберёмся. Таких людей надо поискать* (Прл. Анчкины). Много благодарных слов звучит в адрес евреев в связи со свойственным им умением дружить, выручать из беды тех, кого они хорошо знают, с кем их связывают общие интересы: *Эты евреи вси были папке хорошо знакомые. Он евреев очень любил, потому что, как сгорели в ту войну, вся деревня выгорела, мамка осталась с трём ребятам, ничего не было. Папка стоит на дороге, а еврей, купивши, корову ведёт: «Бери корову, молоко будешь пить, отдашь когда надо». Разе наш отдал бы тебе – от тебя отымет последнее!* (Прл. Анчкины). Таким образом, евреи очень хорошо разбирались в людях, правильно оценивали не только их моральные качества, но и финансовые возможности. Отсюда появляется представление о евреях как о людях, умеющих быстро и точно считать. На основе этого представления появляется сравнительная конструкция *голова как в еврея*: *У ней <у бухгалтера> голова была как в еврея: она с тобой говорит и считает* (Малта). Умение торговать у евреев может приобретать несколько навязчивый характер, они обладают своеобразным гипнотизмом, только так можно объяснить их умение навязать покупателю совершенно ненужный ему товар: *Я тебе на долг дам, на вексель дам – всё равно он тебе что-нибудь вклянчит, он тебе будет клянчить и клянчить, пока вклянчит* (Малта). Во времена Первой Латвийской республики (1918–1940) таких евреев-торговцев или их приказчиков называли *зазывалы-кивалы* (Резекне). Еврей-торговец – привычный образ частушек, записанных И. Д. Фридрихом в Яунлатгалии: *Не пойду в деревню замуж, / Не хочу я работать. / Пойду в город за еврея, / Буду шапкам торговать* (РФЛ 2004, с. 184). Информантами И. Д. Фридриха в Яунлатгалии были православные, староверам по религиозным предписаниям не позволено было вступать в брак с евреями и другими инородцами. Теперь, судя по всему, ситуация несколько изменилась: *Раньше да, а таперика за жидов идут, за цыганей, смешавши вместе всё, а таперь не, все смешались* (Прл. Фольварк).

Со сферой торговли связана и следующая черта еврейского характера – обман в торговле: синтаксический фразеологизм *еврей есть еврей* указывает именно на эту особенность характера еврея. Материал записан в молодежной среде в наше время: *Вот Шурик гад: еврей есь еврей, второму человеку уже подсунул такой телефон, что на помойку только выбросить, и то помойку жалко* (Даугавпилс.)

Удивительное свойство ловкости, удачливости, предприимчивости, вырастающее из их способности выживать и приспосабливаться к любым условиям отражается в сравнительной конструкции фразеологизированного характера: *Как еврей между каплями пройдёт* (Даугавпилс) ‘о ловком, пронырливом, предприимчивом человеке’.

Сосредоточив в своих руках большой капитал, евреи умеют им правильно распорядиться, хорошо, со вкусом жить. Это также оценивается староверами как положительная черта: *Мало она <мебель> где была: у евреев, хозяев крупных, кто магазины держали, евреи* (Малта); *Не жили, а существовали, а в евреев, в тех было, в еврейях и золото было, и в домах было* (Малта); *Евреи были очень богатые, два дома сдавали, где я жила* (Рзк. Астицы); *Богатые евреи, красивые* (Даугавпилс). Отношение к богатым евреям может оцениваться как положительное, поскольку они отличались щедростью по отношению к тем, кого нанимали в прислугу: *Наташа, ты переборливая. Если ты от нас выйдешь замуж, ты не представляешь, ты от нас какой подарок получишь. Всё-таки евреи жили спокойно, если оны и были, так оны **дружили**, а кто **оговаривал**, всё водка* (Рзк. Астицы). Как видим, здесь же подчеркивается их клановость, коллективизм, характерный, кстати, и для самих староверов.

Еще одна черта еврейского национального характера, с точки зрения старовера, – это трусость. Эта особенность евреев получила языковое выражение во фразеологизме *носить еврея в штанах*: *Охрана кругом ходит, а всё равно еврея в штанах носит, когда ты каждую минуту дрожишь, так это тоже не совсем радостно* (Малта.) Эта черта детерминирована, по-видимому, извечными гонениями на евреев. Староверы относились к евреям с сочувствием, поскольку тоже подвергались таким же гонениям и репрессиям за свою веру. Вот типичное воспоминание о самом начале немецкой оккупации: *Сначала им наши звезды, потом переменяли, ты не должен идти по тротуары, а некоторые злом ехали, чтоб сбить, а разве оны не люди?* (Рзк. Астицы). Следующие высказывания являются свидетельствами массовых расстрелов евреев: *Ай-я-яй, такие хорошие евреи в нас были в Краславе, и их всех расстреляли!* (Крс. Калишево); *Стадом-стадом с-под винтовку гнали и в яму* (Крс. Зигманы); *Там, где расстреливали преильских евреев, их самих заставляли копать эти ямы. Партию отберут по 10 каких человек, с узелочкам идут, рукам ребёнка несут, заставляли, чтоб садились на ту яму, кровь, всё разрывными пулями! Что они делали кому? Там сколько этих ям? Как сдумаешь, сколько тут было переживаний!* (Прл. Анчкины).

Нейтрализация оппозиции «свой – чужой» по линии противопоставления старовер и еврей наблюдается в названии *белые жида* для обозначения староверов. Появилась оно, по свидетельству очевидцев, во времена Второй мировой войны. Староверы объясняют это тем, что *они вторые после жидов*, т. е. после евреев, которые стояли у истоков христианства: *И Христос сам был жид, и обрезанье ён примал* (Дгв. Червонка); *Староверы – самые верные хранители древних христианских обрядов* (Рзк. Зуи). Показательно в этом отношении мнение А. А. Орлова о том, что «староверы-беспоповцы законобракного согласия

действительно исповедуют и содержат у себя истинную Церковь Христову. Ибо нынешние поморцы законобрачного согласия утверждаются на догматах веры и преданий древней святой церкви. И они ныне являются единственными последователями древнего святого благочестия со времен падения российского благочестия 1666–1667 г.» (Орлов 2005, с. 105). Как видим, зафиксированы случаи, когда староверов называют «чужими именами». Самоназвания интересно сопоставить с тем, как называли старообрядцев окружающие, так как «самоопределение группы зависит не только от внутренних причин в пределах группы, но и от ее взаимоотношений с окружением» (Вахтин, Головкин 2004, с. 34). В Даугавпилсе в наше время белыми жидами называют не староверов, как во время войны, а белорусов, мотивируя прозвище тем, что белорусы, как и евреи, умеют хорошо устроиться в жизни при любой власти.

Народная этимология может использоваться как механизм перевода текстов чужой культуры. Данный механизм может быть проиллюстрирован на примере неофициального названия еврейского праздника Кушей (Суккот) (Белова 2008, с. 209). У многих славян он носит название *еврейские кучки: Холод какой! – Это еврейские кучки, до 25 будет холодно, каждый год так в это время, только нынче ещё и снег* (Даугавпилс). Народная этимология объясняет название *кучки* тем, что на этот праздник евреи проводят совместные моления и массово совершают обрядовые действия, собираются вместе, т. е. в кучу (Белова 2008, с. 209–210). В Латгалии еврейские кучки бывают весной, хотя еврейский праздник Кушей (Суккот) приходится на осень; по свидетельству О. Беловой, в некоторых славянских регионах кучками называют любой еврейский праздник (Белова 2008 с. 209). По представлению староверов, еврейские кучки – это еврейская Пасха, она никогда не совпадает с католической и православной и всегда бывает удивительно холодной. По мнению О. Беловой, «описание культуры этнических соседей в терминах, характерных для своей культуры, служит средством познания самих себя через постоянное сравнение с чужими» (Белова 2008 с. 212).

С прецедентным именем еврейской культуры Аманом, имеющим *злодейскую сущность* (Березович 2007 с. 49), связана сравнительная конструкция, распространенная среди староверов, *носиться как Амен* ‘неистово, стремительно бегать, как будто спасаешься от преследования’: *Носится как Амен* (Демене). В смоленских говорах *гаман* ‘дьявол, черт’, что объясняется у Е. Л. Березович общей для разных славянских языков попыткой «демонизации» Амана (Березович 2007 с. 50).

Цыгане

Второй народ, мифологизированный в той же степени, что и евреи, – **цыгане**. Эта мифологизированность проявляется, прежде всего, в оценочных суждениях о них.

По диалектным записям о цыганах известно следующее. Цыгане занимались лошаадьми – торговали, меняли, воровали, растили: *У них была лошаадь от цыгана выменяна* (Малта). О том, кто часто что-н. меняет, говорят *меняет как*

цыган лошадей: Не ровные бабы, так и меняет, как цыганы коней (Крс. Зигманы); *Неровный мужик, так и меняет жён, как цыгане коней* (Дагда). Интересно, что в латышском языке зафиксирован аналог этого фразеологизма *taina kā cīgāns zirgus* ‘меняет, как цыган лошадей, меняет, как перчатки’ (LKfV с. 113). В Латгалии бытует поговорка *Каждый цыган свою лошадь хвалит*. Воровство цыган неслыханно. Прозвище *Цыган* в народном языке дается вору: *Его и звали Стёпка Цыган – такой шустрый! Ну, что змей, Цыган, рассказывай, где дрова брал?* (Малта). Особенно «прославились» цыгане как воры лошадей. Об этом ходили легенды. С лошадьми цыгане обращались крайне жестоко: *У нас цыган был, он яну <лошадь> так драконил, эту ляжку так ссекёт ей, она уже с сил выбивши* (Малта). Даже шутка зафиксирована на этот счет: *Это цыган коня отучал, чтоб не ел, пока сдох* (Малта). «Лошадиная» тема нашла отражение во фразеологизме *как у цыгана лошадей* в значении ‘много’.

Считается, что цыгане – нарушители общественного порядка и спокойствия: *Молодёжь собирается, цыганы происшествия делали* (Малта). И это, конечно же, оценивается крайне отрицательно: *У, цыганская морда! Ввязавши эта поскудь! <о цыганах>* (Малта).

Цыгане смуглые и темноволосые, поэтому сравнительный оборот *как цыган* в традиционной народной культуре может относиться к смуглому, веселому, хорошо поющему и танцующему человеку, умеющему зажечь окружающих своим весельем. Музыкальная одаренность характеризуется как *цыганская выхватка: Такой Федя Звонков, он, как во флоте служил, такой, как цыганчик, начнёт как чечётку выбивать, на гармони играл, такой темноватый, у него выхватка цыганская была, ловкий мальчишка был* (Малта). Как видим, музыкальная одаренность цыган оценивается в народной культуре сугубо положительно.

С другой стороны, сравнение *как цыган* может означать в идиостиле носителя диалектной речи легко одетого или одетого не по погоде человека и связано с оценкой цыганского как неопрятного, безвкусного, некрасивого: *Пришёл ко мне как цыган раздетый, губы синие, говорю, уходи скорей, у тебя же температура* (Даугавпилс). Прилагательное *цыганский* в этом случае выступает как отрицательно оцениваемый признак: *Вот такой был красивый дом, богатый, а теперь как цыганский <после того как вставили стеклопакеты>* (Даугавпилс). Типичен диалог, в котором сараи, временные постройки называются *цыганским балаганом: Вот я узнала, что с Нового года за все сараи надо будет платить налоги. – Это платить надо на фундаменте, а этот на столбах, он цыганский балаган* (Малта). Слово возвращает нас в те времена, о которых еще помнят наши информанты, когда цыгане приезжали всем табором в сельскую местность, раскидывали балаган и какое-то время жили на природе, докучая всем своим соседством.

В цитируемом выше сборнике частушек И. Д. Фридриха зафиксирована частушка, в которой представлено выражение *надоесть хуже цыгана*. Цыгане надоедают окружающим, потому что постоянно предлагают погадать, просят денег или просто попрошайничают: *Цыгане с торбам ходили* (Малта.); *Цыганы*

ж хлеб добывают языком, а не делом. Цыгани, они, беси, ко всем прилипают (Прл. Фольварк); *Забавочка ты мой, / Какой ты беленький зимой! / Как ты летом нагоришь, / Хуже цыгана надоишь!* (РФЛ 2004 с. 148). Цыганки известны тем, что гадают, используя гипноз, и, усыпив бдительность своих пациентов, обворовывают их: *Чмур напускали цыгане, возьмут тебя и оберут, покуль сам себе в свой розум войдёшь – цыгани-змеи!* (Прл. Фольварк); *Руку нельзя давать цыганке, она отнимает счастье. Уходить от цыганок надо. Цыганка руку посмотрела и счастье сняла. С цыганкой постретился, а цыганка-то подсмотревши, уже она хорошо знала, всё ему рассказала подробно. Цыганка, конечно, она мастачка* (Рзк. Вёртукшни); *Теперь в нас нет цыганей, слава Богу!* (Прл. Фольварк.)

Положительно оценивается старовеерами то, что цыгане верны своим традициям, ибо инверсия культуры характерна в одинаковой степени как для цыган, так и для старовееров: *Цыгани, яны яцё старую старину не кинули, бывало, как лето, и поехали табуном цыгани* (Дгв. Червонка). Но сейчас старовееры, по их собственному мнению, меньше сохраняют старины, а цыганам это удается, несмотря на глобализацию. По мнению старовееров, это происходит оттого, что цыгане – закрыты для посторонних, а старовееры теперь стали открыты для всех.

И последнее о цыганах. Ряженье не характерно для культуры старовееров. Оно полностью вытеснено церковным обычаем христославленья на Рождество. Однако спорадически встречаются упоминания о ряженных на святки и в среде старовееров: *В цыганей рядились: наденемся, там накинём плат какой и пойдём гадать, после взнают и за стол садят и поят* (Ливаны). Свидетельство из другого населенного пункта: *Цыганями ходили на сочельник* (Малта); *Была раз <ряженой>, были меня созвавши в цыганы* (Прл. Стародворье). В народных обрядах ряженные чаще всего изображали: «1. Животных; 2. Персонажей потустороннего мира или нечистой силы; 3. Святых; 4. Чужих: представителей других этнических, социальных и профессиональных групп» (СМ, с. 343–344). Ряженье воспринималось во многих местах как дело греховное и опасное. По прошествии праздника все принимавшие участие в ряженье должны были пройти обряд церковного очищения или искупаться в проруби, окропить себя святой водой и т. п. (СМ, с. 344). А коли так, ответственность за этот грех старовееры перекладывают на «чужих»: *А вот что ряженных не было в нашем краю, это не было. Это завелось в православных или же завелось в белорусах, а в нас этого не было <колядования>, ряженные с торбочкой ходили: перемажется – переденется – с торбочкой ходили. Вот тут уже когда появилась советская власть, появились люди с Белоруссии, которые уже это дело знали и делали* (Вёртукшни).

Белорусы

Язык приграничья имеет свои особенности. Метатекстовые высказывания старовееров свидетельствуют о том, что этот факт достаточно отчетливо осознается старовеерами: *У нас граница с Белоруссией, при границах оно уже*

перемешивалось уже всё. У меня папа, когда кто-нибудь приходил, лук старался назвать цибуля (Крс. Карасево). У белорусов до сих пор сохранилось много народных обрядов, верований, обычаев, – на вопросы собирателей-диалектологов и этнолингвистов латгальские староверы зачастую отвечают так: *Кто чего знает, так это белорусы* (Даугавпилс).

Отмечается староверами и умение белорусов зарабатывать деньги, заниматься предпринимательством: *Белорусы не дураки, деньгам толк знают* (Даугавпилс). Прозвища белорусов *бульбятник, бульбаиш*: *За тем берегом бульбаиш живут* (Крс. Варновичи) – обладают прозрачной внутренней формой (*бульба* ‘картошка’). К области ксеномотивации можно отнести значение лексемы белорус ‘осока’: *Поросло всё белорусом* (Даугавпилс). Е. Л. Березович в статье «Явление лексической ксеномотивации» приводит показательный пример, когда разные производящие основы, имеющие ономастическое значение, дают одну и ту же производную мотивационную семантику: «Так, колючие растения родов *Carduus, Carex, Cirsium, Xanthium*, известные русским как чертополох, репейник, осока, получают разнообразные «инородческие наименования», в основу которых в каждом языке положено обозначение «своего» чужака: русские выбирают на эту роль татарина, мордвина, еврея или вообще «басурманина»: рус. нижегор. – *мордвинник, казан.*, нижегор., сарат. – *царь-мордвин*, орл. – *татарин*, курск. – *татарник*, симб. – *басурманская трава*, влг. – *жидовское кресло*, серб. – *турек, турка*, болгар. – *черкезки тръни*, карелы – *шведская трава / финская трава*, финны – *саамская осока*, англичане – *Gipsy* ‘цыган’, *Russian thistle* ‘русский чертополох’. Конкретные этнические особенности в данном случае не подвергаются номинативной обработке, а основой для семантической деривации становятся признаки «опасный», «вредный», «неприятный» (Березович 2007 с. 408–409).

Таким образом, фразеологизмы и сравнительные конструкции возникают в результате опыта общения с представителями других этносов, а основой семантической деривации становятся, прежде всего, названные Е. Л. Березович негативные признаки опасности, вредности, неприятности, а кроме того, это может быть признак ненормативности, нестандартности: *цыган, цыганская иголка* ‘иголка больших размеров’, *цыганское солнце* ‘зимнее солнце, которое совсем не греет’. Приведенный материал демонстрирует отмеченную Е. Л. Березович «высокую аксиологичность этностереотипов, их принадлежность к древнейшим мировоззренческим основам культуры» (Березович 2008 с. 64).

ЛИТЕРАТУРА

- Белова, О. В. Принципы описания и адаптации «чужой» культуры языковыми средствами «своей» традиции. В кн.: *Etnolingwistyka*. № 20. Lublin, 2008, с. 201–214.
- Березович, Е. Л. *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Москва, 2007.
- Березович, Е. Л. Этнические стереотипы и проблема лингвокультурных связей. В кн.: *Etnolingwistyka*. № 20. Lublin, 2008, с. 63–76.

- Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. *Социолингвистика и социология языка*. Санкт-Петербург, 2004.
- Королева, Е. Е. Языковое самосознание староверов Латгалии. В кн.: *Etnolingvistyka*. № 20. Lublin, 2008, с. 231–242.
- LKFV: *Latviešu-krievu frazeologiskā vārdnīca*. Saubuliņa, D., Ozoliņa, N., Plēsuma, A. Rīga, 1965.
- Никонов, В. В. *Резекне. Очерки истории с древнейших времен до апреля 1917 года*. Рига, 2000.
- Орлов, А. А. *Преемственная благодатность древлеправославной поморской церкви и спасительность поморского староверия*. Санкт-Петербург, 2005.
- РФЛ: *Русский фольклор в Латвии. Частишки*. Собрание И. Д. Фридриха. Сост. Ю. И. Абызов. Рига, 2004.
- СД: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Москва, 1999; Т. 3. Москва, 2004.
- СМ: *Славянская мифология*. Под ред. Н. И. Толстого. Москва, 2000.
- СРЯ: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 14. Москва, 1988.
- Черных, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 2. Москва, 1993.

Kopsavilkums

Autore analizē Latgales vecticībnieku priekšstatus par viņu kaimiņiem – ebrejiem, čigāniem, baltkrieviem. Izlokšņu materiālu autore ierakstījusi 21 apdzīvotā vietā Latgalē. Tiek minēti izteikumi, kuri demonstrē vecticībnieku attieksmi pret ebrejiem, čigāniem un baltkrieviem. Etnostereotipu mitoloģiskais pamats tiek skaidrots ar datiem no etnolingvistiskās vārdnīcas «Slāvu antikvitātes» (redaktors N. Tolstoj). Autore izmanto iesaukas, frazeoloģismus, salīdzinājumu konstrukcijas, metaforas, folkloru, analizējot tos no aksioloģiskās puses. Šis valodas materiāls atspoguļo ikdienišķu pieredzi saskarē ar kaimiņiem, mitoloģiskos priekšstatus par cittautesu bīstamību un grēcīgumu.

Atslēgvārdi: ebreji, čigāni, baltkrievi, vecticībnieki, izlokšnes, frazeoloģija, aksioloģija.

Summary

The author analyses the ideas the Old Believers in Latgale held of their non-Russian neighbours – Jews, Gypsies, and Byelorussians. The author presents dialectal materials she recorded at 21 places in Latgale, the south-east part of Latvia – utterances demonstrating the Old Believers' attitudes to Jews, Gypsies, and Byelorussians. Using the ethnolinguistic dictionary «Slavyanskiye drevnosti» (Slavonic Antiquities) (editor-in-chief N. Tolstoy), the author explains the mythological basis of such ethnic stereotypes. Nicknames, phraseological units, idioms, comparative constructions, metaphors, and folklore are included in axiological analysis. This material reflects the experience of everyday contacts with the Old Believer's neighbours, the mythological ideas about the danger outlanders pose and their sinfulness.

Keywords: Jews, Gypsies, Byelorussians, Old Believers, dialectal, phraseology, axiology.

Языковые контакты и русский язык Риги второй половины XIX века

Valodu kontakti un krievu valoda Rīgā 19. gs. otrajā pusē

Sprachkontakte und die russische Sprache in Riga
in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts

Игорь Кошкин (Рига)

Latvijas Universitātes Humanitāro zinātņu fakultāte, LV-1050, Rīga, Visvalža 4a,
igors.koskins@lu.lv

Русский язык в Латвии имеет глубокие исторические корни, и вариативность местного варианта русского языка в разные периоды его существования обусловлена историческими контактами с латышским и немецким языками. Особое место в истории контактов занимал русский язык Риги, длительное время формировавшийся в условиях трёхязычия. Статья содержит описание некоторых явлений, позволяющих понять специфику русского языка Латвии и Риги во второй половине XIX в. Заимствованная лексика, семантическое и формальное варьирование слов свойственны местному варианту русского языка. При этом язык так называемого простого русскоязычного населения города Риги характеризует насыщенность заимствованиями из немецкого и латышского языков в сочетании с просторечно-диалектными особенностями.

Ключевые слова: языковые контакты, языки Латвии, русский язык Латвии, Рига, заимствования, диалектный язык.

1. Региональный вариант русского языка и языковые контакты

Одним из факторов вариативности языка меньшинств как социально-этнических групп населения выступают языковые контакты. Специфические особенности в истории местного варианта того или иного языка, варианта, функционирующего на «чужой» этнически-культурной и политической территории, заслуживают того же пристального внимания, что и исторические особенности языка метрополии. Историческая вариативность русского языка Латвии была в частности обусловлена длительным контактированием сначала древнерусского, впоследствии русского языка с латышским и немецким языками.

В периодизации истории контактов русского языка Латвии можно выделить несколько периодов (Кошкин 2007, с. 102–109): контакты древнерусского языка в период с IX века по XIII век (I), т.е. в исторический период до начала немецко-католических крестовых походов в Балтию; контакты древнерусского языка и русского языка, относящиеся как к периоду (II) существования Ливонской конфедерации (XIII–XVI вв.), так и к периоду (III) «польских» и «шведских»

времен в истории Латвии (последняя четверть XVI в. – начало XVIII в.); контакты русского языка нового и новейшего времени – период (IV) контактирования на территории Латвии во время её пребывания (сначала частичного, а затем полностью) в составе Российской империи (XVIII в. – начало XX в., до 1918 г.); период (V) контактов русского языка как языка меньшинства во время независимости Латвийской Республики (1918–1940 г.); период (VI) контактирования, связанный с существованием русского языка в рамках национальной республики в составе СССР; современный период (VII), когда русский язык вновь функционирует как официальный язык меньшинства, как язык русской диаспоры независимой Латвийской Республики.

Русско-латышские языковые контакты отразились в многочисленных лексических заимствованиях латышского языка, относящихся как ко времени средневековья, так и к новому и новейшему времени. При этом заимствующим языком выступает, как правило, латышский язык, т.е. контакты носили однонаправленный характер. Лексика латышского языка вообще формировалась на основе активного влияния древнерусского (русского) и нижненемецкого (немецкого) языков, выполнявших подчас культуртрегерскую функцию. Разнообразные лексико-тематические группы латышского языка, отражающие разные стороны социально-бытовой и духовно-культурной жизни, включают заимствования из двух языков.

Указанные выше исторические периоды контактов русского языка, относимые к новому и новейшему времени, характеризуются формированием русского языка как языка всё возрастающей этнической группы, как языка меньшинства. При этом для языковой ситуации, в условиях которой и формировались особенности местного варианта русского языка, особенно русского населения городов, были характерны двусторонний характер русско-латышского контакта и трёхязычный характер языковых контактов.

Русский язык Риги во время вхождения в состав Российской империи не был однородным явлением, что наложило своеобразный отпечаток и на особенности русского языка во второй половине XIX в. – начале XX в. и позднее, в период независимого Латвийского государства в первой половине XX в. Можно выделить **два варианта**, которые в значительной степени были противопоставлены друг другу. С одной стороны, русский язык был средством общения тех слоёв населения, которые занимали невысокие позиции в социальной иерархии общества и для которых этот язык был родным языком. Сюда относились крестьяне, рабочие, малообразованные жители столицы. С другой стороны, русский язык, особенно в период первой Латвийской Республики, активно использовался представителями интеллигенции, считавшими себя хранителями традиций русского литературного языка (Семёнова 1973, с. 38–39).

Русский язык Риги длительное время формировался в условиях **русско-латышско-немецкого трёхязычия**. В речи местного русского населения исследователями было выявлено около 200 заимствований из немецкого и из латышского языков. Многие слова вошли из немецкого языка через посредство латышского (– примеры см. ниже). С другой стороны, разговорный русский

язык определённых слоёв населения Риги по своему происхождению и по своим признакам был тесно связан с **диалектным языком**, – как с так называемыми старожильческими говорами Латвии, главным образом Латгалии, так и с теми говорами русского языка, которые были распространены в российских губерниях, из которых пополнялось рабочее население городов Остзейского края. По отношению к русскому языку Риги этот вариант был назван М. Ф. Семёновой, известным исследователем русско-латышских языковых связей, «своеобразным полудиалектом» (Семёнова 1977, с. 214).

Русско-немецко-латышское трёхязычие идёт на убыль в период первой независимой Латвийской Республики (1918–1940 г.) в связи с усилением активной роли латышского языка и, главное, из-за массового выезда представителей немецкоязычного меньшинства во второй половине 30-х годов XX в. О специфике двустороннего контактирования русского и латышского языков в период независимой Латвийской Республики 1918–1940 г. см. (Кошкин 2009, с. 82–102).

Насыщенность заимствованиями из немецкого и латышского языков в сочетании с просторечно-диалектными особенностями и характеризует один из вариантов регионального русского языка, главным образом языка Риги и других городов. Речь идёт о городском просторечии, о том варианте, который использовали как средство живой коммуникации простые жители городов, говорившие на русском языке, в их числе сезонные рабочие, извозчики (ср. соответствующие заимствования в латышском языке из русского – *kušieri*, *izvoščiki*), мелкие торговцы, работающие в качестве прислуги т. п.

2. Просторечно-диалектные особенности в русском языке Риги второй половины XIX века

В имеющихся описаниях¹ подчёркивается смешанный характер русского населения Риги (как и городов Лифляндии). Русское население Риги Иван Желтов, преподаватель Александровской гимназии в Риге, оставивший много ценных замечаний о «русском говоре» жителей Риги, разделяет на две группы. Это так называемые «*росейские*» – выходцы и их потомки, как писали, «*из срединных Великороссийских губерний*» и так называемые «*польские*» – выходцы и их потомки с территорий «*Витебской, Ковенской и Виленской губерний*» (Желтов 1874, с. 2 – 3). «Расейские», в свою очередь, были главным образом выходцами из Ярославской губернии, но также шли и с территории средней полосы России (Москва, Тверь, Калуга, Тула). «Польские» опосредованно представляли собой и выходцев из земель бывшего Польско-Литовского государства, и потомков переселенцев из Новгородской и Псковской областей, как правило, бежавших из России «за рубеж». Вот как отзывался о двух категориях русского населения Риги сам И. Желтов (в цитатах отражаются особенности русского языка второй половины XIX в.): «В Риге ярославские уроженцы и их потомки составляют ядро русского торгового и промышленного населения, и прилив их постоянно усиливается. Прибывающие в Ригу ярославцы сохраняют

свой говор и свое бканье, перенимая только местные идиотизмы (выражения – И. К.), но дети их уже с малолетства усваивают себе своеобразный рижский говор, причем бканье уступает всегда место аканью. Кроме ярославцев по происхождению, в числе *росейских* в Риге есть в некотором количестве и выходцы из губерний Тверской, Московской, Калужской, Тульской и других замосковских. Первоначальные переселенцы сохраняют, разумеется, говор своей родины: акают, а не бкают; кроме того, калужане и туляки вместо *ходит, идет* и т. под. говорят *ходить, идеть* т. д. Но и это во втором поколении сглаживается и уступает место своеобразному рижскому говору... Так называемые *польские* в Риге, т.е. русские выходцы из белорусских и литовских губерний... Потомки их в Риге удерживают свой говор долее *росейских*: это объясняется тем, что они большею частью принадлежат к сплошной массе низшего, рабочего класса населения, непрерывно пополняющейся вновь прибывающими. Только те из них, коим удается, как говорится, выйти в люди и примкнуть к высшему сословию, сливаются с потомками *росейских* и усваивают себе своеобразный рижско-русский говор» (там же).

В условиях мультилингвального города, с одной стороны, проявлялась ббольшая устойчивость по отношению к нормам русского литературного языка, с другой стороны, происходила своеобразная нивелировка языка диалектоносителей и развитие языка городского населения по принципу койне. Здесь уместно говорить о постепенной трансформации диалектных особенностей в особенности социального диалекта (в данном случае социально-этнического). Ср.: социальный диалект – «принятый в данном обществе субвариант речи, который благодаря действию определённых общественных сил является характерным для определённых этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определённым уровнем и типом образования» (*Макдэвид-мл.* 1975, с. 363).

Проблема адекватного описания **просторечно-диалектных особенностей русской речи** Риги является предметом специального исследования и не может быть всесторонне отражена в настоящей статье. Немаловажное значение имеет выяснение самой природы просторечно-диалектных особенностей русской речи Риги второй половины XIX в. – начала XX в. В своих работах, например, М. С. Семёнова говорила о северо-западном происхождении особенностей русского населения Риги, о том, что эти языковые черты – «...это черты северо-западных и западных средне- и южнорусских говоров, а также западной зоны русских говоров» (*Семёнова* 1977, с. 204, 206)». В этой связи было бы интересно проанализировать данные наблюдений над местной русской речью, сделанных современниками. Здесь можно указать на некоторые языковые особенности (приводятся данные, содержащиеся в цитируемых статьях И. Желтова и В. Боброва).

Как фонетическую черту «русского говора» Риги И. Желтов называет произношение [и] в безударных слогах на месте гласных фонем неверхнего подъёма: *вирёвка, я бирёг, висёлый, силёдка, диржать, лижать, у мáтири, мы дб́лаим*. Если учитывать и другие имеющиеся описания по Лифляндской

губернии, то наблюдается сложная картина взаимодействия моделей аканья, оканья, иканья (см. приведённые выше замечания самого И. Желтова по этому поводу), связанного в том числе и с противопоставлением языка города и сельской местности. Например, В. Бобров, характеризуя особенности русской речи Лифляндской губернии, отмечает произношение [а] в первом предупредительном слоге: *на вярху́, привяли́* и т.д. Здесь небезынтересным будет комментарий собирателя: «Наблюдения производились нами не только в городах (Риге и Юрьеве), но, преимущественно, в сёлах и деревнях, где русские живут либо отдельно, либо попеременно с местными племенами, эстами и латышами... Мужское население, приписанное к деревням, живёт по преимуществу в городах, а потому язык у них сбивается и не надёжен для исследователя, желающего определить именно местные особенности» (Бобров 1908, с. 389).

К другим фонетико-морфологическим чертам, отражающим диалектные особенности местной русской речи, можно отнести следующие черты.

- Отражение перехода [е] в [о] в формах глагола, например: *дѣржишь, дѣржит, дѣржим, дѣржите, дѣржут*. Р. Аванесов в изданных в 1949 г. «Очерках русской диалектологии» (учёный опирается на схему диалектного членения по «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе 1915 г.»²) говорит о наличии формы *д'оржѣт'*, т. е. формы с отражением перехода [е] в [о] в безударной позиции, в новгородских говорах (так называемая Западная группа и Северная группа северновеликорусского наречия) (Аванесов 1949, с. 215).
- Рефлексия *ѣ* (древнего «ятя») как [и] в безударной позиции и во флексии местного падежа, например, *на мести* (предложный падеж) и т. п. Согласно упомянутому описанию Р. Аванесова, данная черта исторически соотносима с новгородскими говорами (Аванесов 1949, с. 221). Однако сама по себе историческая интерпретация рефлексии «ятя» на северо-западе, в новгородских говорах, как видно из работ по исторической диалектологии русского языка, носит сложный характер (см. Горшкова 1972, с. 109 и след.).
- Отражение аналогического выравнивания основы на заднеязычный: *пикѣшь, сикѣшь, биригѣшь, стиригѣшь*. Формы отмечены в ярославских, в новгородских говорах, в говорах так называемой Северной группы северновеликорусского наречия (по старой схеме диалектного членения), т. е. в разных севернорусских говорах (Аванесов 1949, с. 218 – 220).

В местной русской речи, судя по данным собирателей, наблюдаются черты, в диалектологической литературе отмечаемые для среднерусских говоров, входящих в группу псковских говоров. Р. Аванесов отмечает тот факт, что исторически эта группа образовалась «путём смешения северновеликорусских говоров Новгородского типа с говорами белорусскими» (Аванесов 1949, с. 233). К этим чертам относятся:

- Изменение сочетания *дн* в двойное *н*: *посленнее, онную, в занней* – отмечено в материалах В. Боброва (Бобров 1908, с. 391).

- Формы творительного падежа множественного числа с окончанием *-ам*, отражающие унификацию форм дательного и творительного падежей множественного числа: *под рукам, с рукам, с ногам; с дуракам нечего толковать*.
- Употребление деепричастия в роли сказуемого: *мы уже пообъедавши; я уж умывшись; они между собой побранившись*.

Есть черты, отмеченные в средневеликорусских (среднерусских) говорах, указывающие на связь с белорусскими говорами, например:

- Твёрдое произношение [ч] и шипящих: *жырный, чыстый, шыло, цы*. Как отмечает Р. Аванесов, в говорах, граничащих с белорусским языком, фонема [ч] произносится твёрдо (Аванесов 1949, с. 131).
- Формы именительного падежа множественного числа имён существительных мужского рода с окончанием *-и (-ы)* вместо *-á*: *глаз – глазы, рог – роги*; см. о подобных формах как сближающих говоры Псковской группы с белорусским языком в диалектологической литературе (Аванесов 1949, с. 233).

3. Влияние немецкого языка и заимствования из немецкого и латышского языков в русском языке Риги

Немецкий язык влиял на самые разные слои городского русского населения, т. е. социальная база подобного влияния была достаточно широкой. Активное влияние немецкого языка на местную русскую речь, на русский язык города Риги характеризует весь период вхождения Остзейского края в состав Российской империи. Как явствует из материалов диалектологической экспедиции в Лифляндскую губернию 1893 г., местное русское население сельской местности так отзывалось, очевидно, о городах: *«там бóльши немецком языком говоря»* (Бобров 1908, с. 394). Здесь представляют интерес как сами заимствования, так и специфика подобного влияния. Во-первых, русско-немецкие языковые контакты имели определённую историческую традицию на территории Латвии (бывшей Ливонии), во-вторых, влияние немецкого языка затрагивало, как было отмечено, самые разные слои русского населения, а не только так называемых образованных людей, что было бы естественно.

Немецкий язык, как известно, начинает свою историю на территории Латвии с XIII века. Древнейшие контакты русского и немецкого языков нашли выражение в двусторонних заимствованиях, встречающихся в языке русско-ливонских, русско-ганзейских грамот и других документов. Например, в грамотах на древнерусском языке встречаются германизмы: *скалви (-ы)* '(большие) весы' в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262 г. (ЛГИА, № 3), ср. снн. *schale* 'чаша; чаша весов' < дрсакс. *skāla*; *местерь* 'магистр Ордена' в Грамоте Новгорода рижанам 1409 г. (ЛГИА, № 134), ср. снн. *meister*; *фоготь* 'судья' в Договорной грамоте Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (цит. по списку С: ЛГИА, № 1), ср. снн. *voget* 'фогт, судья' и др. Проблемным вопросом здесь является сама форма

контакта. Как известно, традиционное понимание исторического языкового контакта предполагает соседство этнических коллективов – носителей языков. Контакты древнерусского и средненижнемецкого языков были специфичны по форме и по социально-коммуникативной сфере. Речь идёт прежде всего о контактировании в рамках дипломатической переписки нижнемецкого письменного языка с древнерусским языком, представленным в языке деловой письменности, в том числе в языке договорных грамот. Участниками устно-письменной коммуникации выступали переводчики, члены посольств, сами купцы, писари городских и княжеских канцелярий и т.п. Этот русско-немецкий языковой контакт с полным основанием можно отнести не только к историческим контактам немецкого языка в Балтии, но и к историческим контактам русского языка в Латвии: ареал его распространения включал территорию Ливонии; Рига была не только адресатом дипломатической переписки, из рижской канцелярии исходили документы в города Северо-Запада Руси, в том числе и на древнерусском языке (или его регионально-деловых вариантах). Например, Грамота рижского архиепископа к великому князю Фёдору Ростиславичу смоленскому 1287 г., в которой обвиняются жители Витебска в несправедливой жалобе на рижан (ЛГИА, № 8), Грамота рижан к витебскому князю Михаилу об обидах, нанесённых рижанам, 1300 г. (ЛГИА, № 19). Сюда же относится и представленная параллельными текстами на древнерусском и средненижнемецком языках Договорная торговая грамота между Ригой, Ливонским Орденом и Полоцком 1338 г. (ЛГИА, № 30, № 32). Средненижнемецкий вариант традиционно называется «Die Rigaer Wägeordnung für Riga und Polozk» [«Рижское положение о весах для Риги и Полоцка»]. Древнерусская грамота начинается с характерного зачина, указывающего на то, от имени кого выдана эта грамота: *тако хочемъ мы горожане с мѣштеремъ...* [«так желаем мы, горожане с магистром...»]. Наконец, многие переводчики были выходцами из Ливонии, хотя главным образом и немецкого происхождения (Инфантьев 1980, с. 92–97). На основе исторических данных можно предположить наличие постоянно проживавших в средневековой Риге или других местах Латвии русских людей. В работах исследователей по данной проблематике часто упоминается Рижская Долговая книга (1286–1352 г.) – «Das Rigische Schuldbuch». По данным Долговой книги, русские люди (например, *Demiter, Affrem, Peter, Smene, Timoske* и др.) были собственниками домов, многие русские жители находились друг с другом в различных родственных отношениях: это, по мнению издателя книги, должно говорить о том, что по меньшей мере с середины XIII в. в Риге было оседлое русское население (Hildebrandt 1872, с. 78).

Если говорить о периоде второй половины XIX в. – начала XX в., то в речи местного русского населения, как было сказано, отмечаются разнообразные заимствования из немецкого и из латышского языков.

Из немецкого языка, например, употреблялись такие заимствования, как (по данным В. Боброва и И. Желтова): *бунт* ‘связка’, ср. нем. *Bund*; *гумми* ‘резинка, каучук’, ср. нем. *Gummi*; *корфа* (в списке И. Желтова), *корфик* (в списке В. Боброва) ‘корзина’, ср. нем. *Korb*; *бури* ‘ученик ремесленника или купца’, ср. нем. *Bursch*; *тrepка* ‘лестница’, ср. нем. *Treppe*; *кранкѣауз*, *кранкѣауз*

‘городская больница’, ср. нем. *Krankenhaus*; *шпиклер* ‘амбар, склад’, ср. нем. *Speicher*, ср. снн. *spiker* (Pfeifer 1999, с. 1318), *дружный советник* ‘попечитель над вдовою и её имуществом’, ср. нем. *Ratsfreund*; *был еезен, да выскочил* ‘было да сплыло’, ср. нем. *ist (war) gewesen*; *езель* ‘подмастерье; член отряда городской гвардии’, ср. нем. *Geselle*; *кунда* ‘клиент, клиентка; славный парень’, ср. нем. *Kunde*; *махер* ‘посредник при сделках’, ср. нем. *Macher* (ср. также нем. *machen* ‘делать’); *постуть* ‘поститься’, ср. нем. *fasten*; *стульник* ‘мастер по мебели’, ср. нем. *Stuhlmacher*; *студирóванный человек* ‘человек, получивший высшее образование’, ср. нем. *ein studierter Mann*; *тышлер* ‘столяр’, ср. нем. *Tischler*; *цытрон* ‘лимон’, ср. нем. *Zitrone*; *рабарбар* ‘ревень’, ср. нем. *Rabarber*; *фрыштык* ‘завтрак’, ср. нем. *Frühstück* и др.

Встречаются слова, которые собиратели материала ошибочно определяют как заимствования. Так, И. Желтов значения некоторых слов объясняет влиянием местного немецкого языка, приводя эти слова в своём перечне особенностей «русского говора Риги» наряду с немецкими соответствиями: *гора* ‘верх’, *на горы* ‘на верху’, ср. нем. *bergauf*; *тонкий* ‘отличный’, ср. нем. *ein feines Bild*. То, что значения указанных слов не могут быть результатом местного контактирования языков, показывает история этих слов и значений в русском языке (см. ниже).

Из латышского языка употреблялись такие заимствования, как *лайва* ‘лодка’, ср. латыш. *laiva*; *мазгать* ‘стирать’, ср. латыш. *mazgāt*; *майка* ‘избушка (для приказчика); флигель’, ср. латыш. *māja*; *цымба* ‘рукавица’, ср. латыш. *ciņds*; *вымба*, ср. латыш. *vimba* и др. Можно связать с влиянием латышского языка и упомянутые в материалах В. Боброва слова – *адрес* ‘адрес’ (с отражением латышского дифтонга [ie]), *тапелка* ‘блюдечко’ как семантическое заимствование (ср. латыш. *bļoda*, *bļodiņa*).

Многие слова пришли из немецкого языка через посредство латышского. В основном это более ранние заимствования в самом латышском языке из средненемецкого языка (впоследствии немецкого языка), например: *мур* ‘каменная стена’, ср. латыш. *mūrs*, нем. *Mauer*; *брунный* ‘бурый’, ср. латыш. *brūns*, нем. *braun*. Фонетическое отражение в этих заимствованиях звуков латышского языка, а не немецкого (русск. [y] – латыш. [ū]) указывает на то, что непосредственным источником заимствования не может быть немецкий язык. Однако само существительное *мур* тем не менее однозначно не указывает на заимствование именно из латышского языка, так как и в польском, и в белорусском языках наблюдаются аналогичные слова: польск. *tur* ‘каменная стена’ < древневерхненем. *mūre* (Boryś 2005, с. 342), белорусск. *мур* ‘mūris [каменная стена]’ (БЛС, с. 174). Учитывая роль выходцев из белорусских земель в формировании славянского населения регионов Латвии и Риги, а также период так называемых «польских времён» в истории Латвии, можно также предположить, что в русское просторечие Риги слово могло проникнуть из этих языков. Тем не менее наличие в списке И. Желтова рядом другого однокоренного слова – *мурник* ‘каменщик, muhrneeks’ (латыш. *muhrneeks* = *mūrnieks*) заставляет остановиться на латышском языке как непосредственном источнике заимствования, так как в польском и белорусском языках соответствующие обозначения представлены

словами с другими суффиксами, ср. польск. *murarz* 'каменщик' (*Boryś*: 2005, с. 342), белорусск. *муляр* 'mūlnieks [каменщик]' (*БЛС*, с. 174).

Приведённые выше заимствованные слова (из списков И. Желтова и В. Боброва) отсутствуют в современном русском литературном языке. Многие из них отсутствовали и в русском языке метрополии того времени, например: *гумми*, *корфа* и *корфик*, *кранкенáуз*, *кранкáуз*, *кунда*, *трепка*, *цытрон*, *шпиклер*, *ма-хер*, *тышлер* и др. Часть заимствований была, по-видимому, более широко распространена на территории русского языка. Так, в словаре В. Даля приводятся следующие из приведённых выше слов (с пометой *нем.*): *бунт* 'связка, кипа, пачка, куча' (*Даль* 1958 [1880-1882], т. I, с. 141), *фриштых* 'завтрак, закуска или перехватка', *фриштыкать* 'закусывать до обеда, завтракать' (т. IV, с. 539), *гезэль* 'помощник или ученик в аптеке' (т. I, с. 347), *стульник*, *стульщик* 'стульный мастер, столяр' (т. IV, с. 348).

На более широкой территории распространения русского языка употребляли и слова *могилки* 'кладбище'; *гора*: *с горы* 'сверху', *на горы* 'наверху', *тонкий* 'отличный' (нем. *ein feines Bild* 'тонкая картина'), которые авторы, поместив в свои списки, очевидно, посчитали особенностями местной русской речи и, следовательно, связанными с влиянием контактирующих языков. Однако слово *могилки* в указанном значении известно более широкой территории русского языка, ср. *могилки* 'кладбище', с пометой «юж.зап.» (юго-западное распространение, под которым, учитывая время создания словаря В. Даля, можно понимать ареал не только русского языка, но и других восточнославянских) (*Даль* 1958 [1880-1882], т. II, с. 337). В свою очередь, имея в виду то, что на исторической территории Латвии в условиях контактирования находились не только русский, но и польский и белорусский языки, нелишним будет отметить, что для польского диалектного языка отмечено слово *mogilki* 'cmentarz [кладбище]' (*Boryś* 2005, с. 335). Что касается лексикализованных форм существительного *гора*, получивших значения адвербов, то они широко представлены в говорах русского языка, ср. *в горе* 'вверху, наверху' (*Даль* 1958 [1880-1882], т. I, с. 375). И слово *тонкий* 'отличный' в этом своём значении не связано с данным регионом и с немецким языком. Это семантическое заимствование в русском языке В. Виноградов (*Виноградов* 1938, с. 161) объясняет влиянием французского литературного языка (французск. *fin*) во второй половине XVIII в.

Немецкий язык, язык второго по величине меньшинства Латвии в первой половине XX в., был непрекращающимся источником языковых заимствований для языка русской диаспоры в целом (во всех его вариантах). Это отражает в известной степени динамизм русско-немецких контактов в истории обоих языков в Латвии. Так, в середине 30-х годов возрождается слово *камера* 'орган государственной власти', ставшее в языке метрополии историзмом (пришло в русский язык в Петровскую эпоху вместе с реформами из немецкого языка). Например:

Уже въ началѣ будущаго года мы начнемъ постепенно такимъ образомъ намѣчать членовъ камеръ, чтобы обезпечить камерамъ избранныхъ самими кругами каждой камеры представителей («Сегодня», 1938 г., 1 января),

... **Камеры** за относительно непродолжительный срок своего существования успели завоевать себе полное доверие правительства, привлекающего к сотрудничеству с ним **представленные в хозяйственных камерах круги** («Сегодня», 1938 г., 11 января),

На каких основах будет работать Латвийская Ремесленная **камера** («Сегодня», 1936 г., 1 января) и т. п.

Ср. другие заимствования из немецкого языка, отмеченные в этой русскоязычной газете (в контекстах выделены жирным шрифтом):

Абсольвентка влад. латышск., нѣм., англ. и русскимъ язык., ищетъ мѣсто къ дѣт. на взморьѣ («Сегодня», 1939 г., 4 июля);

Фребеличка примим.(ает) дѣтей отъ 3-7 лѣтъ въ группу Ивритъ («Сегодня», 1932 г., 18 августа);

Запрещаютъ органы **наци** и коммунистовъ («Сегодня», 1932 г., 17 августа), Установлена связь клайпедскихъ **наци** с германскими («Сегодня», 1935 г., 21 янв.);

Загремель бодрый маршъ, и знаменосцы ... прошли сквозь **шпалеры** почетной стражи и разместились на помостъ у Эмблемъ Трудовой **камеры** («Сегодня», 1939 г., 3 апреля);

... четыре женщины – айзсарги прикрѣпили къ фанфарамъ красиво вышитые **штандарты** («Сегодня», 1939 г., 1 апреля).

Слово *абсольвентка* ‘выпускница школы’, возможно, заимствовано через посредничество латышского языка. Ср. значения других приведённых заимствований, фиксируемых толковым словарём русского языка, отражающим лексику того времени: *фребеличка* ‘(дореволюц.) воспитательница детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Фребеля; слушательница курсов, подготовляющих таких воспитательниц’ (ТСРЯ, т. IV, с. 1116); *шпалера* ‘(нем. *Spalier* < итальян.) ... 2. ряд, шеренга войск по сторонам пути следования когочего-н.’ (ТСРЯ, т. IV, с.1361); *штандарт* ‘(нем. *Standarte*, устар.) знамя, флаг’ (ТСРЯ, т. IV, с. 1368)’. Форма *наци* ‘член (члены) партии национал-социалистов в Германии’ оказалась совсем не известной русскому языку метрополии.

Приведённые заимствования в местном варианте русского языка говорят о сложной картине взаимодействия контактирующих языков в указанный исторический период. Если говорить о русском языке Риги, то он, как видно, представлял собой неоднородное и довольно специфическое явление (ср. название И. Желтова – «русский говор»), отражающее тенденции развития социально-этнического диалекта в условиях русско-немецко-латышского трёхязычия. Просторечно-диалектные черты свидетельствуют о путях формирования той части населения Риги, которая была носителем этого социально-этнического диалекта. В целом анализ фактов показывает, что язык диаспоры также имеет историю, свои исторические периоды, характеризующиеся такими особенностями, которые совсем неизвестны современному языку диаспоры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В настоящей статье использованы материалы, опубликованные известным представителем местной интеллигенции, краеведом Иваном Мокеевичем Желтовым в статье «О русском говоре в Риге», помещённой в журнале «Филологические записки» за 1874 г. (Желтов 1874), а также материалы отчёта диалектологической экспедиции в Лифляндскую губернию в 1893 г., собранные и опубликованные исследователем Владимиром Бобровым в одном из научных сборников (Бобров 1908, с. 389 – 395). И. Желтов родился в Риге в 1824 г., работал в качестве преподавателя русского языка и литературы в различных учебных учреждениях Остзейского края (в Екабпилсе, в Юрьеве (Тарту), в Риге).
- ² Как отмечает сам автор, в его книге даётся «описание традиционных русских говоров, как они сохранились к концу XIX – началу XX вв.» (Аванесов 1949, с. 5).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. *Очерки русской диалектологии*. Часть первая. Москва, 1949.
- БЛС: *Беларуска-латышскі, латышка-беларускі слоўнік*. Укладальнік М. Абала / *Baltkrievu-latviešu, latviešu-baltkrievu vārdnīca*. Sastādītāja M. Ābola. Rīga, 2010.
- Бобров В. Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии. В кн.: *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 1908, с. 389–395.
- Виноградов В. В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.* Москва, 1938.
- Газета «Сегодня». Рига, 1919 – 1940 (Латвийская Национальная библиотека, Рига).
- Горшкова К. В. *Историческая диалектология русского языка*. Москва, 1972.
- Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х т. Репринтное издание 1880-1882 г. Москва, 1958.
- Желтов И. 1874. О русском говоре в Риге. *Филологические записки*. Выпуск 6. Воронеж, 1874. с. 1–27 (отдельный оттиск статьи).
- Инфантьев Б. Ф. Русский язык в Остзейском крае до XVIII века. В кн.: *Acta Baltico-Slavica*. № XIII. 1980, с. 85–109.
- Кошкин И. С. Исторические контакты русского языка в Латвии. В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире*. XI конгресс МАПРЯЛ. Т. 3. София, 2007, с. 102–109.
- Кошкин И. С. Контакты русского языка в Латвии в первой половине XX в. В кн.: *Humana: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Тарту: Тартуский у-т, 2009, с. 82–102
- ЛГИА: *Латвийский государственный исторический архив*, фонд 673, опись 4. Rīga.
- Макдэвид-мл. Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. VII. *Социолингвистика*. Москва, 1976, с. 263 – 281.
- Семёнова М. Ф. *Русско-латышские языковые связи*. Учебное пособие. Рига, 1973.
- Семёнова М. Ф. Из истории языковых взаимоотношений в городе Риге. В кн.: *Контакты латышского языка*. Рига, 1977, с. С. 192–214.
- ТСРЯ: *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4-х тт. Москва, 1935–1940.
- Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
- Hildebrandt H. (Hrsg.). *Das Rigische Schuldbuch (1286–1352)*. St. Petersburg, 1872.
- Pfeifer W. (Hrsg.). *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. 4. Auflage der Taschenbuchausgabe. München, 1999.

Kopsavilkums

Krievu valodai Latvijā ir gadsimtiem ilga vēsturiskā tradīcija, un krievu valodas vietējā varianta variatīvumu dažādos posmos ietekmējuši kontakti ar vācu un latviešu valodu. Īpašu vietu šo kontaktu vēsturē ieņēma Rīgas krievu valoda, kas ilgu laiku veidojās trijvalodības apstākļos. Rakstā tiek aplūkotas dažas parādības, kas ļauj izprast Latvijas un Rīgas 19. gs. otrās puses krievu valodas specifiku. Daudzi aizguvumi, vārdu semantiskā un formālā variēšanās raksturo krievu valodas vietējo variantu. Turklāt Rīgas runātajai valodai, ko bija lietojuši pie tā saucamajiem vienkāršajiem slāņiem piederšie krievvalodīgie iedzīvotāji, piemita tāda īpatnība kā vācu un latviešu aizguvumu liels skaits kopā ar daudziem vienkāršrunas un dialektālajiem elementiem valodā.

Atslēgvārdi: valodu kontakti, Latvijas valodas, krievu valoda Latvijā, Rīga, aizguvumi, dialektālā valoda.

Zusammenfassung

Die russische Sprache hat in Lettland eine jahrhundertlang dauernde historische Tradition, und auf die Variabilität der Sprachmittel in der regionalen Variante der russischen Sprache haben Kontakte zum Deutschen und Lettischen in verschiedenen Zeitperioden Einfluss ausgeübt. Die russische Sprache Rigas, die sich lange Zeit im Rahmen der Dreisprachigkeit entwickelte, nimmt einen besonderen Platz in der Geschichte dieses Sprachkontakts ein. Im Beitrag werden einige Spracherscheinungen behandelt, die die spezifischen Züge der russischen Sprache Rigas in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts erschließen helfen. Viele Entlehnungen, die semantische und formale Variabilität eines Wortes sind für die regionale Variante der russischen Sprache kennzeichnend. Als Besonderheiten der gesprochenen Sprache, die die sogenannte einfache russischsprachige Bevölkerung der Stadt Riga verwendete, sind viele deutsche und lettische Lehnwörter zu nennen, die zusammen mit den umgangssprachlichen und mundartlichen Elementen in der Sprache auftraten.

Schlüsselwörter: Sprachkontakte, Sprachen in Lettland, russische Sprache in Lettland, Riga, Lehngut, mundartliche Sprache.

Топонимы и гидронимы с реликтами литовского языка в западной части Глубокского района Витебской области Республики Беларусь

Toponīmi un hidronīmi ar lietuviešu valodas reliktiem Baltkrievijas Republikas Vitebskas apgabala Glubokskij rajona rietumos

Toponyms and Hydronyms with Relicts of the Lithuanian Language in the Western Part of the Hlybokaje Region, Vitebsk Area, Belarus

Александр Адамкович (Вильнюс)

Lietuvių kalbos institutas, P. Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva,
a_ad@tut.by

В статье рассматриваются топонимы и гидронимы с реликтами литовского языка на той части Глубокского района Витебской области Республики Беларусь, которая до 1917 года входила в состав Дисненского уезда Виленской губернии. Автор анализирует топонимы и гидронимы на материале книги И. Гошкевича. Самыми продуктивными моделями оказались топонимы на -ан[ы]/-ян[ы] < лит. -ėnai, -onys (14 названий), затем на -ун[ы]/-юн[ы] < лит. -ūnai) (7 названий), на -ишк[и]/-ышк[и] > лит. -iškė, -iškės, iškis, а также на -ук[и]/юк[и] < лит. -ukai (по 6 названий). С топонимами, в основе которых балтский корень и славянский суффикс, – 35 названий. Из 972 проанализированных топонимов литовское происхождение имеют (или могут иметь) 89, что составляет 9,2 %, среди номинаций рек – 25 % (6 из 24); среди номинаций озёр – 23 % (11 из 47). Больше всего топонимов и гидронимов литовского происхождения сосредоточено в западной части рассматриваемого региона.

Ключевые слова: топонимы, гидронимы, литовское происхождение, словообразовательные модели.

Вводные замечания

Топонимы и гидронимы с реликтами литовского языка в западной части Глубокского района Витебской области Республики Беларусь (Глыбоцкі раён Віцебскай вобласці) рассматриваются на материале книги И. Гошкевича «Виленская губерния. Полный список населённых мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям И. И. Гошкевичем», изданной в Вильне (г. Вильнюс) в 1905 г. Центр Глубокского района – город Глубокое находится примерно в 170 км от современной

литовско-белорусской границы. Часть его территории до 1917 г. входила в состав Дисненского уезда, который был образован после третьего раздела Речи Посполитой (в 1795 г.) и вначале находился в составе Минской, а с 1842 года в составе Вильнюсской губерний Российской империи (Адамкович 2010, с. 75). Рассматриваемый регион около полторы тысячи лет назад входил в ареал, на котором проживали балты (Zinkevičius 2006, с. 47). В последние столетия балто-славянская (белорусско-литовская) граница постепенно перемещалась на запад, соответственно уменьшалось количество балтского (литовского населения), и край постепенно славянизировался.

О том, что здесь когда-то жили балты (предки современных литовцев), мы можем узнать не только из исторических источников, например, из археологии, но и на основе языковедческих данных, прежде всего на основе данных ономастики. Важно поэтому в номинациях населенных пунктов, рек, озёр выявить литовские названия с тем, чтобы подробнее узнать об истории региона и его первых жителях.

Цель данной статьи – найти лексические, морфологические, словообразовательные элементы, характерные для литовской топонимии и гидронимии, классифицировать гидронимы и топонимы по происхождению, установить их количество, место и степень аутентичности в общей топонимической и гидронимической картине исследуемого региона. При исследовании материала использовалась классификация Н. Бирилы и А. Ванагаса, которая легла в основу их совместного научного труда «*Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы*».

Следует отметить, что литуанизмами в ономастической лексике районов, находящихся в удалении от литовско-белорусской границы, занимались немногие лингвисты как с литовской, так и с белорусской стороны (Бірыла, Ванагас 1968; Gaučas 2004). Работы белорусских учёных, в основном, касались топонимов белорусского происхождения, а литуанизмы затрагивались очень редко (Жучкевич 1974). Однако в последнее время исследователи, как в Литве, так и в Белоруссии, заинтересовались изучением не только пограничных территорий, но и прилегающих к ним районов (Гурская 2011; Garšva 2001; Zinkevičius, Luchtanas, 2005).

К литовским топонимам и гидронимам, без сомнений, можно отнести те слова, в которых основа совпадает с основой слов в литовском языке (совпадение только корней слов свидетельствует об их славянизации). Много топонимов и гидронимов зафиксировано лишь с литовскими словообразовательными суффиксами. Это, по-видимому, говорит о том, что корни литовских слов могли переводиться на белорусский язык, а также приспособливаться к нормам этого языка, поэтому сегодня их сложно выделить, классифицировать и реконструировать их первоначальное название.

Рассмотрим топонимы с реликтами литовского языка. Для литовской топонимии характерны следующие словообразовательные элементы:

- первичные топонимы, к которым относятся топонимы, производные от апеллятивов, антропонимов и других топонимов без каких-либо формальных изменений на словообразовательном уровне;
- вторичные топонимы, возникшие от апеллятивов, антропонимов и других топонимов путём формальных изменений на словообразовательном уровне (*Ванагас, Бирьла* 1968, с. 8).

Первичные топонимы известны на всей территории Литвы и часто встречаются в приграничных районах. Из вторичных на белорусско-литовском пограничье представлены флективные, суффиксальные и префиксальные дериваты (*Ванагас, Бирьла* 1968, с. 9). Шире всего в данном регионе представлены суффиксальные дериваты. Их условно можно разделить на три группы. К первой группе относятся топонимы, литовское происхождение которых очевидно. Ко второй – спорные, которые могли возникнуть как на основе литовского, так и белорусского или других славянских языков. К третьей – те, в которых присутствует только литовский словообразовательный элемент, но корень или основа которых возникли не на основе литовского языка. Подробнее рассмотрим первую и вторую группы. (Далее суффиксы приводятся вместе с окончаниями, которые в названиях суффиксов выделены в квадратных скобках; в примерах топонимов, стоящих в круглых скобках, часть слова с анализируемым суффиксом отделена при помощи дефиса).

Суффикс -ишк[у] / -ышк[у] (< лит. *-iškė, -iškės, iškis*): *Зарубишкы (Зарубишкы), Лапишкы (Лап-ишкы), Любенишкы (Верх. вол.) (Любен-ишкы), Разлутышкы (2 – здесь и далее цифра в скобках указывает на количество населённых пунктов с одинаковым названием) (Луц. вол.) (Разлут-ишкы), Тумашишкы (Тумаши)* (*Тумаши-ишкы*).

Название *Лапишкы* может происходить от лит. *lapė* ‘лиса’ (*TLRKŽ* 1989, с. 149) или от бел. *лана* ‘ступня или вся нога у некоторых животных или птиц’ (*ТСБМ* т. 3, с. 20). Слово *лана* встречается в белорусском, украинском, русском, словенском, польском и др. языках (*Фасмер* т. 2, с. 458). Словообразовательные элементы этого топонима, скорее всего, указывают на то, что он литовского происхождения.

Тумашишкы: топоним образован из антропонима *Тумашас*, который мог образоваться двумя путями. Первый – антропоним состоит из двух основ *tu+mašas* или *tu+mušas, tu+musas* (*Zinkevičius* 2008, с. 113, с. 254). С основой *maš-* < *mas-* насчитывается около двадцати типов фамилий (*Mašaitis, Mašionis, Mašiokas* и т. д.), при этом *mas-* считается индоевропеизмом и значение основы до конца не ясно (*Zinkevičius* 2008, с. 113). С основой *tu-* также имеется много литовских двусоставных фамилий. Значение этой основы до конца также не ясно (*Zinkevičius* 2008, с. 113). Второй возможный путь образования антропонима связан с литуанизацией христианского имени с корнем *Tum-*, ср. *Tamošius, Tumaitis, Tumušaitis* (*Zinkevičius* 2008, с. 300).

Суффикс -ан[ы]/-ян[ы] (< лит. *-ėnai, -onys*): *Загараны* (*Загар-аны*), *Липляны* (*Липл-яны*), *Скрабаны* (*Скраб-аны*), *Стуканы* (2) (*Стук-аны*), *Горовляны* (Зал. вол.) (*Горовл-яны*), *Угляны* (4) (Зал. вол.) (*Угл-яны*), *Горяны* (2) (Проз. вол.) (*Гор-яны*), *Корманы* (2) (Проз. вол.) (*Корм-аны*).

Липляны: происходит от лит. *liepa* ‘липа’ (TLRKŽ 1989, с. 153) или белорусского *lipa* ‘липа’ (ТСБМ т. 3, с. 47). Возможно, что топоним был заимствован у литовцев и «приспособлен» к нормам белорусского языка: дифтонг *ie* превратился в монофтонг *i*.

Скрабаны: возможно, происходит от лит. *skrabas, skrab-as+anai, skrab-ėti, šlam-ėti* ‘двигаться, шуршать’ (Zinkevičius 2008, с. 319, с. 603), ср.: *skrebėti, skreba* ‘шуметь, шершать, шелестеть’; *skrabalas* ‘побрякушка, погремушка’; *atskrabai* ‘отходы’; лтш. *skrabt, skrabu* ‘скрести, скоблить, чесать, царапать’, *skrabstīt* ‘скрести’ (Фасмер т. 3, с. 656). Ср. также лтш. *skrabināt* ‘скрести, скрестись’. Не исключено, что от бел. *скрабаць* родственные ему слова встречаются и в других славянских языках (*там же*).

Корманы: лит. *karmanai*, возможно, состоит из двух основ *kar-(as)* + *-man*. Антропонимы с основой *kar-* довольно частотны среди литовских имён и фамилий: *Kar-butas, Kar-dimas, Kar-gelas* и т. п., основа связана с лит. *karias* ‘войска, армия’. Похожие антропонимы встречаются и в других индоевропейских языках, что может указывать на то, что это индоевропеизм (Zinkevičius 2008, с. 100). Со вторым компонентом *man-* также встречается большое количество литовских антропонимов: *Man-dravas, Man-eitas, Man-vidas* и т. п. Некоторые формы совпадают с немецкими антропонимами, имеющими второй компонент *-mann* ‘мужчина’. Для того чтобы однозначно ответить на вопрос о происхождении антропонимов, следует также проследить генеалогию представителей рода, носящих фамилии с этим корнем. В одном случае могут быть свои имена, в другом – заимствованные. Лит. *man-* соотносится с *man-yti* ‘думать’, *iš-manus* ‘умный’. Такие имена имели прусы (Zinkevičius 2008, с. 110). Сам топоним сходен с русским словом *карман*. Но, как считает Ю. Юркенас, его соотнесение с этим словом ошибочно: «Русское собственное имя **Корман** рассматривается некоторыми исследователями как единица, возникшая на базе апеллятива **карман**. На наш взгляд, антропоним **Корман** возник не на основе указанного апеллятива неясного происхождения, а представляет собой частицу многочисленного ряда антропонимов, выступающих в нескольких системах собственных имён» (Юркенас 2003, с. 96).

Суффикс -ан[е]/-ян[е]: *Вугляне* (Вугл-яне), *Гаране* (2) (*Гар-ане*), *Гараўляне* (*Гараўл-яне*), *Ляпляне* (*Ляпл-яне*), *Паляне* (*Пал-яне*).

Топонимы на *-ане/-яне* обычно образованы от славянских основ. Генетически они восходят к коллективному названию группы жителей по названию населённого пункта и размещаются преимущественно в Витебской и Гродненской областях (*Бырыла, Ванагас* 1968, с. 52).

Этимология топонима *Ляпляне*, скорее всего, та же, что и у названия *Липляны* (см. выше).

Паляне: происходит, вероятно, от рус. *палить, палю*. Встречается практически во всех славянских языках; ср., например, в старославянском языке *полѣти* ‘гореть, пылать’, отсюда – *пламя, полено, пепел*, лит. *pelenai* ‘пепел, зола’, лтш. *pelni* и древнепрусское *relanne* имеют то же значение (*Фасмер* т. 3, с. 193). Слово распространено как в славянских, так и в балтийских языках и имеет одинаковое происхождение.

Суффикс -он[у] / ан[у] (< лит. *-onai/-ainis*): *Гарани* (*Гар-ани*)

Суффикс -ани[у] / яни[у]: *Шкляницы* (*Шкл-яницы*)

Суффикс -ун[у] / -юн[у] (< лит. *-ūnai*): *Гирстуны* (2) (*Гирст-уны*), *Пискуны* (Луц. вол.) (*Писк-уны*), *Скробуны* (Луц. вол.) (*Скроб-уны*), *Щелкуны* (Плис. вол.) (*Щелк-уны*), *Пестуны* (Проз. вол.) (*Пест-уны*), *Скроботуны* (Проз. вол.) (*Скробот-уны*).

Гирстуны: топоним происходит от лит. *girsa* ‘плевел’ (*Фасмер* т. 1, с. 408). В славянских языках это слово заимствовано из лит. (*Фасмер* т.1, с. 408). Возможно, что и от лит. *iš-girs-ti* ‘услышать’ (*Zinkevičius* 2008, с. 94).

Скробуны (см. выше).

Скроботуны: слово состоит из двух основ: *skra+butas* (*Zinkevičius* 2008, с. 243). Скорее всего, имеет то же самое происхождение, что и *Скробуны*.

Пестуны: возможно, происходит от древнерусского слова *песть* ‘утрамбовывать, утаптывать, набирать’ (*Фасмер* т. 3, с. 250), которое распространено во многих славянских языках и восходит к праслав. **pestь*; родственно лит. *piesta* ‘ступа’, лтш. *piesta* ‘ступа’ и, возможно, связано с лит. *paisyti* ‘очищать от мякины зёрна ячменя’ (*Фасмер* т. 3, с. 250). Топоним *Пестуны* может также происходить от бел. *песціць* ‘любовно досматривать, растить кого-то, проявлять ласку, заботу’ (*ТСБМ* т. 4, с. 250).

Суффикс -ейк[у] (< лит. *-eikiai, -eikos*): *Борейки* (2) (Луц. вол.) (*Бор-ейки*), *Ляпейки* (Проз. вол.) (*Ляп-ейки*), *Палилейки* (Луц. вол.) (*Палил-ейки*).

Борейки: может соотноситься со словом бел. *бар* ‘наносная песчаная отмель в устье реки’ (*ТСБМ* т. 1, с. 339). В славянские языки само слово было заимствованно из английского *bar* ‘отмель, запор’; ср. также украинское *бар* ‘сырое место, впадина между холмами’, рус. и церковнославянское *бара* ‘болото’ (*Фасмер* т. 1, с. 122). Не исключено, что топоним происходит от бел. *бор*, которое также имеет несколько омонимичных значений – 1) ‘сбор, налог’, что родственно лит. *baras* ‘часть поля, которая скашивается за раз’, лтш. *uzbars* ‘излишек’ (*Фасмер* т. 1, с. 192–193); 2) ‘хвойный, сосновый лес’ (*ТСБМ* т. 1, с. 395) (*Фасмер* т. 1, с. 192–193). Похожие названия зафиксированы и в Литве: *Vareikiai, Vareikiškės, Vareikos* и др. Они встречаются в Молетском, Кайшядорском, Клайпедском и других районах Литвы (*LVŽ* 2008, с. 372).

Лепейки: может происходить от лит. *liera* ‘липа’ или бел. *липа*.

Палилейки: скорее всего, имеет ту же этимологию, что и топоним *Паляне* (см. выше)

Суффикс -ел[и] / -эл[и] (< лит. *-eliai*): *Ваишкели* (Зал. вол.) (*Ваишк-ели*), *Капцели* (*Капц-ели*), *Купели* (2) (*Куп-ели*), *Швенели* (*Швен-ели*).

Ваишкели: от лит. *vaškas* ‘воск’, ср. лтш. *vasks* с тем же значением (*Фасмер* т. 1, с. 357).

Капцели: происходит, возможно, от бел. *kapa* ‘куча сена, ржи’, ‘60 снопов’, ‘общинная сходка крестьян’ (*ТСБМ* т. 2, с. 627); родственно лит. *karas* ‘могила’, *karai* ‘кладбище’, лтш. *kaps* ‘60 штук; могила’; ср. с другой степенью чередования – лтш. *kāra* ‘длинная возвышенная гряда’, *karpuole* ‘куча’, что связано с лит. *koros* ‘дюны’, *kora* ‘множество’, *kopti* ‘сгребать, сваливать в кучи’ (*Фасмер* т. 2, с. 316).

Швенели – лит. *švėplas* ‘шепелявый человек’, *švėpa*, *švėpeti*, *švėpsėti*.

Суффикс -ул[и] / -юл[и] (< лит. *uliai*): *Станули* (*Стан-ули*), *Станулёва* (Плис. вол.) (*Стан-ул-ёва*).

Станули: возможно, от лит. антропонима *Staniūlis*, состоящего из основы *stan-*, значение которой до конца не ясно, скорее всего, что это индоевропеизм (*Zinkevičius* 2008, с. 474). Топоним также может иметь в основе бел. *стан*, которое имеет несколько значений: *стан* ‘1) туловище, фигура человека; 2) лагерь, место стоянок, временных поселений; 3) армия, одна с воюющих сторон; 4) сословие, социальный слой и др.’ (*ТСБМ* т. 5, с. 302); ср. рус. и церковнославянское *стань* ‘стан (лагерь)’, ‘стан (девичий)’, ‘станок’, родственно лит. *stonas* ‘состояние’ (*Фасмер* т. 2, с. 745). Судя по словообразовательным элементам, этот топоним имеет литовское происхождение.

Станулёва: скорее всего, слово имеет ту же этимологию, что и предыдущий топоним *Станули*, только с большей степенью славянизации.

Суффикс -ук[и] /юк[и] (< лит. *-ukai*): *Барсуки* (Зал. вол.) (*Барс-уки*), *Васюки* (Луц. вол.), (*Вас-юки*), *Казюки* (*Каз-юки*), *Лашуки* (Луц. вол.) (*Лаш-уки*), *Пашуки* (*Паш-уки*), *Раманчуки* (*Раманч-уки*).

Васюки, *Казюки*, *Пашуки*, *Раманчуки*: происходят от антропонимов, в их основе – христианские имена. Такие топонимы встречаются как в Беларуси, так и в Литве. В Беларуси они распространены на всей территории, но большинство их сосредоточено на литовско-белорусском пограничье, что, вероятно, объясняется влиянием литовской топонимической модели на *-ukai*. Таким образом, можно предположить, что некоторая часть этих топонимов возникла в результате трансформации суффикса *-ukai* в *-ук[и]* (*Н. Бирьла, А. Ванагас* 1968, с. 83, с. 85).

Барсуки: название широко распространенное как в Беларуси, так и в Литве. Ср. бел. *барсук* (*ТСБМ* т. 1, с. 345), лит. *barsukas* ‘хищный зверь с грубой шерстью’ (*LVŽ* 2008, с. 383–385).

Лашуки: возможно, связано с лит. **alšia*, *laša* ‘капля’ (см. *Буга* 1961, с. 528).

Суффикс -ут[и] / -ют[и] (< лит. *-učiai*): *Серпуги* (Плис. вол.) (*Серп-уги*). *Серпуги*: возможно, в основе славянский корень *serp-* < **sьrp-*.

Суффикс -ол[и] / ал[и] (< лит. *-alai, -eliai*): *Михали* (Плис. вол.) (*Мих-али*), в основе антропоним *Михаил*.

Префиксальные дериваты (на-, анто-): *Антополь* (Зал. вол.) (*Анто-поль*).

Антополь: может иметь славянское происхождение в значении ‘поле Антона’, ‘земля Антона’ или литовское – ‘на поле’ (приставка *ант-* обозначает *на* (TLRKŽ 1989, с. 15).

Ойконимы, в основе которых балтийский корень (или антропоним балтийского происхождения) и славянский словообразовательный элемент: *Бервяки* (Верх. вол.), *Ольсы* (Верх. вол.), *Бриксты* (Глуб.), *Бутвисловщина* (Глуб. вол.), *Гиньки* (Глуб. вол.), *Гойгелово* (Глуб. вол.), *Кишкелева* (Глуб. вол.), *Корзева* (Глуб. вол.), *Латушки* (Глуб. вол.), *Дягельня* (Глуб. вол.), *Блажева* (Зал. вол.), *Дятевицина* (Зал. вол.), *Дылевичи* (Зал. вол.), *Майсютина* (Зал. вол.), *Можеи* (Зал. вол.), *Нарушево* (Зал. вол.), *Шилава* (Зал. вол.), *Буки* (Луц. вол.), *Лаиуки* (Луц. вол.), *Лубаци* (Луц. вол.), *Мишуты* (Луц. вол.), *Малонка* (Луц. вол.), *Шатыбелки* (Луц. вол.), *Шиметы* (Луц. вол.), *Кишы* (Плис. вол.), *Кмиты* (Плис. вол.), *Коклина* (Плис. вол.), *Морги* (Плис. вол.), *Самуилы* (Плис. вол.), *Свилы* (6) (Плис. вол.), *Свядово* (Плис. вол.), *Кеты* (Проз. вол.).

Блажева: возможны два пути создания топонима – 1) от церковнославянского слова *блаженный*, что связано со старославянским *блажень* < глагол *блажити* ‘нарицать блаженным, собственно делать благим, хорошим’ (ср. также исконнорусское слово *болого*) (Фасмер 1986, т. 1, с. 171) или от слова рус. *блазень* ‘простофиля, проказник, шутник’ (Фасмер 1986, т. 1, с. 171); 2) от антропонима *Блажей*, возникшего из латинизированного греческого имени *Blasius*: греческое [*blaks*] ‘неповоротливый, избалованный’ (Zinkevičius 2008, с. 398). Топонимы с этим словом широко представлены в Литве: *Blazai, Blažaitynė, Blažauskynė, Blaželynė, Blažėviškės, Blažienė* и т. д. (LVŽ 2008, с. 510).

Бриксты: происходит от лит. *Brikštynė, Birkštās* ‘лесок, борок’ (LVŽ 2008, с. 488, с. 568).

Буки: от антропонима *Бука*. Ср. лит. *bukas* ‘кричащая болотная птица’ (LVŽ 2008, с. 604, с. 605). Не исключено также, что может происходить от названия дерева *бук* (Фасмер 1986, т. 1, с. 235). Однако на данной территории такие деревья не растут, что указывает на маловероятность происхождения топонима от названия этого вида деревьев. Могут быть и другие варианты происхождения слова – от глагола *букать*, лит. *bukčius* ‘заика’ (Фасмер 1986, т. 1, с. 236).

Бутвисловщина: возможно, от лит. антропонима *Butvila, Butvilas, Butvitis* (LVŽ 2008, с. 488, с. 643).

Винги: от лит. *vingė* ‘vingiuota linija, zigzagas – извилистая линия, зигзаг’.

Гиньки: возможно, от лит. антропонимов *Ginka, Ginkus*; ср. лит. *ginti, gina, gynė* ‘защищать’ (Zinkevičius 2008, с. 282).

Гойгелово: из антропонима *Gai-gas (Gai-galas)*, которые, скорее всего происходят от лит. *gaigalas* ‘селезень’ (Zinkevičius 2008, с. 282). Возможно и от рус. *гайгакать* ‘завывать (о буре)’ или (на основе звукоподражания) с

рус. словом *гай* ‘крик галок, гам, шум’; ср. также древнерусское *гаяти* ‘каркать’, родственное древнеиндийскому *gayati, gati* ‘поёт’, лит. *giedoti* ‘петь’ (Фасмер 1986, т. 1, с. 383).

Дылевичи: скорее всего, что от антропонима *Dilis (Dylis)* из *dil-ti* ‘снашиваться’ (Zinkevičius 2008, с. 593). Ср.: рус. *дыль* ‘даль’, *дыльный* ‘далёкий’, которому соответствует древнеиндийское *dūras* ‘дальний, далёкий’ (Фасмер 1986, т. 1, с. 236).

Дягельня: вероятнее всего, от лит. *degti* ‘гореть, зажигать, жечь, выкуривать, кипеть’ (TLRKŽ 1989, с. 59).

Дягтевица: возможно, происходит от рус. слова *дѣготь*: деревня, в которой варили дѣготь. Название могло возникнуть также от бел. *дѣготь* или лит. *degutas* с тем же значением (Фасмер 1986, т. 1, с. 493). Однако не исключено, что имеет ту же этимологию, что и топоним *Дягельня*.

Кеты: из антропонима *Kietis* от лит. *kietas* ‘твёрдый’ (Zinkevičius 2008, с. 596).

Кишкелева: образовано от антропонима лит. *Kiškis* ‘заяц’ (Zinkevičius 2008, с. 508). Ср.: рус. *кишкать* ‘пугать птиц’; междометие *киш!*, родственное лит. *tiš!* и лтш. *tiš!* ‘при распугивании кур и птиц’ (Фасмер 1986, т. 2, с. 242).

Кишы: возможно, образовано от антропонима лит. *Kišys* от *kiš-ti* ‘сунуть, совать’ (Zinkevičius 2008, с. 596). Ср.: рус. *киша* ‘закваска’ из праслав. **kys-(ja)* ‘кислый, киснуть’, ср. рус. *кишетъ, кишу, кишмя*, что родственно лит. *kuši, kušėti* ‘двигаться, шевелиться’, лтш. *kustēt* ‘двигаться, шевелиться’ (Фасмер 1986, т. 2, с. 242).

Кмиты: возможно, от бел. *кметь* ‘витязь, знатный человек, вольный сельский житель, воин, дружинник’ (ТСБМ т. 2, с. 704), ср. старославянское, древнерусское *къметь* ‘витязь’. Лит. *kumetis* и древнепрусское *kumetis* ‘крестьянин’ считаются славянскими заимствованиями. Само слово, скорее всего, заимствовано из латинского *comes, comitis* ‘спутник, товарищ’ через народнолатинское *comitatus* ‘округ, область’ (Фасмер 1987, т. 2, с. 261).

Лубаци: образовано от антропонима лит. *Lubas, Lubis* с основой *lub-*, значение которой до конца не ясно и считающейся индоевропеизмом (Zinkevičius 2008, с. 109). Ср.: с рус. *луб* ‘кора, лыко’, *лубочка* ‘корзина из коры берёзы’. Встречается почти во всех славянских языках; родственно лит. *luba* ‘тесина, доска’ *lubos* ‘потолок’, лтш. *luba* ‘луба’, древнепрусское *lubo* ‘тесина’ (Фасмер 1986, т. 2, с. 526–527).

Майсютина: этимология неясна, возможно, от лит. *maišyti* ‘мешать, перемешивать’ или от лит. *maišas* ‘мешок’.

Малонка: возможно, от лит. *molonus* ‘приятный, любезный’.

Мишуты: здесь возможны два пути образования топонима: 1) от лит. *miškas* ‘лес’; 2) от антропонима *Миша, Михаил*.

Можеи: от лит. *mažas* ‘малый’.

Морги: вероятно, от бел. *морги* ‘мера площади (0,71 га)’ (ТСБМ 1979, т. 3, с. 174) или от лит. *margas* ‘пёстрый’.

Нарушево: от рус. *нарушить, рушить, рушу* или бел. *рушыць* ‘двигать, шевелить’ (известно и в других славянских языках). В лит. *rausti, rausiu, rausiau* ‘рыть, копать’, *rausti* ‘краснеть’, лтш. *raust* ‘разгребать, мести’; лит. *rausis* ‘пещера’, *rūsus* ‘погреб, подвал’; лтш. *rušināt* ‘копаться, рыть’ (Фасмер 1987, т. 3, с. 525).

Самуилы: от лит. антропонима *Samuelis*, в основе которого литуанизированное еврейское имя *Šemū‘el* ‘Бог выслушает’ (Zinkevičius 2008, с. 381). Ср.: лит. *samuolis* ‘растение, которое растёт в низменных и заболоченных местах’.

Свилы (6): от лит. *svilti* ‘1. гореть без пламени, тлеть; 2. пригорать, подгорать’ (TLRKŽ 1989, с. 319). Возможно, происходит от рус. *свила* ‘шёлк’, ср. древнерусское *свила* < **svvila*, образовано от **viti* ‘вить’ (Фасмер 1987, т. 3, с. 577). Как видно, в основе один и тот же корень *vi-(ть)*: дым вьётся, и шёлк, когда его ткут, вьётся. Скорее всего, топоним происходит от литовского слова, так как топоним *Свила* встречается часто (6 раз) в Глубокском районе: здесь в старину пряли, было широко развито шелкопрядство.

Свядово: скорее всего, от лит. *svie-sti, svie-džia, svie-dė* ‘швырнуть, швырять; кинуть, кидать’. К. Буга считает, что топоним имеет следующее происхождение: *Свядово, Свядь* < **Sveda: Swiadoscie* ‘окруженное лугами’ (Буга 1961, с. 541).

Трабихи – в основе литовский антропоним *Траба*. Лит. *troba* ‘изба, хага’.

Шилава – от лит. *šilas* ‘бор’.

Шиметы – скорее всего, от лит. антропонима *Šiemeta*. Название антропонима может происходить от названия озера *Šiemetis*, которое находится в Литве, недалеко от города Вевиса. В основе гидронима, по мнению А. Ванагаса, корень **šet-*, который, возможно, связывается с лит. словом *šemas* ‘светлый, с голубым оттенком серый’ (Ванагас 1981, с. 328, с. 330).

Сложные названия населённых пунктов: *Шалагирьы, Жадвойнь, Гинтовты, Шатыбелки*.

Шалагирьы: в основе происхождения две основы лит. *šaltas* ‘холодный’ и лит. *giria* ‘пуща, густой лес’.

Жадвойнь: образовано на основе антропонима *Žadvainis (žad-vain-is)*. *Žad* – этимология слова до конца не ясна, его соотношение с *žad-ėti* ‘обещать’, *žadas* ‘речь’, как считает З. Зинкявичус, вторичное (Zinkevičius 2008, с. 166). Второй компонент – *vaina* ‘вина’ ‘причина’ (Zinkevičius 2008, с. 154, с. 301, с. 615).

Гинтовты: из лит. антропонима *Gintautas* < *ginantis tautą* ‘защитник народа’; антропоним состоит из двух основ: *gin* (<*ginys*) и *taut* (< *tauta*) (Zinkevičius 2008, с. 93, с. 148, с. 172, с. 620).

Шатыбелки: состоит из двух основ *Šat-(as)+Belk-(us)*. Компонент *Šat-* связан с лит. *šatas* ‘отряд’, ‘свора, стая’ или с лит. *šatas* ‘шотландец’ (Zinkevičius 2008, с. 619). Второй вариант маловероятен. *Belk-(us)* < *Belas* – антропоним, крестьянское имя (Zinkevičius 2008, с. 278).

Топонимы с суффиксами *-унцы / юнцы, -ойці, -ін і /-ыні, -іны, -ені /эні* в рассматриваемом регионе не обнаружены.

Далее проанализируем название рек и озёр, приведённых в рассматриваемом списке И. Гашкевича.

Реки: *Акута, Аута, Белокорье, Березвечь, Березовица (Берёзовка), Вороновка, Добриновка, Гнилуха, Грудня, Жалово, Ласица, Лужаница, Лучайка, Мнютица, Морхва, Овбеица, Оржаница, Плисовка, Подявы, Прудники, Соша, Свисла, Телеша, Чистая.*

Из приведённого списка только несколько гидронимов могут иметь литовское происхождение. К ним относятся следующие гидронимы.

Акута: от лит. *aketė* ‘бороновать’.

Аута: от лит. *autas* ‘обмотка’, *auti* ‘обматывать’.

Грудня: от бел. *груда*, слово является родственным лтш. *grauds* ‘зерно’, *graut*, *grauži*, *graudu* ‘громохатать, греметь’, лит. *graudus* ‘рыхлый, мягкий, трогательный’, *grūsti*, *grūda*, *grūdo* ‘толочь’, *grūdas* ‘зерно’ (Фасмер 1986, т. 1, с. 463). Скорее всего, в основе гидронима лежит лит. слово *grūsti*: это можно связать с тем, что река имела много поворотов, водопадов и вода в ней постоянно пенилась, как бы «толклась». Гидроним может происходить и от названия месяца *грудень*: в старорусском и украинском языках это название ноября, в польском – название декабря, лит. *gruodis* ‘декабрь’; месяц назван по названию смёрзшейся в виде комьев земли (Фасмер 1986, т. 1, с. 463). Река могла быть названа в том и другом случае по аналогии: когда замерзает лёд при сильном ветре, то, с одной стороны, на его шероховатой поверхности можно увидеть нечто похожее на зёрна (в этом случае в основе гидронима – лит. *grūdas*), с другой стороны, река напоминает комья земли, груды земли (в этом случае в основе гидронима – славянское название). Поэтому очень тяжело однозначно установить происхождение гидронима.

Жалова: может происходить от лит. *žalas* ‘бурый’ или от лит. *žalias* ‘зелёный’.

Плиса: возможно, от лит. *plisti* ‘распространяться’. Однако гидроним может происходить и от названия птицы бел. *плиска*, ср. также бел. *плиціца* (Фасмер 1987, т. 3, с. 283).

Морхва: скорее всего, от лит. *marka* ‘место, где вымачивали лён’ (Ванагас 1981, с. 205). На территории Литовской Республики встречаются похожие названия: *Markelis* (название озера), *Markelynė* (название реки) (Ванагас 1981, с. 205). Родственные образования – *Merkė* (название реки), *Merkys*, *Merkelis*, *Merkalės* и др. Происхождение гидронимов связывают с лит. *merkti* ‘вливать в воду какую другую жидкость; замачивать, орошать; лить, увлажнять’ (ср. рус. *мяреча* ‘трясина’) (Ванагас 1981, с. 205).

Оржаница: возможно, от лит. *varža* ‘корзина для рыбы’ (Ванагас 1981, с. 367).

Подявы: этимология слова до конца неясна. Скорее всего, происходит от лит. *pa-dieviai*, где выделяются приставка *pa-* и корень *-diev-* ‘бог’. В Литве зафиксировано несколько названий гидронимов с таким корнем. Например, *Diev-upis* (буквально ‘река бога’) в Клайпедском районе, озеро *Diev-rašas* в Укмергском районе (Ванагас 1981, с. 86).

Свисла – см. выше.

Озёра: Белое, Березвечь, Боброва, Божки, Боровое, Вишнева, Гвоздово, Гинькова, Глубокое, Гринвальды, Дубовка, Жалова, Забелье, Заувись, Иванец, Карпинское, Качановка, Кривое, Кулькова, Ласица, Ластовица, Лебединец, Мило-Польское, Мнюта, Мушкатово, Новики, Окунёва, Орехорно, Плисса, Подаута, Подскрина, Псуя, Рамонь, Рожонь, Сапелинское, Свядово, Скроботуны, Ставь, Ставок, Станули, Сшо, Сэрвач, Хима, Церковно, Циновка, Шилова, Шо.

О возможном происхождении названий *Гинькова*, *Жалова*, *Ласица*, *Свядово*, *Скроботуны*, *Станули*, *Шилава* – см. выше.

Сшо, *Шо*: скорее всего, из финского *Šuoji*. В Паневежском районе Литвы есть река *Šuoja* (похожие названия встречаются в Карелии – *Шуо*, *Шуо-ярви*, *Шуоозеро*) (Ванагас 1981, с. 336).

Заключение

Всего в статье проанализировано 972 названия населённых пунктов, 24 речек, 47 озёр. Среди них только у незначительного количества очевидно их литовское происхождение. Самую большую группу составляют названия, которые могли возникнуть как на основе литовского, так и белорусского языков. Значительная часть – топонимы с реликтами литовского языка. То, что они могли возникнуть из литовского языка свидетельствуют лишь словообразовательные форманты (суффиксы). Это говорит о сильной степени их славянизации, приспособлении под нормы местного говора после того, как эти места литовцы либо оставили, либо были славянизированы.

Исходя из словообразовательных моделей, ситуация с топонимами, которые можно отнести к литовским, выглядит следующим образом:

Суффикс *-ишк[u]/-ышк[u]* (> *-iškė*, *-iškės*, *iškis*): 6 названий;

Суффикс *-ан[ы]/-ян[ы]* (> *-ėnai*, *-onys*): 14 названий;

Суффикс *-ан[e]/-ян[e]*: 5 названий;

Суффикс *-он[u]/ан[u]* (< *-onai/-ainis*): 1 название;

Суффикс *-анц[ы]/янц[ы]*: 1 название;

Суффикс *-ун[ы]/-юн[ы]* (< *-ūnai*): 7 названий;

Суффикс *-ейк[u]* (< *-eikiai*, *-eikos*): 4 названия;

Суффикс *-ел[u]/-эл[u]* (< *-eliai*): 5 названий;

Суффикс *-ул[u]/-юл[u]* (< *-uliai*): 2 названия;

Суффикс *-ук[u]/юк[u]* (< *-ukai*): 6 названий;

Суффикс *-ут[u]/-ют[u]* (< *-učiai*): 1 название;

Суффикс *-ол[u]/ал[u]* (< *-alai*, *-eliai*): 1 название;

Префиксальные дериваты (*па-*, *анто-*): 1 название.

Как видим, самыми продуктивными моделями оказались топонимы на *-ан[ы]/-ян[ы]* (< *-ėnai*, *-onys*) (14 названий), затем на *-ун[ы]/-юн[ы]* (< *-ūnai*) (7 названий), на *-ишк[u]/-ышк[u]* (< *-iškė*, *-iškės*, *iškis*), а также на *-ук[u]/*

юк[и] (< -ikai) (по 6 названий). С суффиксами: -уиц[ы]/юиц[ы] -ойци, -ин[и]/-ын[и], -ин[ы], -ен[и]/эн[и] – ойконимов не обнаружено. Зафиксировано 35 топонимов, в основе которых балтский корень и славянский суффикс. Из 972 проанализированных топонимов литовское происхождение имеют (или могут иметь) 89, что составляет 9,2 %. Среди названий речек литуанизмы составляют 25 % (6 из 24); среди озёр – 23 % (11 из 47). Больше всего топонимов и гидронимов литовского происхождения сосредоточено в западной части рассматриваемого региона, в тех местах, где он граничит с Шаркощинским и Поставским районами. Севернее и восточнее (Черневичская и Прозорокская волости) они фиксируются реже: чем дальше от литовской границы, тем их меньше.

Сокращения

- бел. – белорусский язык
- Верх. – Верхняянская волость
- вол. – волость
- Глуб. – Глубокская волость
- Зал. – Залеская волость
- лит. – литовский язык
- лтш. – латышский язык
- Луц. – Луцкая волость
- праслав. – праславянский язык
- Плис. – Плисская волость
- Проз. – Прозорокская волость
- Черн. – Черневичская
- рус. – русский

ЛИТЕРАТУРА

- Адамкович А. Исторические и лингвистические данные о литовцах Дисненского уезда 1795–1939 г. *Iš: Žmogus ir žodis*. 2010. Т. 12. Nr. 3. С. 73–79
- Гошкевич И. *Виленская губерния. Полный список населённых мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям И. И. Гошкевичем*. Вильна: Губернская типография, 1905. 341 с.
- Гурская Ю. *Древние фамилии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне*. 2-е изд. испр. и доп. / Ю. А. Гурская. Белорусский государственный педагогический университет. Минск: Право и экономика, 2011. 447 с.
- Жучкевич В. А. *Краткий топонимический словарь Белоруссии*. Минск: Белорусский государственный университет, 1974. 447 с.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка в 4-х томах*. Под ред. Б. Ларина. Изд. 2-е. Москва: Прогресс. 1986–1987.
- Юркенас Ю. *Основы балтийской и славянской антропонимики: Monografija*. Vilnius. UAB «Ciklonas», 2003. 196 p.
- Бірыла М.В., Ванагас А. П. *Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы*. Мінск: Навука і тэхніка, 1968.

- ТСБМ: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–5. Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі. 1977–1984.
- Adamkovičius A. Garšva K. *Dysnos apskrities lietuviškos kilmės tikriniai vardai*. // *Acta Baltico-Slavica* 30 SOW, Warszawa 2006. С. 301–310.
- Būga K. *Rinktiniai raštai*. Т. 3. Vilnius. 1961. 1008 p.
- Garšva K. *Lietuvių kalbos paribio šnekos (fonologija)*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. 2005. 408 p.
- Gaučas P. *Etnolingvistinė rytų Lietuvos gyventojų raida. XVII a. antroji pusė – 1939*. Vilnius. 2004.
- Lietuvių kalbos žodynas*. Т. 1–2, Vilnius: Mintis, 1968 – 1969, 2-asis leidimas; 3–6, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla; 1956–62; 7–9, Vilnius: Mintis; 1966–1973; 10–15, Vilnius: Mokslo; 1976–1991; 19–17, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla; 1995–1196; 18–19, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997–1999; 20, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2002.
- Lietuvos vietovardžių žodynas* [LVŽ] / [redaktorių kolegija: Laimutė Balode... [et. al]. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. 646 p.
- Trumpas lietuvių-rusų kalbų žodynas = Краткий литовско-русский словарь*: Apie 12000 žodžių [TLRKŽ] / K. Gaivenis, A. Lyberis, V. Šernas. 2-as leid. K.: Švesa, 1989. 382 p.
- Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas=Этимологический словарь литовских гидронимов=Etymologisches Wörterbuch der litauischen Hydronyme*. Vilnius: Mokslo, 1981. 408 p.
- Zinkevičius Z. *Lietuvių tarmių kilmė*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. 2006. 296 p.: žml.
- Zinkevičius Z. *Lietuvių asmenvardžiai* / Zigmantas Zinkevičius; Lietuvių kalbos institutas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. 840 p.
- Zinkevičius Z., Luchtanas A., Česnys G., *Where We Come From*. Vilnius, Science and encyclopaedia publishing institute, 2005.

Kopsavilkums

Rakstā tiek aplūkoti toponīmi un hidronīmi ar lietuviešu valodas reliktiem tajā Baltkrievijas Vitebskas apgabala Glubokskij rajona daļā, kura līdz 1917. gadam bija Viļņas gubernas Disņenskij apriņķa sastāvā. Rakstā analizēti toponīmi un hidronīmi, pamatojoties uz I. Goškēviča grāmatas materiālu. Visproduktīvākie vārddarināšanas modeļi ir toponīmi ar izskaņu -аны/-яны < lietuviešu -ėnai, -onys (14 nosaukumi), toponīmi ar izskaņu -уны/-юны < lietuviešu -ūnai (7 nosaukumi), toponīmi ar izskaņu -уику/-юику > lietuviešu -iškė, -iškės, -iškis, kā arī toponīmi ar izskaņu -уку/-юку < lietuviešu -ukai (katrā apakšgrupā ir 6 nosaukumi). Ir atrasti 35 toponīmi, kuru pamatā ir baltu cilmes sakne un slāvu cilmes sufikss. No 972 analizētajiem toponīmiem lietuviešu valodas relikti konstatēti 89 nosaukumos (9,2%), turklāt upju nosaukumos 25% (6 no 24 nosaukumiem), ezeru nosaukumos 23% (11 no 47 nosaukumiem). Lielākā daļa lietuviešu cilmes toponīmu un hidronīmu ir reģiona rietumos.

Atslēgvārdi: toponīmi, hidronīmi, lietuviešu cilme, vārddarināšanas modeļi.

Summary

The article examines toponyms and hydronyms with relicts of the Lithuanian language in the part of the Hlybokaje region which belonged to the Dzisna County of the Province of Vilnius until 1917. Considering word formation models, words with the following word formation models can be regarded as Lithuanian toponyms: suffix -уику/-юику (>-iškė, -iškės, iškis):

6 names; suffix *-аны/-яны* (>-ėnai, -onys): 14 names; suffix *-ане/-яне*: 5 names; suffix *-они/-ани* (<-onai/-ainis): 1 name; suffix *-анцы/-яңы*: 1 name; suffix *-уны/-юны* (<-ūnai): 7 names; suffix *-ейки* (<-eikiai, -eikos): 4 names; suffix *-ели/-эли* (<-eliai): 5 names; suffix *-ули/-юли* (<-uliai): 2 names; suffix *-уки/-юки* (<-ukai): 6 names; suffix *-ути/-юти* (<-učiai): 1 name; suffix *-оли/-али* (<-alai, -eliai): 1 name; prefix derivatives (*па-, анто-*): 1 name. As we can see, the most productive models are toponyms containing suffixes *-аны/-яны* (>-ėnai, -onys) (14 names), *-уны/-юны* (<-ūnai) (7 names), *-ишки/-ышки* (>-išké, -iškės, -iškis), and *-уки/-юки* (-ukai) (6 names each). 35 names had a Baltic root and a Slavic suffix. Of 972 toponyms subjected to analysis, 89 have (or can have) a Lithuanian origin, which constitutes 9.2%; among rivers – 41.7% (10 out of 24); among lakes – 23% (11 out of 47).

Keywords: *hydronyms, Lithuanian origin, models of word formation, toponyms.*

II. Этимология

Etimologija

В поисках семантической мотивации (на примере социальной лексики)

Meklējot semantikas motivāciju (pamatojoties uz sociālās leksikas piemēru)

Auf der Suche nach der semantischen Motivation (am Beispiel der sozialen Lexik)

Мариола Якубович (Краков)

Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk,
00-337 Warszawa, ul. Bartoszewicza 1B/17, Polska, mjakub7@interia.pl

В статье рассматривается семантическая мотивация лексем со значениями ‘свой’ и ‘чужой’ в славянских, балтийских и германских языках. Приводятся также параллельные примеры из других индоевропейских языков. Собранный материал показывает, что доминирующими мотивационными моделями являются модели, основанные на семантике пространства, особенно на оппозиции: «внутри – снаружи (наружу)».

Ключевые слова: этимология, семантическая мотивация, «свой – чужой».

Статья посвящена анализу семантической мотивации лексем из сферы социальной лексики, обозначающих связи людей по отношению друг к другу. Прояснение семантико-мотивационных связей слов этой сферы было бы полезно для всех, занимающихся историей данного вопроса. Анализ мотивации помогает определить ассоциации, возникающие в сознании пользователей языка. Для изучения этой проблемы следует рассмотреть историю занимающих нас слов, их внутреннюю форму, а в некоторых случаях их этимологию на базе сравнения со словами близкородственных и дальнородственных языков.

Основными понятиями из сферы социальной лексики являются понятия «свой» и «чужой».

Начнем со слов-обозначений лиц, причисляемых субъектом номинации к людям своего круга. Как в русском, так и в других языках это понятие ‘свой человек’ обычно выражается словами, имеющими другие исходные значения. В славянских языках здесь обычно употребляется личное местоимение *свой*, которое может образовывать производные, ср. русское *свойство* ‘родство по браку’, польское *swojak* ‘человек, рожденный в той же деревне’. В чешском в том же значении используется форма местоимения первого лица *naš*, которое стало производящей основой для существительного *našinak* ‘свой человек’.

Параллели можно найти и во французском языке. Смысл ‘свой человек’ выражается в нем сочетанием слов *il est de notre*, буквально: ‘он из наших’. Мотивирующими могут быть также названия какой-либо реалии, считающейся общей для данной группы людей, ср. польск. *ziomek* от *ziemia*, *krajan* от *kraj*, *krewny* от *krew*.

Следует отметить, что хотя понятие «свой» занимает в языковом плане важное место, однако, анализируя некоторые языки (например, польский), можно сделать вывод, что без этого понятия можно обойтись. В польском слово *swój* в интересующем нас значении характерно, прежде всего, для разговорной речи и говорков. В литературном языке семантика «своего» как оппозиции к «чужому» выражается другими способами. Чаще всего в этой функции выступают дериваты от слова *znać*: *znany*, *znajomy*. Подобная ситуация наблюдается в германских языках. В них для выражения семантики «своего» также употребляются причастия и прилагательные, образованные от глаголов со значением ‘знать’, ср. немецкое *bekannte* от *kennen*. Слова, являющиеся прямыми соответствиями русского *свой*: нем. *sein* – возвратное местоимение индоевропейского происхождения (< прагерм. **sīna*- < индоевр. **suei-no-s* (Kluge 1999, с. 755)) и производные от глаголов со значением ‘иметь’: нем. *eigen*, англ. *own* (ср. гот. *aigan*, др. -сканд. *aiga*, англосакс. *āgan*, дрвнем. *eigan* (Kluge 1999, с. 208–209)) – используются исключительно в сфере посесивности. Может быть, «быть своим» кажется чем-то настолько очевидным, что – в отличие от «чужого» – не нуждается в обозначении отдельным словом?

В балтийских языках притяжательное местоимение: литов. *savas*, латыш. *savs* – является производящей основой для терминов родства, ср. литов. *saviškis/saviškiai*, латыш. *savējs/savējie*. Как в славянских, так и в балтийских языках эти слова относятся или к сфере посесивности, или (особенно во множественном числе) к обозначениям межличностных отношений.

В том же значении употребляются литов. *žinomas* от *žinoti* ‘знать’ и *pažįstamas* от *pažinti* ‘то же’.

Другая сфера, являющаяся производящей для группы «социальных» лексем, – это сфера пространства (лексика, связанная с понятием расстояния). Примеры данного семантического переноса можно найти во всех рассматриваемых языках, ср.: литов. *ařtamas* от *arti* ‘близко’, нем. *nächste* от *nahe* ‘то же’. Это явление кажется особенно интересным в связи с особенностями семантико-мотивационных переходов «чужого», речь о которых пойдет далее.

При анализе слов-обозначений «чужого» в разных языках выделяется несколько типов мотивационных моделей. Наиболее органичной для выражения семантики «чуждости» кажется группа, содержащая образования на базе лексем с локативным значением. Рассмотрим некоторые лексемы, производные от слов со значением ‘внешний; расположенный далеко; находящийся в стороне от чего-нибудь’.

Латинское *peregrinus*, производное от наречия *peregre*, – это композит, состоящий из существительного *ager* ‘поле’ и предлога *per*, иногда обозначающего в композитах ‘отклонение от правильной дороги’. Первичное значение

слова *peregre* можно реконструировать как ‘находящийся вне поля’. Прозрачной кажется мотивация и других прилагательных, происходящих из латинского языка. Французское *étrange* ‘странный’ происходит из латинского *extraneus* ‘внешний’, производного от предлога *extra* ‘вне’. До семнадцатого века французское прилагательное значило ‘чужой’ (что сохранилось в английском *strange*, заимствованном из древнефранцузского). А далее это значение принял дериват *étranger* (Dauzat 1947, с.300). В славянских языках мы наблюдаем подобные процессы. Сербское *стран* ‘чужой’ можно считать континуантом праславянского прилагательного **stornьjь*, производного от **storna* ‘страна, сторона’ со структуральным значением ‘то, что находится в стороне’. Русское *странный* на древнерусском этапе развития обозначало ‘чужой’, что иллюстрирует две очередные инновации: значение ‘внешний, находящийся на стороне’ преобразовалось в ‘чужой’, а ‘чужой’ в ‘странный’. Обратим внимание на семантический переход из ‘чужой’ в ‘странный’, который кажется не менее интересным, чем переход ‘внешний’ в ‘чужой’. Этот переход является иллюстрацией социальной установки, что странным считается то, что является чужим, не своим.

Похожий механизм развития происходит и во французском *forain*. Старофранцузское *forain*, которое является также источником заимствованного в английском *foreign*, продолжает позднелатинское *foranus* ‘внешний’. Это слово восходит к латинскому наречию *foris* со значением ‘наружу, вне дома, из дома, прочь’ (Dauzat 1947, с. 333).

Можно предположить, что в сознании носителей разных языков чужой представлялся как живущий или рожденный вне или на периферии пространства, которое они считали своим. Если представить пространство как круг с четко определенными границами, понятия, обозначения для которых являются мотивирующими основами для слов со значением ‘чужой’, будут располагаться вне круга или внутри на его периферии.

Вторая группа – это слова с компонентом, обозначающим ‘другой’, ср. славянские слова с членом *ино-*, *ини-*. В них обозначается вторая черта, которая обычно считается проявлением семантики чуждости. «Чужие» отличаются от «своих» или каким-то признаком (языком, местом происхождения), заложенным во внутренней форме лексемы (латин. *alienigena*), или они вообще выражают семантику «другого». На этом основано латин. *alienus* ‘чужой’ – производное от *alius* ‘другой’.

Рассматриваемые выше механизмы мотивации поражают своей очевидностью. Как на этом фоне представляются мотивационные модели в германских, славянских и балтийских языках?

В германских языках названия «чужого» – континуанты **framąþia-* (гот. *framąþs*, др. -в.-нем. *fremidi* : *framadi*, нем. *fremd*, др.-сакс. *fremithi*, нид. *vreemd*, англосакс. *fremede*, швед. *främmad*, норв. *fremmed*) – образованы от наречия **framąþ* «вперед», являющегося производным от предлога *fram* с тем же значением (Kluge 1999, с. 285). Новое значение в номинации прагерм. **framąþia-*, возникло путем перехода ‘вперед’ в ‘наружу’, которое проявляется и в англ.

from ‘от, наружу’, из **fram*. Сказанное выше позволяет предполагать, что значение прагерманского **framapia-* можно реконструировать как ‘внешний’. Очевидно, германские слова попадают в рассматриваемую нами выше схему, где ‘внешний’ обозначает «чужого».

Семантику периферийности имеет также литов. *pašalinis* от *pašalẽ* ‘край, обочина’, последнее от *šalis* ‘бок, страна’.

Следует обратить внимание на интересный механизм развития литовского слова *svētimas* ‘чужой’, производного от *svetỹs* ‘гость’. Хозяева встречают гостя как «чужого», однако тот факт, что гость *принят*, переводит его в разряд «своих». С литовским *svetỹs* состоит в родстве и латышское *svešs* ‘чужой’. Балтийские слова производны от корня индоевропейского происхождения *sve-* с расширением *-ti-*. Ср. в словах, проанализированных выше, притяжательное местоимение (в т.ч. и притяжательное местоимение *savęs* ‘свой’) было производящим для слов со значением ‘свой, знакомый’.

Некоторые трудности возникают при анализе данных славянских языков. Это связано отчасти с неясностью этимологических связей основной лексемы – общеславянского **tjudь*, реализующегося, например, в церк.-слав. *stuždь* : *tuždь*, пол. *cudzy*, рус. *чужой*. Большинство авторов этимологических словарей славянских языков считает лексему **tjudь* древним, еще праславянским, заимствованием из гот. *þiuda* ‘народ’ < и.-е. *teuta* ‘то же’ (*Slawski* I, с. 109). С семасиологической точки зрения данная гипотеза кажется вполне вероятной. Возможно, что славяне использовали для наименования германцев то же название, которым германцы сами обозначали себя в речи. Переход имени собственного соседей, говорящих на другом языке, в имя нарицательное кажется весьма убедительным.

Другую возможность объяснения этой семантической эволюции допускают М. Фасмер и В. Борысь, которые не исключают праславянского генезиса слова и родственных связей праслав. **tjudь* с готским *þiuda* (Фасмер IV, с. 379; *Boryś* 2005, с. 88). В качестве параллели приводится словенское *ljudski* ‘чужой’, см. ниже. Одно из затруднений, возникающих в связи с объяснением разнообразия форм реализации праслав. **tjudь* в славянских языках, – в одних выступает начальный звук *t-*, в других *tj-*, объясняется диссимилиацией *tj-* под влиянием *-jь* (Фасмер IV, с. 379).

Существует и другая гипотеза, весьма привлекательная с семасиологической точки зрения, которая связывает *чужой* с *чудо*. В качестве семасиологической параллели можно привести развитие значения рус. *странный* от ‘чужой’ до ‘удивительный’, вполне вероятно также и обратное направление – от «удивительный» к «чужой». Если учитывать общепринятую реконструкцию праслав. форм: *чужой* < **tjudь* и *чудо* < **čudo*, данное объяснение следует отвергнуть вследствие очевидного формального несоответствия праславянских лексем. Впрочем, Анджей Баньковски, автор этимологического словаря польского языка, считающий действительной связь *cudzy* и *cudo*, реконструирует *cudo* в виде праслав. **tjudo*, подтверждая свою реконструкцию церковнославянским *stuždо* (*Bańkowski* I, с. 201–203).

Континуанты праслав. **tjudjъ* обозначают «чужой» почти во всех славянских языках. Исключением является польский, в котором лексема *ciudzy* имеет более узкую семантику, чем в других языках, и обозначает только «принадлежащий кому-нибудь другому». Основное значение рус. *чужой* – «не принадлежащий кругу, который считается нашим» – в польском выражен лексемой *obcy* из псл. **obytjъ* «общий». Как видно из сравнения с другими славянскими языками, значение «общий» является основным для праслав. **obytjъ*. В польском его следы можно найти в др. -польск. деривате *obecný* «общий» или в редко употребляемом глаголе *obcować* «делать вместе, жить вместе». В связи с тем, что праслав. **obytjъ* образовано на базе предлога **oby* «около», а значение праслав. **obytj-* реконструируется как «то, что кругом», можно говорить здесь о модели семантического перехода, представленной выше, приняв, что «чужой» – это кто-то, находящийся на границе круга «своих».

Однако, если иметь в виду тот факт, что значение «чужой» в польском вторично, идея о возможном сохранении в нем следов первичной древне-праславянской семантики кажется весьма сомнительной.

Поэтому, думается, следует реконструировать механизм развития «общий» > «чужой» путём сравнения с приводимым выше «людской, принадлежащий людям» > «чужой». Этот переход характерен не только для словенского языка. В диалектах почти всех славянских языков прилагательное, производное от существительного **tjudъje*, имеет вторичное значение «чужой». В болгарском то же значение имеет дериват *хорски* от *хора* «люди». С нашей точки зрения, это явление весьма показательно. Как возникло значение, в основе которого заложена оппозиция «мы» : «люди» или «я» : «люди»? Маловероятно, по нашему мнению, развитие «людской» > «чужой» путем эллипсиса члена со значением «чужой» из фразеологических сочетаний типа «чужой люд». В этом случае эллипсису подвергалась бы та часть сочетания, которая семантически наиболее нагружена.

Итак, большая часть слов со значением «чужой» представляет собой прозрачную в семантико-мотивационном отношении картину. Но, с нашей точки зрения, именно «банальность» этих выводов кажется достойной внимания: можно предполагать, что уже сотни лет тому назад люди воспринимали идею «своего» и «чужого», точно таким же образом, как и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

- Bańkowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Т. 1–2. Warszawa, 2000.
 Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
 Dauzat A. *Dictionnaire étymologique de la langue française*. 7e éd. revue et augm., Paris, 1947. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23., erweit. Aufl., bearb. v. E. Seebold. Berlin, 1999.
 Ślawski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Т. I–V. Kraków, 1952.
 Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва, 1964–1973.

Kopsavilkums

Rakstā tiek aplūkota leksēmu ar nozīmēm 'savs' un 'svešs' semantiskā motivācija slāvu, baltu un germāņu valodās. Ir apskatītas arī paralēles ar citām indoeiropiešu valodām. Savāktais materiāls liecina, ka dominējošie motivācijas modeļi ir tie, kas balstās uz telpas semantiku, īpaši uz opozīciju «iekšā – ārā».

Atslēgvārdi: *etimoloģija, semantiskā motivācija, «savs – svešs».*

Zusammenfassung

In vorliegendem Beitrag wird die semantische Motivation von Wörtern, die in slavischen, baltischen und germanischen Sprachen 'bekannt' und 'fremd' bedeuten, untersucht. Parallele Beispiele aus anderen indogermanischen Sprachen werden auch angeführt. Das gesammelte Material zeigt, dass in diesem semantischen Gebiet die motivationische Modellen auf der Semantik des Raumes (besonders auf der Opposition: innen – außen) begründete dominieren.

Schlüsselwörter: *bekannt – fremd, semantische Motivation, Etymologie.*

Особенности словоизменительной апофонии глагола в балтийских, славянских и германских языках: двугласные корни

Verbu locīšanas apofonijas īpatnības baltu, slāvu un ģermāņu valodās: saknes ar divskani

Ablautbesonderheiten bei der Verbbeugung in den baltischen, slawischen und germanischen Sprachen: Wurzeln mit Diphthong

Аудроне Каукене, Юрате София Лаучюте (Клайпеда)

Klaipėdas Universitāte, Herkaus Manto g.84, Klaipėda, 92294 LT
j.lauciute@gmail.com

Статья посвящена анализу словоизменительного чередования гласных в системе индоевропейского глагола. До сих пор ощущается недостаток работ, в которых выводы о развитии апофонии глагольных форм основывались бы на последовательном и систематическом сопоставлении словоизменительной апофонии глаголов нескольких групп индоевропейских языков. Статья начинается с изложения общих особенностей индоевропейской глагольной апофонии, в результате чего выявляются самые общие и архаичные типы чередования гласных, характерные для многих языков. Далее анализируются процессы, определившие судьбу апофонии в балтийских, славянских и германских языках. Это позволяет сопоставить весьма разные глагольные системы. Затем следует конкретный анализ чередования гласных в данных языках. Типы апофонии исследуются соответственно структуре корня.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, апофония, глагол, балтийские языки, славянские языки, германские языки

1. Особенности апофонии индоевропейского глагола

Изучение вокализма, в особенности чередования гласных, имеет особое значение для глаголов, поскольку апофония является одним из основных факторов, определяющих развитие глагольной системы. Чередование гласных в парадигме глагола может быть реконструировано для многих индоевропейских языков, поэтому данное явление можно считать общеиндоевропейским (*Kuryłowicz 1956, с. 24 и след.*).

Чередование гласных наблюдается в формах разных времен, наклонений, чисел, залогов, формантных и неформантных временных формах, финитных и инфинитных формах. Чаще всего чередование гласных присуще корням, в

презентных формах которых имеется вокализм ряда *e*, в особенности если их основу составляют двугласные или дифтонги типа *CeR(C)*, *Ceu(C)*, *Cei(C)*. Консонантные же корни типа *CeC* содержат меньше возможностей для апофонии.

1.1. Чередование во временных формах

Чередувание гласных может происходить в формах **презенса** и **претерита** (корневой или редупликационной аорист). Презентные формы чаще всего содержат **полную** ступень чередования гласных, а в претеритных выступает **нулевая**, ср.: гр. $\theta\epsilon\acute{\iota}\nu\omega$ ($*g^uhen-i\bar{o}$) «бью» – редупл. аор. $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\phi\nu\nu$, др.-инд. *hánati* : ав. *-jānat* «ег schlug» (из и.-е. $*g^uhen-/*g^uh\eta-$ «гнать, погонять (*ударяя)»); гр. $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$, аор. $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\iota\nu$ (= др.-инд. *áricat*, из и.-е. $*leik^u-/*lik^u-$ «оставить, оставлять»). Данное (качественное)¹ чередование между формами настоящего и прошедшего времени можно наблюдать как в балтийских, так и в славянских и германских языках, например: лит. *gėna – ginė*, лтш.² *dženu – dzinu*: ст.-сл. *ženq – gьna* «гнать»; лит. *liėka // liėkti – liko*, лтш. *lieku – liku* : др.-в.-н. *līhan – множ. liwun // lihun* «одолжить».

Количественное чередование, когда в претеритных формах выступает удлиненная ступень, является менее регулярным. Оно иногда встречается в формах сигматического, в отдельных случаях – и тематического аориста (в некоторых языках аорист трудно отличим от перфекта), ср. лат. *edō – ēdī*, гот. *itan – etun* «есть», гр. $\mu\acute{\alpha}\iota\nu\omicron\mu\alpha$ «буйствую» – аор. $\acute{\epsilon}\mu\eta\nu\acute{\alpha}\mu\eta\nu$ (и $\acute{\epsilon}\mu\acute{\alpha}\nu\eta\nu$), перф. $\mu\acute{\epsilon}\mu\eta\nu\alpha$. Удлиненную ступень гласного в претеритных формах множественного числа обычно содержат германские глагольные корни типа *CeC* либо *CeR*: праес. $*e$: прает. ед. ч. $*o$: прает. мн. ч. $*\bar{e}$: part. $*e$ (*giban – gaf – gebun – gibans*) либо $*eR$: oR : $\bar{e}R$: \bar{R} (гот. *qiman, qam, qemun, qumans* «прийти» из и.-е. $*g^u\acute{e}m-/*g^u\eta-/*g^u\acute{o}m-/*g^u\bar{e}m-$ «прийти»). Во всех перфектных (и причастных) формах гласный удлиняется в тех случаях, когда в основе корня лежит $*o$: \bar{o} (гот. *faran – for – forun, skaban – skof – skobun*). Некоторые авторы с гот. мн. ч. *qemun* сопоставляют др.-инд. *jagāma* (ср. Feist 387), однако такие перфектные формы, как др.-инд. *cakāra, jaghāna, jagāma*, могут быть объяснены и иначе (см. далее 1.4.). Количественное чередование могут иметь также и глаголы в балтийских языках (например, лит. *kėlia – kėlė, lėkia – lėkė, kùria – kùrė*). Кроме того, удлиненная ступень встречается в формах аориста и перфекта других языков (в том числе славянских).

В тех языках, где глагол имеет перфектные формы, чередование гласных еще разнообразнее: в перфекте чаще всего выступает вокализм *o* ряда, например, гр. $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$, аор. $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\iota\nu$, перф. $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$ (из и.-е. $*leik^u-/*lik^u-/*loik^u-$ «оставить, остаться»); гр. $\mu\acute{\alpha}\iota\nu\omicron\mu\alpha$ «буйствую», перф. $\mu\acute{\epsilon}\mu\omicron\nu\alpha$ (: лат. *meminī* «помню», из и.-е. $*men-/*m\eta-/*mon-$ «мыслить, помнить»).

В германских языках может иметь место чередование $*e$: $*o$ между формами презенса и сингулярными формами претерита, ср. гот. *qiman* – прает. ед. ч. *qam*, (однако мн. ч. *qemun* : др.-инд. *jagāma* < и.-е. $*g^u\acute{e}m-/*g^u\eta-/*g^u\acute{o}m-/*g^u\bar{e}m-$ «прийти»). В славянских языках *věde* считается старой перфектной формой (: др. –инд. *veda*, гр. $\omicron\acute{\iota}\delta\alpha$, гот. ед. ч. *wait*, мн. ч. *witun*). В древнепрусском языке

однокоренной глагол *waist* «ведать, знать», *waidimai* «ведаем» развил свою парадигму. Более надежных следов перфекта в балтийских языках не обнаружено.

Чередование в формах презенса. Вокализм корня, а вместе с тем и особенности чередования гласных во многом зависят от структуры настоящего времени, которая в родственных языках бывает разной. Вокализм корня в древних языках зависит от **презентного форманта**: презентным формам с нулевым формантом свойственна полная ступень (ряда *e*), а формам с формантами (*i*, *n*, *sĕ*) – нулевая ступень. Поэтому иногда наличие чередования гласных можно реконструировать этимологически, при сопоставлении презентных форм разных языков, ср.: гот. *qiman*, др.-инд. *gámati*, ав. *ǰamaiti* (**g^uem-* «прийти») и гр. βαίνω, лат. *veniō*, др.-инд. *gácchati*, ав. *ǰasaiti* (**g^uŋ-*). Поэтому в некоторых языках могут появиться формы одного и того же глагола, однако другой морфологической структуры и с другим вокализмом корня, ср. др.-инд. *kṛntáti* и *kártati* «режет, рубит», *káratī* и *kṛnóti* «делает, создает». В восточно-балтийских языках примеров древнего чередования гласных между презентными формами глаголов различной структуры сохранилось мало, ср. лит. *liėka* // *liėkti* : *liñka*. Определенные следы такого чередования можно усмотреть при сопоставлении лит. *sėda*, лтш. *sėdu* и др.-пр. **sinda* (: ст.-сл. *sedŏ*).

1.2. Чередование в формах единственного и множественного числа

Данное чередование может иметь место в атематических формах презенса, реже – в перфекте.

Атематические формы: хет. ед. ч. *ku-en-zi* – мн. ч. *ku-na-an-zi* «бьют», др.-инд. ед. ч. *hánti* – множ. ч. *ghnánti* (и.-е. **g^uhen-/g^uhŋ-* «гнать (*ударяя)»). Такое чередование наблюдается в формах глагола **es-/s-* «быть» славянских и германских языков: ст.-сл. *jesmь, jesi, jestь – sŏtь*, русск. *есмь, еси, есть – суть*; гот. *im, is, ist – sijum, sijub, sind*. Славяне и германцы такое чередование имеют в формах глагола **es-/s-* «быть», например: гот. *im, is, ist – sijum, sijub, sind*. В балтийских языках нулевую ступень могут иметь только причастные формы настоящего времени атематических глаголов, ср. лит. 1-е лицо ед. ч. *esmi, ėsame* – причастие винит. п. *santj*.

Перфектные формы: гр. ед. ч. οἶδα «знаю, ведаю» – мн. ч. ἴδμεν, др.-инд. *cakāra – cakṛmá*. Чередование подобного рода могут иметь формы претерита в германских языках, ср. гот. *bait – bitum* (: *beitan* «кусать»).

Чередование в формах единственного и множественного числа в балтийских языках отсутствует.

1.3. Формы с характерным вокализмом

Нулевую ступень в апофонических корнях с древних пор имели некоторые отглагольные прилагательные и формы причастий с суффиксами *-t-*, *-n-* и др., а также глагольные абстракты – *nomina actionis* с суффиксом *-ti-* (Kuryłowicz 1956, с. 98, 114, 196–197), например.: гр. -φάτος = др.-инд. *hatáh* [(и.-е. **g^uhen-/g^uhŋ-* «гнать (*ударяя)»]; гр. βατός «gangbar», др.-инд. *gatáh* «gegangen», лат. *in-ventus*, гот. *qumans* (и.-е. **g^uem-/g^uŋ-* «прийти»); лат. *relictus*, др.-инд. *riktáh*

«оставленный». Причастные формы сильных глаголов германских языков как раз и имеют нулевую ступень (см. 2.3.). В восточно-балтийских языках нулевую ступень имеют только такие древние отглагольные прилагательные, как лит. *girtas* «пьяный» (: *gérti*) либо причастия от таких глаголов, формы прошедшего времени инфинитива которых содержат нулевую ступень. В современных балтийских языках причастия связаны с инфинитивом: они могут иметь и полную, и даже удлинённую ступень (ср. лит. *gérti, gère* : *gértas, slēpti, slēpē* : *slēptas*).

При формировании глагольной системы важную роль сыграло появление инфинитива. В германских языках, как и во многих других родственных языках, инфинитив содержит презентную основу, однако балты и славяне образовали своеобразные инфинитивы с формантом **ti/*tei* (в др. -прусском языке – еще и *-twei, -tun*). Издавна глагольные абстракты с основой на *ti* в корне имели нулевую ступень, ср. германские существительные с суффиксом *-ti-*: гот. *ga-bairþs*, др.-в.-н. *giburt* (: *bairan*), гот. *ga-qumþs* «réunion», д.-в.-н. *kumft, kunft* (: *qiman*), гот. *ga-munds* «mémoire, память», др.-в.-н. *gimunt* (: *man*) < **mŋ-ti-* (ср. лит. *mintis*, ст.-сл. *pa-meť*). Балтийский и славянский инфинитив чаще всего содержит такой же вокализм корня, как и в претерите (аорист).

Некоторые глаголы в формах презенса имеют вокализм *o* ряда, а не *e* ряда. Весьма часто этимологически можно реконструировать существование очень древнего чередования **e* : **o* (например **mel-/mol-* «молоть», **(s)kel-/kol-* «расщеплять»). Данное чередование в прошлом могло быть более регулярным и связанным с семантикой (*Kaukienė* 1991, с. 138–139).

1.4. Чередование гласных в разных языках

Древнее индоевропейское чередование лучше всего представлено в древнегреческом, особенно в тех глаголах, корни которых содержат двугласные дифтонги, ср. гр. през. *λείπω* / *λιπῶν*, аор. *ἔλιπον*, перф. *έλειπτα; πεύθομαι* / *πυνθάνομαι*, аор. *έπυθόμην*. Однако большое влияние на развитие чередования гласных оказали фонетические, морфонологические и морфологические изменения в разных языках. В частности, решающими во многих языках оказались изменения сонантных *r, l*, например, в греческом они дали *ρα, λα, αρ, αλ*, лат. – *or, ol*, герм. – *ur, ul* и др., поэтому даже классические языки не всегда сохранили древнее апофоническое состояние. К примеру, в древнеиндийском языке из-за слияния чередования **e* : **o* (> *a*), в редупликационном перфекте вместо ожидаемого *o* вокализма обычно выступает долгое *ā*: *kāratī* – *ca-kāra* (mediopass. *ca-kr-é*), *gāmātī* – *ja-gāma* и др. Большую роль сыграла и монофторгизация дифтонгов (**ei* и **oi* > *e, *eu* и **ou* > *o*), без изменений осталась лишь нулевая ступень *i* и *u* (ср. перф. *riréca*, през. *riṇaktī*, аор. *áricat*, парт. перф. пасс. *riktáh* из и.-е. **leik^u-/*loik^u-/*lik^u-* «оставить» > лит. *liēka* : *liko*). В латинском языке из-за акцентуационных изменений в некоторых формах корневой гласный редуцировался (лат. перф. *metinī* «помню» из и.-е. **men-/mon-/mŋ-* > лит. *mēna* : *mìnė*).

Некоторые языки испытывают явное пристрастие к словоизменительному чередованию гласных. В германских языках оно характерно для всех глаголов

сильного типа (*Imbrasienė* 2002). Однако в большинстве языков наблюдается тенденция к обобщению вокализма корня либо к образованию новых типов чередования гласных, поэтому имеет смысл сопоставлять апофонические возможности разных языков или языковых групп и выявлять общности либо различия в ее развитии.

2. Возможности и способы сравнения апофонии в балтийских, славянских и германских языках

Как в балтийских, так и в славянских и германских языках произошли разные фонетические, морфонологические и морфологические изменения, поэтому целесообразно обсудить возможности и способы опознавания апофонии. В данных языках отсутствуют (либо не сохранились) многие типы индоевропейского чередования.

Древних апофонических корней в балтийских и славянских языках сохранилось немного. Некоторые типы ослабли, укрепились новые. Поскольку в этих языках чередование гласных ярче всего проявляется в формах презенса и претерита (или инфинитива), основное внимание уделяется сопоставлению этих форм.

В германских языках апофония представлена более широко, поэтому к сопоставлению привлекаются даже четыре апофонические формы (см. далее 2.3.).

2.1. Восточно-балтийские языки

Здесь апофония прослеживается достаточно отчетливо. Однако на нее некоторое влияние оказали фонетические (либо морфонологические) изменения, особенно в латышском языке (ср. лтш. *en* > *ie*, *an* > *uo*). В обоих восточно-балтийских языках сформировалось чередование нового типа: *ei* / *ie* и *ai* / *uo*.

Словоизменительное чередование в восточно-балтийских языках имеет два типа: а) древнее унаследованное – качественное, когда в презентном корне выступает основная ступень чередования гласных, а в претеритном и инфинитивном – нулевая, например: лит. *likti* – *liēka* – *liko* (Курилович такие глаголы называет «сильными»: «les verbes forts», I класс по Лескину (*Kuryłowicz* 1956, с. 293)); б) количественное чередование, когда краткий гласный выступает в презентном корне, а долгий – в претеритном (и в инфинитиве), например: лит. *gėrti* – *gėria* – *gėrė*; *krėsti* – *krėčia* – *krėtė*.

Кроме глаголов, в которых чередование гласных сохранилось (либо сформировалось заново), весьма часто несохранившееся чередование можно реконструировать этимологически (в дальнейшем – **этимологическое чередование**). Такое возможно в тех случаях, когда из одного апофонического корня сформировались несколько первичных (т. е. непрямых) глаголов разной морфологической структуры, обобщивших тот или иной вокализм корня, ср. лит. *riėsti*, *riėčia*; *rietėti*, *riėta³* / *risti*, *rita*; *ritėti*, *rita* : лтш. *riėst* (*ie*, *iē*), *-šu*, *-tu* «сгибать», *riētēt* (*ie*), *riētu* // *-ēju*, *-ēju* / *rist*, *ristu* «падать, катиться, бежать» (из **reit-* (>*riet-*) / **rit-* (*Kaukienė* 2002, с. 9–10).

В древнепрусском языке мало данных, свидетельствующих о словоизменительном чередовании гласных в глагольном корне. Нередко из-за несовершенства орфографии трудно определить, какой именно звук обозначает та или иная буква: буква *e* может обозначать либо звук *e* – *a*, *e* (**i*), либо *ē*; *i* – *i*, *ī* либо *ē*, *ei* – *ei*, **ī* (**ī*) и т. п. Поэтому для изучения чередования гласных в древнепрусском языке требуется специфическая методика.

2.2. Славянские языки

Ввиду значительных фонетических изменений чередование гласных в славянских языках выявить непросто. Монофтонгизация и другие изменения дифтогов столь сильно изменили облик слов, что чередование гласных, которое просматривается на уровне синхронии, весьма отличается от того, которое реконструируется в диахронии. Для сопоставлений исторического характера наиболее важным является реконструированное диахроническое чередование.

В славянских языках чередование гласных лучше всего сохранил старославянский; в новых языках заметна тенденция к обобщению какого-либо одного вокализма.

Из-за фонетических изменений славянские языки сохранили значительно меньше корневых (бессуффиксальных) глаголов, нежели, к примеру, балтийские языки. Некоторые бывшие корневые глаголы в инфинитиве обобщили гласный **ā* (тематизированные инфинитивы), ср. русск. *sъkq*, *sъkati* «скрутить (о нитках)»: лит. *sūkti* «(с)крутить». Таким образом, в инфинитиве как бы появляется суффикс, однако у него отсутствует словообразовательное значение, и поэтому такие глаголы не считаются производными.

Инфинитивы с основой на *-ti* в системе славянского глагола начали играть очень важную роль, а древний претерит (аорист) постепенно пропадал, поэтому исследователи славянского глагола в апофонических парадигмах наряду с формами презенса почти всегда указывают лишь инфинитив.

В славянских языках, кроме унаследованного качественного чередования, имеется и чередование обратного типа, когда полная ступень выступает в инфинитивных, а не в презентных формах. На это уже обращали внимание исследователи апофонии (*Kuryłowicz* 1956, с. 215 и след.; *Stang* 1966, с. 108–109). Появление нулевой ступени в формах настоящего времени объясняется аористным происхождением: «Verba, deren Wurzel im Ieur. aoristisch war, bilden im Slav. in den meisten kontrollierbaren Fällen *e/o*-Präsentia, prinzipiell mit Schwund- oder Reduktionsstufe der Wurzelsilbe» (*Stang* 1942, с. 33).

2.3. Германские языки

Словоизменительное чередование в этих языках свойственно всем сильным глаголам. Соответственно характеру чередования сильные глаголы распределяются по классам: класс I **ei* : **oi* : **i* (гот. *steigan* – *staig* – *stigum* – *stigans*); класс II **eu* : **ou* : **u* (гот. *-biudan* – *bauf* – *budum* – *budans*); класс III **eR* : **oR* : **R* : **R* (гот. *bindan* – *band* – *bundum* – *bundans*); класс IV **eR* : *oR* : *ēR* : *R* (гот. *qītan*, *qam*, *qetun*, *qumans* «прийти, прибыть»), класс V **e* : **o* : **ē* : **e*

(гот. *itan, et, etun*, –, д.-в.-н. *ezzan, āz, āzzun, gi(g)ezzan*, др.-англ. *etan, æt, æton, eten* «есть»); класс VI **o* : **ō* : **ō̄* : **a* (гот. *faran – for – forun, skaban – skof – skobun*). Ввиду различных изменений (в особенности – фонетических) не все германские языки одинаково хорошо сохранили признаки чередования гласных. Нередко гласный обобщается, и глагол становится слабым.

Обычно реконструируются четыре прагерманские апофонические формы: презенс (инфинитив), претеритные формы единственного и множественного числа и причастие прошедшего времени. Презентная форма обычно содержит вокализм *e* ряда, а причастия – нулевую ступень. В претерите единственного числа выступает *o* ряд, как и в перфекте многих языков, а претеритные формы множественного числа могут иметь как удлинненную, так и нулевую ступень, этим напоминая индоевропейский аорист. Синкретизм индоевропейского перфекта и аориста в парадигме германского претерита отметили и другие исследователи (*Prokoš* 1954, с. 150; *Bammesberger* 1986, с. 46–49) (однако формы с удлиннением гласного он считает «sekundär» (там же, с. 54–56)).

Когда в претеритных формах множественного числа появляется нулевая ступень, апофонически она совпадает с причастиями, ср.: **ei* : **oi* : **i* (гот. *steigan – staig – stigum – stigans*); **eu* : **ou* : **u* (гот. *-biudan – bauþ – budum – budans*); **en* : **on* : **ŋ* (гот. *bindan – band – bundum – bundans*).

Удлинненный гласный в формах множественного числа обычно имеют глаголы типа *CeC*: **e* : **o* : **ē* : **e* (гот. *giban – gaf – gebun – gibans*). Во всех перфектных формах (и в причастиях) гласный удлиняется в тех случаях, когда в основе корня лежит **o* : **ō* (гот. *faran – for – forun, skaban – skof – skobun*).

3. Сопоставление чередования гласных в балтийских, славянских и германских языках. Апофонические типы соответственно группам чередования гласных

Судьба чередования гласных зависит от вокализма и консонантизма (в финалии). Можно выделить следующие основные группы корней: двугласные (*Cei, CeiC, Ceu, CeuC*), дифтонгические (*CeR, CeRC*) и корни, в основе которых лежит гласный (*CeC*). Имеются такие типы корней, где наряду с примерами, содержащими вокализм основного *e* ряда, в чередовании может принять участие и корневой *a* (**o*). Такие случаи рассматриваются вместе с соответствующими двугласными, дифтонгическими либо гласными корневыми группами (*CauC* с *CeuC, CaC* с *CeC* и т. п.). Открытые либо закрытые корни анализируются отдельно. Двугласные и дифтонги открытых корней в балтийских языках могут иметь удлинненную ступень (например *CeR* : *Cē-R*). Апофонические возможности закрытых корней меньше, так как составляющие дифтонгов не могут распределиться по отдельным слогам. В первую очередь анализируются особенности апофонии в балтийских языках, затем в славянских, и далее – в германских. Для того чтобы сходства и различия этих языковых групп проявились бы наиболее четко, по возможности сопоставляются одни и те же примеры⁴. Материал славянских языков чаще всего приводится по этимологическому

словарю русского языка М. Фасмера и этимологическому словарю славянских языков (ЭССЯ), а германских – по этимологическому словарю сильных глаголов Зебольда (Seebold 1970), с учётом дополнений по данным сравнительного словаря германских языков Левицкого (Левицкий 1994). Каждый раздел начинается с обзора глаголов, которые в корне имеют чередование гласных, а далее следуют примеры с обобщенным вокализмом, для которых чередование гласных может быть только реконструировано.

В данной статье анализируется тип **двугласных корней**. Двугласные корни могут быть распределены на группы соответственно типу двугласного (*ei* либо *eu*) и по признаку открытости или закрытости корня (*Cei* и *CeiC*, *Ceu* и *CeuC*).

3.1. Корни, содержащие двугласный *ei

3.1.1. *Cei*

В **балтийских** языках от **качественного чередования** *Cei-* : *Cī-* (*Cij-*) остались лишь следы. Оно сохранилось в лит. *výti, vėja, viju* «вить» или «гнать» (в родственном глаголе лтш. *vīt, viju // vīnu, viju* обобщена нулевая ступень).

Этимологически чередование гласных можно реконструировать в тех случаях, когда корни в одном или в обоих восточно-балтийских языках, раздваиваясь, начинают различаться по диатезе: лит. *liėti, lieja // lėja // liena, liejo // lėjo* «лечь» : *lyti, lyja, lijo* «идти (о дожде)», лтш. *liēt, leju, lēju* : *līt, liju // līstu, liju* (: др.-пр. *islūns* «проливший», *pralieiton, prolieiton, proleiton, praliten, palletan* «пролито, вылито»); лит. *šliėti* (лтш. *sliet*) «прислонять» : *šlyti* «прислоняться». В результате разветвления корня каждый член оппозиции обобщил тот или иной вокализм. Глаголы с основой на *-ja/-na*, обозначающие активное действие, обобщили полную ступень. В латышском языке и некоторых говорах литовского языка для таких глаголов характерно количественное чередование гласных: **lei-/lēi-*, однако в современном литовском литературном языке и в большинстве говоров обобщено **ei > ie*: **lei-ti > *lieti – *leja – *lēja – *lēja → liėti, lieja, liejo*. Инфиксные (либо с основой на *-sta*) мутативы обобщили нулевую ступень. Нет четкого понимания того, как следует интерпретировать вокализм прусских примеров *pralieiton, prolieiton, proleiton* (**ei* или **ē?*), *praliten, palletan, islūns* (**ī* либо **ē?*)⁵.

Иногда может быть представлен только какой-либо **один член** возможной оппозиционной пары – основы на *-ja/-na* либо инфиксные (основы на *-sta*), например: лит. *gliėti, gliėja // glėja // gliėna, gliėjo* «мазать» и лит. *gyti, gyja, gijo* : лтш. *dzīt, dzīstu, dziju* «выздоровливать». Об апофоническом происхождении данных глаголов свидетельствуют их соответствия в славянских и германских языках.

Количественное чередование представлено и в лит. *eiti, eina // eiti, ėjo*, который не имеет структурных соответствий в других балтийских языках: в латышском языке образована супплетивная парадигма: *iēt, iēt, iēmu // eīmu // eju, gāju*; в древнепрусских памятниках письменности зафиксированы лишь формы презенса с двугласным *ei – ēsei* «идешь», *ēit* «идет» (формы императива *ieis* «иди», *ieiti, ieithi* «идите», возможно, содержат нулевую ступень *i* (Mažulis 1988, т.1 с. 246–247), равно как и др. -лит. *enti* «идущего» (<**i-ant-i*).

Примеров **древнего качественного чередования в славянских языках** не обнаружено. Однако существуют глаголы с «обратным» чередованием гласных, когда в инфинитиве выступает полная ступень, а в настоящем времени – нулевая, например: ст.-сл. *liti, lъjo*; лит. *liėti / lýti*, лтш. *liēt / līt*; русск. *вить, вью* : лит. *výti, vėja, vijo* «вить».

Открытый корень в формах настоящего времени могут прикрывать согласные *d, ц, n* (некоторые из них могут считаться формантами). Обычно в таких случаях чередование гласных отсутствует, **обобщается** основная ступень **ei >* сл. *i*: ст.-сл. *iti, idǫ* «идти» (**jǫdǫ*) (Stang 1942, с. 51) : лит. *eīti*, лтш. *iēt*, др.-пр. *ēit* «идти»; ст.-сл. *živǫ, žiti* : лит. *gýti*, лтш. *dzīt* «выздоровливать»; ст.-сл. *po-vi-ŋǫti* «поработить» : лит. *výti, vėja, vijo* «погонять».

В **германских** языках глаголы типа *Cei* отдельного апофонического класса не составляют. Корни чаще всего переоформлены, прикрыты. В конце корня могут появиться согласные разного происхождения.

Согласный может возникнуть фонетически:

Герм. *EJJ-?* (Seebold с. 174-176) : лит. *eīti*, лтш. *iēt*, др.-пр. *ēit*

гот. –, *iddja* (**ije-*), –, – «идти»,

др.-англ. –, *ēode* (**oj-*), –, – «идти».

В конце корня может появиться обобщенный формант *n*. Таким образом возникают сильные глаголы, которые имеют склонность к преобразованию в слабые:

Герм. *(-)KLEN-A* (Seebold с.299) : лит. *gliėti* «замазывать, залеплять»

др.-в.-н. *klenan, klan, –, -klenan* «kleben, schmieren»,

др.-сакс. –, –, –, *biklenan*,

др.-исл. слаб. *klína*.

Герм. *(-)KLEN-A* (Seebold с.263) : лит. *šliėti / šlyti*, лтш. *sliet* «прислоняться(ся)»

др.-в.-н. *(h)linēn* «опираться, прислоняться»,

др.-англ. *hlinian // hleonian* «то же».

В конце корня может присоединиться зубной (формантного происхождения?) расширитель:

Герм. *(-)WEIT-A* (Seebold с. 548) : лит. *výti, vėja, vijo* «гнать, погонять»

др.-в.-н. *-wīzan, -weiz, -wizzun*, – «идти, ехать»,

др.-англ. *-wītan, -wāt, -witon, -witen* «идти»,

др.-сакс. *-wītan, -wēt, -witun*, – «идти».

Из-за разных изменений многие германские глаголы типа *Cei* уподобляются глаголам I-го сильного класса (*CeiC*) либо IV класса (*CeR*).

3.1.2. *CeiC*

В **восточно-балтийских** языках **старое качественное** чередование наблюдается в глаголах лит. *likti, liēka // liēkti // liñka, liko* : лтш. *likt, lieku, liku* «оставить, оставаться»; лит. *(už)miēga // -miēgti // miñga* : *mìgo* «спать, засыпать»,

лит. *snìgti, sniēgti // sniņga // sniēga, snìgo* «падать (о снеге)»: лтш. *snigt, snieg // snìg // snìgst, sniga; šķist, šķietu* «полагать, думать». Чередование гласных может происходить не только в унаследованных (например, *likti*), но и в новых, позднее образованных глаголах.

Отчасти структурно переоформлен некогда инфиксный глагол лит. *mūžti, muža // mēža*, лтш. *mìzt, miēžu* (**minz-/menz-* из и.-е. **meiǵh-/mǵh-* (*Kaukiene* 2002, с. 52, 146–147).

В восточно-балтийских языках можно реконструировать **этимологическое чередование гласных**, когда из одного апофонического корня возникшие два или больше слов обобщают ту или иную ступень чередования. На этимологическое чередование гласных указывают много примеров. Чаще всего это глаголы на *-ia* с одной стороны, и инфиксные либо с основой или *-sta*, – с другой. Они составляют диатезную оппозицию ‘причина – следствие’. В таких случаях каузатив с основой на *-ia* обычно имеет полную ступень чередования гласных *ei* или *ie*, а мутатив инфиксных глаголов (или с основой на *-sta*) – *i* либо *ī*, например: лит. *skiesti, -džia / skisti skiñda / skýsti, -sta, skydo* «разбавлять водой»: лтш. *šķiēst, šķiēžu, -du* «расщепить»/ *šķīst, šķīstu, šķīdu* «расколиться», «разжижаться»; лит. *steĩgti, steĩgia* «торопиться» / *stĩgti, stiñga* «не хватать» / *stýgti, stýgsta* «успокаиваться»: лтш. *stēigt, stēidzu, stēidzu* «торопить(ся)» / *stigt, stiegū, stigu*; лит. *veĩkti* «действовать» / *výkti* «происходить»: лтш. *vēikt / vīkt*; лит. *meĩšti, miēšti* «месить» / *mĩšti* «смешаться, смущаться», лтш. *mist* «смешиваться, мешаться»; лит. *slieĩsti* «скользя опускаться вниз» / лит. *slýsti*, лтш. *slist* и *slīst* «скользить». Кроме того, от одного и того же корня могут образоваться два семантически близких корневых глагола активного действия с основами на *-ia* либо *-a* или дуративы на *-a* с суффиксом *-ē-*, которые обобщили разный вокализм корня, например: лит. *dieĩti, dieĩtia / dýti, dýtia* «бить»; лит. *griēbti / greĩbti / -gribti*: лтш. *greĩbt* «хватать» / *gribēt, gribu* «хотеть», *riēsti, riēčia; rietēti, riēta / rīsti, rīta; ritēti, rīta*: лтш. *riēst (ie, iē), -šu, -tu* «сгибать», *riētēt (ie), riētu // -ēju, -ēju* «падать, катиться, бежать»; лит. *riedēti, riēda / ridēti, rida* «катиться»; лит. *rīsti, rīša* «связывать» / лтш. *rist, -stu* «распарываться»; лит. *skriēsti, skriēčia / skristi, skrita* «катить», *skritēti, skrita* «катиться».

Случается, что сохранился только один из членов какой либо структурной группы с **обобщенным** вокализмом корня (на существовавшее чередование гласных указывают факты славянских и германских языков, см. 3.1.2. ниже): лит. *geĩsti, geĩdžia* «жаждать, желать»: др.-пр. *gēide, giēidi* «ждет», *sengijdi* «дождался»; лит. *piēĩsti, piēĩsia* «рисовать»; *liēžti, liēžia* «лизать»; лит. *žieĩsti, žieĩdžia* «лепить (о горшках)»: лтш. *ziest, ziežu* «мазать».

В **древнепрусском** языке чередование гласных может быть несколько иным: в инфинитиве может выступать основная ступень, а в других формах – нулевая, ср.: *meicte, moicte* «schlafen (спать)» / *ismigē* «уснул», *enmigguns* «крепко уснувший» (см. также об этом в связи с глаголами лит. *likti, snìgti, mĩgti* в *Kaukiene, Pakalniškienė* 2002, 113-131); *perrēist* «связать» / *senrists* «связанный» (: лит. *rīsti, rīša* / лтш. *rist, -stu* «распарываться, рваться»). Поэтому и в инфинитиве глагола *polaiikt* «оставить, оставаться» можно реконструировать **leik-* (нет

необходимости усматривать здесь перфект (*Mažiulis* т. 3, с. 314–315) / *polinka* «оставляет», *polikins* «назначивший» (ср. лит. *liėka* // *liėka*, *liko* : лтш. *lieku*, *liku*).

В славянских языках корни типа *CeiC* представлены по-разному.

Имеются примеры с **качественным** чередованием гласных **ei* / **i* (> сл. *i* / *ь*): ст.-сл. *piřq*, *рьsati*, ч. *psáti*, *píři* (во многих славянских языках обобщается основная ступень, ср. русск. *пишу*, *писать*) : лит. *piėsti*, *piėšia*; ст.-сл. *ziřdq*, *зьdati* : лит. *žiėsti*, *žiėdžia*, лтш. *ziest*, *ziežu*; ст.-сл. *židq*, *жьdati* (в некоторых славянских языках обобщена нулевая ступень, ср. русск. *жду*, *ждать*) : лит. *geįsti*, др.-пр. *gėide*, *giėidi*.

О наличии **обратного** чередования свидетельствует ст.-сл. *цьq*, *čisti* (русск. *чту*, *честь* «читать») : лтш. *řkįst*, *řkįietu* «думать, полагать».

Некоторые глаголы имеют **обобщенный** вокализм *ei* (> сл. *i*) и в старославянском языке, например.: ст.-сл. *liřq*, *lizati*, русск. *лижу*, *лизать* : лит. *liėžti*, *liėžia*; ст.-сл. *po-stignqti*, *po-stiře* : лит. *steįgti* «торопиться» / *stįgti* «успокаиваться» / *stįgti*, *stįgsta*, лтш. *stėigt*, *-dzu*, «торопиться» / *stįgt* «прорастать» / *stįgt* «ввязнуть».

Для сильных глаголов в **германских** языках типа *CeiC* характерна апофония **ei* : **oi* : **i* : **i* (I класс). Таких примеров довольно много.

Герм. *GREIP-A* (Seebold 1970, с. 237) : лит. *griėbti* / *greįbti* / *-gribti*, лтш. *greįbt*, *gribėt*

гот. *greipan*, *graip*, *gripun*, – «хватать, схватить»,

др.-в.-н. *grīfan*, *greif*, *griffun*, *gigriffan* «хватать, трогать».

Герм. *LEIHW-A-* (Seebold 1970, с. 327) : лит. *likti*, *liėka*, *liko*, лтш. *likt*, *lieku*, *liku*, др.-пр. *polāikt*, *polīnka*

гот. *leihvan*, –, –, – «одолжить, одалживаться»,

др.-в.-н. *līhan*, *lēh*, *liwun* // *lihun*, *-liwan* «одолжить»,

др.-англ. *līon* // *ēo*, *lāh* // *ēa*, –, *-ligen* «одалживать»,

др.-исл. слаб. *ljā* «одолжить».

Герм. *MEIG-A-* (Seebold 1970, с. 347) : лит. *mųžti*, *myža* // *mėža*, лтш. *mįzt*, *miežu* «мочиться»

др.-англ. *mīgan*, *māg*, –, – «мочиться»,

др.-исл. *mīga*, *mé* // *meig*, *migo*, *migenn* «то же».

Герм. *-LEIB-A-* (Seebold 1970, с. 326) : lie. *lipa*, *limpa* / *liėpia*, la. *lipt*

др.-в.-н. *-līban*, *-leib*, *-libun*, *-liban* «оста(ва)ться»,

др.-англ. *-lifan*, *-lāf*, *-lifon*, *-lifen* «то же»,

гот. слаб. *af-lifnan* «остаться», *bilaibjan* «оставить», др.-исл. *lifna* парт перф. пасс. *lifnn* «живущий (*оставшийся)».

Герм. *REID-A* (Seebold 1970, с. 367) : лит. *riedėti*, *riėda* / *ridėti*, *rida*

др.-в.-н. *rītan*, *reit*, *ritun*, *iritan* «ехать верхом, ехать, двигаться»,

др.-англ. *rīdan*, *rād*, *ridon*, *riden* «ехать верхом, ехать, качаться»,

др.-исл. *rīða*, *reið*, *riðo*, *riðenn* «поворачиваться (пере)ехать верхом».

- Герм. *SKEIT-A* (Seebold 1970, с. 410) : лит. *skiesti / skìsti*, лтш. *šķiēst / šķìst*
 гот. *skaidan, skaiskaid, skaiskaidun*, – «отделить»,
 др.-в.-н. *skeidan, skiad, skiadun, giskeidan* «разделять(ся)».
- Герм. *SKREIP-A* (Seebold 1970, с. 421) : лит. *skriēsti, skriēčia / skristi, skrita*
 «катить», *skrita, skritēti, skrita*
 др.-в.-н. *skritan*, –, *skritun, giskritan* «лезть скользая, ступать, идти, пройти»,
 др.-англ. *skriðan, skrād, scridon, scriden* «скользить, колыхаться, ступать»,
 др.-исл. *skriða, skreið, skriðo, skriðenn* «лезть скользая, ступать».
- Герм. *SLEID-A-* (Seebold 1970, с. 427) : лит. *slýsti*, лтш. *slīst, slīst / лит. sliēsti*
 др.-англ. *slīðan, slād, sliden, sliden* «(вы)скользнуть, ошибиться, сгинуть»,
 ср.-в.-нем. *sliten*, –, –, – «скользить».
- Герм. *SNEIGW-A-* (Seebold 1970, с. 442) : лит. *snìgti, sniēgti // sniņa // sniēga, snigo*, лтш. *snigt, snieg // snig // snigst, sniga*
 др.-в.-н. *sniwit*, –, –, *versniegun* «падать, идти (о снеге)»,
 др.-исл. –, –, *snivenn* «то же».
- Герм. *STEIG-A-* (Seebold 1970, с. 466) : лит. *steīgti / stīgti / stýgti, -sta*, лтш. *steigt / stigt*
 гот. *steigan, staig, stigun*, – «лезть, подниматься вверх»,
 др.-в.-н. *stīgan, steig, stigun, gistigan* «то же».
- Герм. *WREIP-A- 1 S 567* : лит. *riēsti / rìsti*, лтш. *riest, -šu, -tu / rist, tu*
 др.-в.-н. *-rīdan, -reid, -ridun, -ridan* «плести»,
 др.-англ. *wriðan, wrād, wriðon, wriðen* «плести, опутывать»,
 др.-исл. *riða, reið, riðo, riðenn* «закручивать, обвязывать».
- Герм. *WREIH-A-1,2* (Seebold 1970, с. 565-566) : лит. *rišti*, лтш. *rist, -stu*, др.-пр. *perrēist, senrists*
 др.-в.-н. *-rīhan*, – *-rigun, -rigan* «(на-, по-)крыть сверху»; –, –, –, *gerigan*
 «сплести, скрутить»,
 др.-англ. *wrēon, wwāh // wrēah, wrigon // wrugon, wrigen // wrogen* «покрыть, спрятать, окутывать».
- Имеется несколько примеров с иным, чем свойственно I-му классу, чередованием:
- Герм. *DIG-A* (Seebold 1970, с.151): лит. *diežia / dýžia*
 гот. *digan*, –, –, *digans* «разминать глину, лепить из глины».
- Герм. *WI-G/H-A* (Seebold 1970, с. 544) : лит. *veikti / vỹkti*, лтш. *vèikt / vīkt*
 гот. *weihan, wāh*, –, – «бороться»,
 др.-в.-н. *-wehan*, –, –, *wehan* «то же»,
 др.-англ. *-wegan*, –, –, *wegen*,
 др.-исл. *vega // viga, vá, vōgo, vegenn*.

Слабые глаголы данного типа встречаются редко. Обнаружен один глагол с формантом настоящего времени *sk* и обобщенной нулевой ступенью чередования гласных:

Герм. *MAISK-* (Левуцкий 1994, с. 148) (в Seebold 1970) отсутствует: лит. *meišti, miėšti / mišti*, лтш. *mist* «смешаться»

др.-в.-н. *miscen* «месить», др.-англ. *miscian* «то же».

3.2. Корни с двугласным *ei

На судьбу балтийских и славянских корней, содержащих двугласный *ei*, повлияло то, что *ei* > *iaui*, и вместо бывшего корневого **ei* в балтийских языках может появиться *iaui* либо *ai*, а в славянских *ju* либо *u* – поэтому трудно опознать **e* и *o* ряды. Возможно, некоторые глаголы издавна имели вокализм ряда **o*.

3.2.1. *Ceu*

Открытые корни, содержащие дифтонг *ei*, сравнительно немногочисленны.

В восточно-балтийских языках чередование может быть как словоизменительным, так и этимологическим (в данном случае появляется возможность и для количественного чередования).

Словоизменительное чередование для корней типа *Ceu* нехарактерно. Примером такого чередования в латышском языке может быть *slūt, slav // sluv, sluva* «славить, прославлять»: лит. *šlavėti, šlāva* (обобщенный вокализм).

Этимологическое чередование (*i*)*au* : *u* показывают разветвленные корни (в таких случаях корневой *au* выступает чаще всего после палатального согласного).

Обычно это пары глаголов на *ja-* (*na-*) и инфиксные (соответственно с основой на *sta-*), выражающие оппозицию ‘причина / следствие’. Такие пары могут быть в обоих восточно-балтийских языках либо в одном из них, ср.: лит. *griáuti* «разрушать» / *griúti* «рушиться»: лтш. *graūt (graút) / grūt (grūt)*; лит. *džiáuti* «сушить» / *džiúti* «сохнуть»: лтш. *žāūt / žūt*; лит. *kliáuti* «задевать» / *kliúti*: лтш. *kļāūt* «обнять, прижимать» / *kļūt (ū)* «становиться», «попасть»; лтш. *kraūt (křāūt)* «складывать стопкой» / *krūtiēs* «падать, обрушиваться на...»: лит. *kr(i)áuti* «складывать стопкой»: др.-пр. *krūt* «падать»; лтш. *ļāūt, ļāiju // ļāūnu, ļāvu* «разрешать, позволять» / *nūoļūt* «подкашиваться, опадать (об ушах)»: лит. *liáuti(s)* «прекращаться»: др.-пр. *au-laut* «умереть»; лтш. *gāūt / gūt (gūt)* «получить, приобрести, достигнуть»: лит. *gáuti* «получить» (: др.-пр. **gau-* «получить»); лтш. *maūt* «нырнуть, плавать» / *mūt* «плыть» (: др.-пр. **mū-* «умывать(ся)»).

Каузативный член пары с основой на *-ja* (/ *-na*) обобщает основную ступень чередования гласных (*i*)*au*, а в прошедшем времени гласный обычно удлиняется (количественное чередование) – *(*i*)*āv* (лит. *ov*), например: лит. *džiáuti, džiáuna // džiáuja, džióvė* «повесить сушиться»: лтш. *žāūt, žāiju, žāvu* «то же»; *griáuti, griáuna // griáuja, grióvė* «разрушать»: лтш. *graūt (graút), graiju, grāvu* «то же». На то, что данное удлинение не слишком древнее, указывают случаи,

когда количественное удлинение либо отсутствует, либо присутствует не в обоих языках (или не во всех их говорах), ср.: лит. *āvē* «обувал» : лтш. *āvu* // *avu*; лит. *gāvo* // *gōvē* «получил» : лтш. *gāvu*; лит. *kōvē* // *kāvo* «бил, ковал» : лтш. *kāvu* // *kavu*; лит. *šāvo*, *šāvē* // *šōvē* «стрельнул» : лтш. *sāvu* // *savu*; лтш. *jāvu* // *javu* «замесил тесто (для выпечки хлеба)» : лит. *jóvė* «месил (тесто)».

Инфиксные (либо с основой на *-sta*) глаголы имеют нулевую ступень (**uu** = **ū**): лит. *džiūti*, *džiūva* // *džiūsta* // *džiūna*, *džiūvo* «сохнуть» : лтш. *žūt*, *žūst*, *žuva* «то же»; лит. *griūti*, *griūva* // *griūsta* // *griūna*, *griūvo* «падать» : лтш. *grūt* (*grūt*), *grūstu*, *gruvu* «то же». В говорах латышского языка вместо *uv* может появиться и *uj*: *gūt* (*gūt*), *gūnu* // *gūstu* // *gūju*, *guvu* «получить, приобрести; достигнуть, выиграть», *krūtiēs*, *krujuōs* // *krūjuōs*, *kruvuōs* (*viršū*) «падать, обрушиваться на...».

О наличии этимологического чередования свидетельствуют такие редкие пары, как лит. *srūti*, *srūva* : *srāva*, *sravėti* «обильно течь, струиться» (второй член имеет основу на *-a* и суффикс *-ėti*), ср. еще лтш. *slūt*, *slav* // *sluv*, *sluva* «славить» : лит. *šlavėti* «слыть».

Имеются случаи, когда сформировался только один или другой член возможной диатезной пары – глагол с основой на *-ja* (*-na*) или инфиксный (соответственно с основой на *-sta*). Тогда обобщается вокализм соответствующего типа. Чаще всего в обоих языках наличествует только глагол с корневым (*i*)*au*: лит. *bliāuti* «блевать» (: *su-bliūti* «начать блевать» – дедуративное новообразование) : лтш. *blāūt*; лит. *jāuti* (*jaūti*) : лтш. *jaut* (*āu*) «замесить тесто»; лит. *kāuti* : лтш. *kaūt*; лит. *pjāuti* «резать, (по)ж(ин)ать» : лтш. *plāūt* (: др.-пр. *Gertepeawne* «куриный луг»); лит. *māuti* «надевать сверху» : лтш. *maūt* «то же»; лит. *rāuti* «рвать, вытягивать» : лтш. *raūt* «то же»; лит. *spjāuti* «плевать» : лтш. *splāūt* (*āu*) (*šplāūt*), лит. *šāuti* «стрелять» : лтш. *saūt* (*āu*) «совать». Меньше примеров с корневым *ū*, например: лит. *būti*, *būva* // *būna* (// *esū* // *esmī*, *ēsti* // *yrà*) *būvo* «быть» : лтш. *būt* «быть» (наст. вр. *esmu*) (: др.-пр. *boūt*, *būton* «быть»); лит. *siūti* «шить» : лтш. *šūt*; лит. *žūti* «погибать» : лтш. **zūt* (из *pazūt* «iet bojā»), лтш. *skūt* «обскубать, чистить, брить».

Если наличествует соответствие и в древнепрусском языке, у него может быть и та, и другая ступень чередования гласных, однако огласовка корня, судя по всему, не связана с грамматической семантикой, ср. **laut* «умирать», **gaut* «получить» (*gauins* «получивший», *engaunai* «пусть получает», *pogaūt* «получить») и *krūt* «падать» (: *kruwis* «падение»), **mū-* «умывать(ся)» (восстановлено на основе асс. *au-mū-snan* «мыть»).

В славянских языках примеров древнего чередования гласных немного. Чередование ***ou** : ***u** наличествует у ст.-сл. *zovŕ*, *zъvatī*, русск. *зову*, *звать*.

Вокализм, как правило, обобщенный, но из-за исторического изменения звуков он не на виду, поэтому его приходится реконструировать. Характер вокализма часто зависит от морфологической структуры, которая в разных славянских языках (а иногда – в одном и том же языке) варьируется, но варьирование не связано с грамматической семантикой (*Bertauskaitė, Derukaitė* 2004, с. 65–69).

Многие примеры содержат обобщенный ***ou** (перед гласным *ov*, в одном слоге – *u*); также может наличествовать нулевой формант презенса либо

форманты *n*, *i*, а в основе инфинитива может появиться *-a-* претеритного происхождения: ст.-сл. *kovъ* // *koujъ*, *kovati*, русск. *кую*, *ковать* : лит. *káuti*, лтш. *kaût*; русск. *сую*, *совать* «бросать (копье)» : лит. *šáuti* : лтш. *saût* (*àu*) «стрелять»; ст.-сл. *plovъ*, *pluti*, польск. *plova*, *pluti* «плыть» (однако русск. *плыву*, *плыть*) : лит. *pláuti* «мыть»; ст.-сл. *slovu*, *slouti*, др.-русск. *слову*, *слуту* «называться» (однако русск. *слыву*, *слыть* «становиться известным, слышимым») : лит. *šlavéti* «слыть», лтш. *slūt*, *slav* // *sluv*, *sluva*; русск. *лунуть* «умирать» : лит. *liauti(s)* «прекратить(ся)», лтш. *laut* / *-lūt*, др.-пр. *aulāut* «умереть».

Несколько меньше таких глаголов, которые имеют обобщенный **eu* (перед гласным он преобразуется в *ev*, в одном слоге – *iu*): ст.-сл. *bljuъ*, *blvati*, русск. *блую*, *блевать* (польск. *bluje*, *bluc*, ч. *bliji*, *bliti*) : лит. *bliáuti*, лтш. *bļaût*; ст.-сл. *pljuъ*, *plvati* «плюнуть, плевать», русск. *плюю*, *плевать* (польск. *pluje*, *pluc*, ч. *pliji*, *pliti*) : лит. *spjáuti*, лтш. *spļaût* «то же».

Нулевая ступень **ī* (*иц*) содержится в следующих примерах: ст.-сл. *kryъ*, *kryti* «(по)крыть, прятать» (русск. *крою*, *крыть*) : лит. *kráuti* «складывать», лтш. *kraût* (*křaût*) / *krūtiēs*, др.-пр. *krūt* «падать»; ст.-сл. *myъ*, *myti* (русск. *мою*, *мыть*) : лтш. *maût* «нырнуть, плавать» / *mūt* «плыть» (: др.-пр. **mū-* «мыться»); ст.-сл. *ryъ*, *ryti* «рыть, копать», *rъvъ*, *rъvati* «рвать» : лит. *ráuti* «рвать», лтш. *raût*; сл. *šijъ*, *šiti* «шить» : лит. *siūti*, лтш. *šūt* «то же».

В германских языках группа *Seu* отдельного класса не образовала. Во многих примерах именуются по-разному переоформленные корни. В презентном корне может выступать вокализм *e* либо *o* ряда (**eu* или **ou*), реже – нулевая ступень. Открытый корень может прикрываться каким-либо согласным. Неприкрытые корни встречаются реже. Когда в формах настоящего времени имеется нулевой формант, выступающий в исходе корня в качестве согласного *ц* помогает избежать стыковки двух гласных (лат. *hiatus*), при этом иногда вставляется *i*, появление которого можно объяснить как фонетическими, так и морфологическими причинами.

В открытых корнях корневой **e* встречается редко, чаще выступает вокализм ряда **o*. Глаголы с корневым **e* обычно подвергаются структурной модификации.

Герм. *SPEIWA* [из **spjeц-* > **speic* с переходом перешел в I класс (*CeiC*)] : лит. *spjáuti*, лтш. *spļaût*

гот. *speiwan*, *spaiw*, *spiwun*, – «плевать»,

др.-в.-н. *spīwan*, *spēo*, *spīwun* // *spunn*, *gispīwan* // *gispīran* «то же»,

др.-англ. *spīwan*, *spāw*, *spīwon*, *spīwen* «то же».

Некоторые германские глаголы типа *Seu* являются **слабыми**, обобщившими тот или иной вокализм корня:

Герм. *LĒU-**A- (*Seebold* 1970, с. 335) : лит. *liauti(s)* «перестать, прекратить(ся)», лтш. *laut* «пускать, разрешать», др.-пр. *aulāut*

гот. *lewjan* «предать (*покинуть)», др.-в.-н. *gilāwen*, др.-англ. *lāwan* «предать» (на то, что этот глагол когда-то был сильным, указывает исл. причастие *líenn* «изможденный, изношенный»).

Герм. *SEU/SAU* (*Левуцкий* 1994, с. 179) (в *Seebold* 1970 отсутствует): лит. *siūti*, лтш. *šūt* «то же»

гот. *siujan*, др.-в.-н. *siurwen*, др.-англ. *sīewan* // *sēowan*, др.-исл. *sýja* «шить».

Герм. *REU?* (*Seebold* 1970) (в *Левуцкий* 1994 отсутствует) : лит. *ráuti*, лтш. *raūt* «рвать, выдирать»

др.-исл. слаб. *rýja* «щипать шерсть (овцам)» (относительно родственных связей (см. *Левуцкий* 1994, с. 461) **reuH*).

Когда в корне имеется **вокализм** на *a*, чередование гласных является иным:

Герм. *HAWW-A* (*Seebold* 1970, с. 251) : лит. *káuti*, лтш. *kaūt*

др.-в.-н. *houuan*, *hio*, *hiowun*, *gihouwan* «(с)рубить»,

др.-англ. *hēawan*, *hēow*, *hēowon*, *hēawen* «(пере)рубить».

Герм. *BÖWW-A* (*Seebold* 1970, с. 124) : лит. *būti*, *būva* // *būna*

гот. *bauan* «жить» (атематическая парадигма наст. вр.).

Герм. *FLÖW-A* (*Seebold* 1970, с. 204) : лит. *pláuti* «отмывать»

др.-англ. *flōwan*, *fleōw*, *flēowon*, *flōwen* «течь»,

слаб. др.-в.-н. *flewep* «выстирать, прополоскать», др.-исл. *flóa* «разлиться».

Иногда к корню могут прилепиться зубные согласные формантного происхождения (в таком случае образуются **сильные** глаголы II класса – типа *SeuC*):

Герм. *BREUT-A-* «ломать, убивать» (*Seebold* 1970, с. 141), *BREUP-A-* «распороться, порваться» (*Seebold* 1970, с. 142) : лит. *br(i)áuti(s)*

др.-исл. *brióta*, *braut* // *brøt*, *bruto*, *brotenn* «ломать»,

др.-англ. *brēotan*, *brēat*, –, *broten* «ломать, убивать»,

др.-англ. *brēoðan*, *brēað*, *bruoðon*, *broðen* «распороться, порваться»,

др.-в.-н. *praes. briudid*.

Герм. *HLEUT-A-* (*Seebold* 1970, с. 264) : лит. *kliauti* / *kliūti*, лтш. *kļaut* / *kļūt*

др.-в.-н. *liozan*, –, –, *-lozzan* «освободить»,

др.-исл. *hlióta*, *hlaut*, *hluto*, *hlotenn* // *hlotenn* «достигнуть, получить, достаться»,

др.-англ. *hlēotan*, *hlēat*, *hluton*, *hloten* «(вы-)освободить».

Герм. *HREUD-A (/Ð)* (*Seebold* 1970, с. 275): лит. *kr(i)auti*, «складывать, грузить», лтш. *kraūt* (*kraūt*) / *krūtiēs*, др.-пр. *krūt*,

др.-англ. –, *hrēad*, –, *hroden* «покрывать, наряжать»,

др.-исл. –, –, –, *hroðenn* «покрытый (металлом)».

3.2.2. *SeuC*

Примеры словообразовательной апофонии в **балтийских** языках отсутствуют. **На этимологическое** чередование гласных указывают разветвившиеся корни. Обычно это глаголы с основой на *-ia* – с одной стороны, и инфиксные либо с основой на *-sta* – с другой, составляющие семантическую оппозицию

причина / следствие. В таких случаях каузатив глаголов с основой на *-ia* имеет основную ступень чередования гласных **au** (либо **uo**), а инфиксный мутатив (либо с основой на *-sta*) – **u** или **ū**, например: лит. *baūsti, baūdzia* «наказывать» / *būsti, būnda* «просыпаться» (: лтш. *bust, būdu, budu* «то же»); лит. *jaiūkti, jaiūkia* «смешивать, устраивать беспорядок» : лтш. *jàukt, jàucu* «то же» / лит. *jūkti, juūka* «смешаться» / лтш. *jukt, jūku, juku* «то же»; лит. *(s)maukti* «стягивать»: лтш. *(š)màukt -cu* «обманывать, удирать» / лит. *(s)mūkti* «стягиваться (удирать)» : лтш. *smukt (smukt, šmukt), smūku, smuku* «стягиваться», «удирать», «взнуть»; лит. *laužti, laužia* «ломать» : лтш. *laūzt, laūžu* / лит. *lūžti, lūžta* «сломаться» : лтш. *lūzt, lūztu* «то же»; лит. *plàusti, plàudžia* «полоскать» : лтш. *plaūst, plaūžu* «(за)лить, (за)топить» / лит. *plūsti, plūsta* «подниматься потоком (о воде)» : лтш. *plūst, plūstu, plūdu* «разлиться»; лит. *praūsti, praūsia* «мыть, умывать» (лтш. *praūstiēs* «увеличиваться, крепнуть») / *prūsti, prūsta* «делаться более светлым (образованным)»; лит. *siaūsti* «бушевать» (лтш. *šàust* «стегать») / *siūsti* «беситься».

Иногда от того же корня могут быть образованы и другие глаголы разной структуры, которые обобщили вокализм определенного типа: глаголы активного действия с близкими значениями с основой на *-ia* (основная их ступень – **au** либо **uo**) или на *-a* (нулевая ступень **u** либо **ū**): лит. *braūkti, braūkia* «проводить (рукой)» : лтш. *bràukt, bràucu* «ехать» / лит. *brūkti, brūka* «запихивать, засовывать (насилно)» и *brūkti, bruūka* «линять» : лтш. *brukt, brūku (brukstu)* «распороться, опадать»; лит. *kriaūšti, kriaūšia* «тыкать» / *kr(i)ūšti, kr(i)ūša* «пихать, раздавливать» и *kr(i)uūšti, kr(i)uūša* «стареть, дряхлеть» / *kr(i)ūšti, kr(i)ūšta* «то же»; лит. *laūpti, laūpia* «сдирать» : лтш. *làupt, làupju* «драть» / лит. *lūpti, lūpa* «то же»: лтш. *lupt, lupu // lupju* «сдирать» и *lupt (lūpt), lūpu // lupstu // lūpstu, lupu* «отслаиваться, обвисать»; лит. *plúokti, plúokia* «тяжело идти» / *plūkti, plūka* «трепать (лен), бить, мостить», «тяжело идти»; *plūkti, pluūka* «линять» / *plūkti, plūkia* «утапывать, уплотнять» : лтш. *plūkt, plūcu* «рвать, об-/с-рывать (о растениях)» (относительно связи данных глаголов см. *Kaukienė* 2002, с. 37); может быть, их можно увязывать и с лит. *plaūkti, plaūkia* «плыть» / *(su)plūkti, -plūka* «вспотеть от физических усилий»; лит. *raūpti, raūpia / ruōpti, ruōpia* «копать, выдалбливать» / *rūpti, rūpa* «выдалбливать, строгать» и *rūpti, rūpa* (относительно этих глаголов см. там же); лит. *sūkti, sūka* «крутить, вертеть» / *suōkti, súōkia* «опрокидывать» и *saūkti, saūkia* «петь протяжно, стонать» : лтш. *sukt, sūku, suku* «крутить, вертеть, сверлить; исчезнуть, вывалиться» (*Kaukienė* 2002, с. 34).

Иногда может сформироваться только один член возможной пары, **обобщивший** тот или другой вокализм, например: лит. *šaiūkti* «кричать»: лтш. *sàukt* «звать»; лит. *draūsti, draūdzia* «запрещать», лтш. диал. *draust*, др.-пр. *draudieiti* «запрещайте».

От апофонических корней могут происходить и дуративы с основой на *-a* и суффиксом *-ē-* (на апофоническое происхождение указывают соответствующие глаголы в славянских и германских языках, см. ниже), ср. лит. *skubėti, skūba, skūbti, skūmba* «торопиться, спешить» : лтш. **skubt* «спешить» (*sa-, paskubt* «успеть», *nūoskubis*).

В славянских языках корневых глаголов с *eu : *ou : *u представлено мало, примеров же со **словоизменительным чередованием гласных** обнаружить не удалось.

Этимологическое чередование можно усмотреть в тех случаях, когда сопоставляются глаголы разной структуры, но образованные от одного и того же корня, ср. *eu : *u – ст.-сл. *bljudŏ, bljusti* «обращать внимание, блюсти», русск. *блюду, блюсти* / ст.-сл. *vъz-bъnŏti* «пробудиться»: лит. *baũsti* «наказывать» / *bũsti* «пробуждаться», лтш. *baust / bust* «то же».

Обычно **обобщается** тот или иной вокализм.

Основную ступень *ou (> u) содержат глаголы русск. диал. *скубу, скубсть* др.-ч. *skubi, skũsti* : лит. *skubėti, skũba, (su)skũbti, -skũmba*.

Нулевую ступень *u (> ъ) обобщили, например, ст.-сл. *съко, съкати* «(с)крутить (нити)», лит. *sũkti, sũka / suũkti, sũkia* и *saũkti, saũkia*, лтш. *sukt, sũku, suku*.

Нулевая удлинненная ступень (*ũ > y) есть в др. -русск. *прыснути* «брызгаться» : лит. *praũsti / prũsti*, лтш. *praũstiės*; ст.-сл. *уучѣ, уучнѣ* «учиться»: лит. *jaũkti / jũkti*, лтш. *jũkt / jukt* (: др.-пр. производное *iaukint* «приучать»).

Примеры из **германских** языков достаточно однотипные, содержащие чередование *eu : *ou : *u : *u (II класс). Это сильные глаголы с нулевым формантом настоящего времени.

Герм. *BEUD-A* (Seebold 1970, с. 108): лит. *baũdžia : buũda*

гот. *-biudan, -bauþ, -budum, -budans* «приказ(ыв)ать»,

др.-в.-н. *biotan, bōt, butun, gibotan* «предлагать, всучивать, подавать»,

др.-исл. *bióða, bauð, buðo, bodenn* «предлагать, предоставить, пригласить».

Герм. *FLEUT-A* (Seebold 1970, с. 202): лит. *pláusti / plũsti*, лтш. *plaũst / plũst*

др.-в.-н. *fliozan, flōz, fluzzun, giflozzan* «течь, струиться»,

др.-англ. *flēotan, flēat, -, floten* «плыть, дрейфовать»,

др.-исл. *flióta, flaut, fluto, flotenn* «плыть, потоком струиться».

Герм. *FLEUG-A* (Seebold 1970, с. 201): лит. *plaiũkti / plũkti*

др.-в.-н. *fliogan, floug, flugun, giflogan* «лететь»

др.-англ. *flēogan, flēag, flugon, flogen* «то же»

слаб. ср.-нижн.-н. *vlegen* «то же».

Герм. *FREUS-A* (Seebold 1970, с. 210): лит. *praũsti / prũsti*, лтш. *praũstiės*

др.-в.-н. *friosan, frōs, -, froran* «мерзнуть»,

др.-англ. *frēosan, frēas, fruron, froren* «то же»,

слаб. голл. *vriesen* «то же».

Герм. *HREUS-A 2* (Seebold 1970, с. 276): лит. *kriaũšti / kriũšti, kr(i)ũša* «пихать, мять» и *kr(i)ũšti, kr(i)ũša // kr(i)ũšta* «стареть, дряхлеть»

др.-англ. *hrēosan, hrēas, hruron, hroren* «падать, погружаться».

- Герм. (-)LEUK-A- (Seebold 1970, с. 337): лит. *láužti / lúžti*, лтш. *laužt / lūzt*
 др.-в.-н. *-liohan*, –, –, *-lohhan* «рвать, царапать»,
 др.-англ. *lūcan*, –, –, *locen* «полоть».
- Герм. REUF-A (Seebold 1970, с. 378): лит. *raiūpti / rūpti, ruĩpa / rūpti, rūpa / ruĩpti*
 др.-исл. *riúfa // rýfa // riófa, rauf, rufo, rofenn // rufenn* «рвать, ломать, разрушать»,
 др.-англ. –, –, –, *rofen* «разбитый».
- Герм. SEUP-A S 400 : лит. *siaūsti / siūsti*, лтш. *šāust* «стегать»
 др.-в.-н. *siodan, sōd*, –, *gisotan* «варить»,
 др.-англ. *sēoðan, sēað, sudon, soden* «то же»,
 др.-исл. *sióða, sauð, suðo, soðenn* «то же».
- Герм. SMEUG-A- (Seebold 1970, с. 439): лит. *(s)maũkti / (s)mũkti*, лтш. *(š) māukt / (s)mukt*
 др.-англ. *smogan, smēah, saugon, smogen* «ползти, прижиматься»,
 др.-исл. *smiúga, smó // smaug, smugo, smogenn* «ввалиться, влезть, одеться»,
 ср.-в.-нем. *smiugen*, –, –, – «прижимать».
- Герм. SKEUB-A- (Seebold 1970, с. 416): лит. *skubėti, skùba*
 гот. *skiuban, skauf*, –, – «отталкивать»,
 др.-в.-н. *skioban, skaub*, –, *giskoban* «толкать, гнать»,
 др.-англ. *scūfan // scēofan, scēaf, scufon, scofen* «(от-, с-) толкнуть».

Выводы

Проведенный анализ двугласных корней показал, что в балтийских, славянских и германских языках имеется довольно много общих лексем, для которых можно констатировать или реконструировать корневое чередование гласных. Больше насчитывается таких примеров, корень которых заканчивается на согласный звук (*CeiC*, *CeuC*). Открытые корни (*Cei*, *Ceu*) встречаются реже.

Характер чередования гласных может весьма значительно различаться в отдельных языковых группах (а нередко – и в отдельных языках).

В **восточно-балтийских** языках примеров с качественным чередованием гласных немного (особенно – в открытых корнях); для них весьма характерно этимологическое чередование, когда на основе одного и того же корня формируется две или больше лексем с обобщенным вокализмом одного типа. Структура таких лексем достаточно регулярная и находится в тесной связи с абстрактным значением. Когда возникает оппозиция каузатива / результата, каузативный член открытых корней имеет (либо может иметь) количественное чередование гласных. Чередование гласных в **древнепрусском** языке во многом отличается от восточнобалтийской системы и требует специального исследования.

В славянских языках примеров чередования гласных меньше, чем в балтийских и германских. Отличительной чертой славянской апофонии является то, что наряду с древним чередованием имеются примеры с обратным чередованием, когда формы инфинитива содержат основную ступень, а презентные – нулевую. В славянских языках из одного корня тоже могут развиваться несколько лексем разной структуры, но связь между ними не является регулярной ни структурно, ни семантически.

В германских языках чередование гласных встречается часто и достаточно регулярно, особенно – в закрытых корнях. Открытые корни (в первую очередь – типа *Sei*) обычно переоформляются по-разному и таким образом, чтобы в конце корня появился какой-либо согласный или чтобы избежать стыка двух гласных.

Можно предположить, что когда-то словоизменительное чередование гласных в исследуемой группе языков было распространено значительно шире, чем в других родственных и.-е. языковых группах. И хотя развитие апофонии и ее судьба в балтийских, славянских и германских языках сложилась по-разному, можно отметить и некоторые общие черты. Например, в корнях открытого типа наряду с корневым *eu* можно реконструировать и *au* (**ou*); данное звуко-сочетание может содержаться в одних и тех же корнях, но в разных языках, например, балто-славяно-германский **kou-* «ковать, рубить, бить (молотком)», **plou-* «литься сильным потоком, изливаться, полоскаться» и др. Такого рода вокализм корня может отражать древнее, связанное с семантикой, чередование гласных **e* : **o*, и корневой **o* в таких случаях обычно является выразителем интенсивного значения (подробнее об этом см.: *Kaukienė* 1991, с. 135–139).

Примечания

- ¹ Термин качественное чередование гласных в данном случае употребляется только условно, ради удобства. Чередование полной и нулевой ступени можно было бы считать количественным, однако в исследуемых языках чередование просходит не между гласными того же оттенка, но разной долготы, а между разными гласными.
- ² С пометой «лтш.» в статье приводятся как формы литературного латышского языка, так и формы диалектного языка и языка фольклора.
- ³ Восточнобалтийские глаголы с основой на *a* и суффиксом **-ē-* являются непроизводными (*Jakulis* 2002, с. 25–43).
- ⁴ Значения балтийских примеров указываются только в соответствующем разделе о формах балтийских языков. В последующих разделах об апофонии в славянских и германских языках значения балтийских примеров приводятся только в отдельных случаях при необходимости.
- ⁵ Нет необходимости др.-пр. *islūns* выводить из **izlēvuns* и предполагать инфин. **leitvei*, претер. **lēj-* (*Mažiulis* т. 2, с. 43). Вряд ли в древнепрусском языке корень распался на два слова (*Mažiulis* т. 3, с. 341–343), так как все имеющиеся примеры обозначают активное действие «(про-)лить».

ЛИТЕРАТУРА

- Левицкий В. В. *Сравнительно-этимологический словарь германских языков*. Черновцы, 1994.
- Прокош, Э. *Сравнительная грамматика германских языков*. Москва, 1954.
- Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х тт. Москва, 1964–1973 (2-е изд., 1986–1987).
- Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1. Москва, 1974.
- Bammesberger, A. *Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik der germanischen Sprachen*. Bd. 1. Heidelberg, 1986.
- Bertauskaitė, J., Derukaitė, J. Baltų kalbų *rau- «rauti» tipo veiksmažodžių atitikmenys slavų ir lotynų kalbose. Grām.: *Vārds un tā petīšanas aspekti* (Rakstu krājums, 8). Liepāja, 2004, 58.–79. lpp.
- Feist, S. *Vergleichendes Wörterbuch der gottischen Sprache*. 3 Aufl. Leiden, 1939.
- Imbrasienė, A. Balsių kaita iš CeR tipo šaknų kilusių germanų ir baltų pirminių veiksmažodžių formose. В кн.: *Veiksmažodžio raidos klausimai* (2). Tiltai, priedas Nr 9. Klaipėda 2002, c. 23–43.
- Jakulis, E. Seniausiai lietuvių kalbos tekėti, teka tipo veiksmažodžiai. В кн.: *Veiksmažodžio raidos klausimai* (2). Nr 9. Tiltai, priedas Klaipėda 2002, c. 45–70.
- Kaukienė, A. *Lietuvių kalbos veiksmažodžio istorija, I*. Klaipėda, 1991.
- Kaukienė, A. *Lietuvių kalbos veiksmažodžio istorija, II*. Klaipėda, 2002.
- Kaukienė A., Pakalniškienė D. Veiksmažodžių likti, snigti, migti struktūra ir kilmė. Grām.: *Vārds un tā petīšanas aspekti*. Rakstu krājums, 6. Liepāja, 2002, 113.–131. lpp.
- Kuryłowicz, J. *L'apophonie en indo-européen*. Wrocław. Zakład imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 1956.
- Mažiulis, V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. В 4-х тт. Vilnius, 1988–1997.
- Seebold, E. *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*. The Hague-Paris, 1970.
- Stang, Chr. *Das slavische und baltische Verbum*. Oslo, 1942.
- Stang, Chr. *S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966.

Сокращения

- ав. – авестийский
- герм. – германский
- голл. – голландский
- гот. – готский
- гр. – греческий
- др.-англ. – древнеанглийский
- др.-в.-н. – древневерхненемецкий
- др.-инд. – древнеиндийский
- др.-исл. – древнеисландский
- др.-пр. – древнепрусский
- др.-русск. – древнерусский
- др.-сакс. – древнесаксонский
- др.-ч. – древнечешский

- и.-е. – индоевропейский
- лат. – латинский
- лит. – литовский
- лтш. – латышский
- польск. – польский
- русск. – русский
- ср.-в.-н. – средневерхненемецкий
- ср.-нижн.-н. – средненижненемецкий
- (ст.-)сл. – (старо)славянский
- хет. – хетский
- ч. – чешский

Kopsavilkums

Raksts ir veltīts patskaņu mijas analīzei indoeiropiešu darbības vārda formu sistēmā. Vēl šodien ir jūtams to pētījumu trūkums, kuros secinājumi par apofonijas (patskaņu mijas) attīstību verbu formās balstītos uz to apofoniju konsekventu un sistemātisku salīdzinošu analīzi, kas vērojama indoeiropiešu valodu dažu grupu verbu formās. Raksta pirmajā daļā ir iztirzāta indoeiropiešu verbālās apofonijas kopīgās īpatnības, līdz ar to atklājas patskaņu mijas visarhaiskākie tipi. Pēc tam rakstā analizēti procesi, kas ir ietekmējuši apofonijas attīstību baltu, slāvu un ģermāņu valodās. Tas ļauj salīdzināt lielā mērā atšķirīgās verbu sistēmas. Tālāk seko patskaņu mijas konkrētā analīze minētajās valodās. Apofonijas tipi tiek aplūkoti saistībā ar saknes struktūru.

Atslēgvārdi: *indoeiropiešu valoda, patskaņu mija (apofonija), verbs, baltu valodas, slāvu valodas, ģermāņu valodas, etimoloģija.*

Zusammenfassung

Die Forschung des Vokalismus und Ablauts im Verbsystem ist sehr wichtig, weil der Ablaut eine entscheidende Rolle in der Entwicklung der Verbformen spielt. Dieser Artikel behandelt den Ablaut in den Grundformen des Verbs. Die Möglichkeit, den Ablaut in den Grundformen des Verbs zu haben, wird in vielen indogermanischen Sprachen rekonstruiert und gilt als indogermanisch. Es werden die allgemeinen Merkmale des indogermanischen Ablauts und sein Bezug auf die betreffenden Verbformen dargelegt, werden der Ablaut und Vokalismus in den Grundformen des Verbs charakterisiert und die allgemeinen ältesten Ablautarten, die in mehreren indogermanischen Sprachen zu finden sind, hervor gestellt. Dann werden die Entwicklungsgänge dargelegt, die den Ablaut in den baltischen, slawischen und germanischen Sprachen beeinflusst haben. Das ist nötig, um die scheinbar unterschiedlichen Verbsysteme dieser Sprachgruppen zu vergleichen. Nachher folgt die konkrete Ablautanalyse und der Vokalismusvergleich. Die Beispiele werden nach ihrer Wurzelstruktur gruppiert und untersucht. Dieser Artikel behandelt die Wurzeln mit den Diphthongen [Ceī(C), Ceu(C)]. Die Untersuchung der Wurzeln mit der anderen Struktur steht noch bevor.

Die Analyse zeigt, dass es in den baltischen, slawischen und germanischen Sprachen ziemlich viel gemeinsame Lexeme gibt, in deren Beugungsformen der Ablaut zu finden oder zu rekonstruieren ist. Die Mehrheit bilden die Beispiele, die im Wurzelauslaut einen Konsonanten haben (CeīC, CeuC). Die offenen Wurzeln (Ceī, Ceu) kommen seltener vor.

Der Ablaut hat in den untersuchten Sprachgruppen (oder auch in den einzelnen Sprachen) meistens unterschiedliche Merkmale.

In den **ostbaltischen Sprachen** kann man relativ wenig Beispiele des qualitativen Ablauts (besonders in den offenen Wurzeln) finden. Ein charakteristisches Merkmal dieser Sprachgruppe ist der s.g. etymologische Ablaut, wenn aus einer Wurzel zwei oder mehrere Lexeme entstehen, die dann in allen ihren Formen den verallgemeinerten Vokalismus haben und eine ziemlich reguläre Struktur, wie auch davon abhängige abstrakte Bedeutung. Es entsteht die Opposition *causativa / resultativa*. In den offenen Wurzeln kann das kausative Glied den quantitativen Ablaut haben. Der Ablaut im Westbaltischen unterscheidet sich von dem des Ostbaltischen und bedarf einer speziellen Analyse.

In den **slawischen Sprachen** gibt es noch weniger Beispiele mit dem Ablaut als in den baltischen oder germanischen Sprachen. Der Ablaut hat andere Merkmale: neben der Verben mit dem alten Ablaut gibt es Beispiele, die den umgekehrten Ablaut haben, wenn der Infinitiv die Grundstufe, und der Präsens die Schwundstufe hat. In den slawischen Sprachen können aus einer Wurzel auch einige Lexeme entstehen, die miteinander in keinem regulären Zusammenhang weder strukturell noch semantisch stehen.

In den **germanischen Sprachen** ist der Ablaut sehr entfaltet und regelhaft, besonders in den geschlossenen Wurzeln. Die offenen Wurzeln (vor allem *Cei*) werden gewöhnlich verschieden neugeformt, so dass in den Wurzelauslaut ein Konsonant kommt und der Zusammenstoß von zwei Vokalen vermieden wird.

Man kann vermuten, dass alle untersuchten Sprachen seinerzeit einen viel mehr entfalteten Ablaut in den Beugungsformen hatten. Obwohl die Entwicklungsgänge des Ablauts in diesen Sprachen relativ unterschiedlich sind, gibt es auch einige Ähnlichkeiten. Neben dem Wurzel-diphthong *eu* in den offenen Wurzeln kann man auch den Diphthong *au* (**ou*) rekonstruieren, den dieselben Wurzeln in verschiedenen Sprachen, z.B.: balt.-sl.-germ. **kou-* «schlagen, hauen», **plou-* «fließen, spülen» u.a haben. Ein solcher Wurzelvokalismus kann den alten Ablaut **e*: **o* zeugen, der semantisch bedingt ist: das **o* in der Wurzel ist mit der verstärkenden Bedeutung verbunden.

Die Schlussfolgerungen dieser Arbeit können nach der Analyse der anderen Wurzeln mit der anderen Struktur ergänzt und erweitert werden.

Schlüsselwörter: indoeuropäische Sprache, Apophonie, Verb, baltische Sprachen, slawische Sprachen, germanische Sprachen, Etymologie.

III. Лингвистический анализ текста

Teksta lingvistiskā analīze

**Критическая проза русского зарубежья
в лингвистическом аспекте
(по материалам берлинской газеты «Руль»
начала 20-х годов XX столетия)**

**Krievu emigrācijas kritiskā proza
lingvistiskā aspektā (20. gs. divdesmito gadu
sākuma Berlīnes avīzes «Ruļ» materiāli)**

**Kritische Prosa der russischen Emigration
unter linguistischem Aspekt
(Die Berliner Zeitung «Ruļj» in den
zwanziger Jahren des 20. Jahrhunderts)**

Ирина Реброва (Санкт-Петербург – Зальцбург)

Fachbereich Slawistik der Universität Salzburg,
Erzabt-Klotz-Str. 1 – Unipark Nonntal – 3. Stock, Salzburg 5020
irina.rebrova@sbg.ac.at

В статье идёт речь о критической прозе русской эмиграции, анализируются рецензии и критические статьи разных авторов эмигрантской газеты «Руль». В результате анализа называются основные характеристики «критической прозы»: особое использование языковых средств в континууме единого текста, пророческая тематика, ритмическая организация, образность, повышенная диалогичность, амбивалентность, эмоциональность и др.

Ключевые слова: русский Берлин, критическая проза, единый текст, имя собственное, цветообозначения.

Берлинская эмигрантская газета «Руль» (16.11.1920–14.10.1931), выходящая под редакцией И. В. Гессена, В. Д. Набокова (до марта 1922 года) и А. И. Каминки, была важным знаком «русского Берлина», уникального культурно-исторического феномена, который на протяжении многих лет продолжает оставаться объектом научных исследований (*Williams* 1972; *Schlögel* 1995; *Флейшман* 1983; *Сорокина* 1996, 1999, 2010а,б; *ЛЭРЗ* т. II, с. 22–32 и мн. др.). Проанализированные материалы «Руля» (101 рецензия и 267 критических статей) свидетельствуют о важной роли этого периодического издания в литературной жизни эмиграции первой волны и подтверждают наибольшую интенсивность контактов русской интеллигенции по обе стороны

границы с 1920 по 1924 г., в период расцвета «русского Берлина». Ср.: иная точка зрения в (Флейшман 1983, Раев 1994, Kasack 1992).

Цель настоящей статьи – рассмотреть с позиций лингвистики текста критическую прозу русского зарубежья, опубликованную в эмигрантской газете «Руль» с 1920 по 1924 г., и выявить её основные черты. В данной публикации используется термин *критическая проза* по аналогии с терминами *автобиографическая проза*, *мемуарная проза*, *дневниковая проза*.

Рецензии и обзоры, критические статьи и юбилейные посвящения русским писателям-классикам, а также публикации в газете святочных, новогодних, пасхальных рассказов соответствовали ожиданиям и авторов, и читателей, сохранивших в своём сознании «память жанра» (М. М. Бахтин). (О жанровом своеобразии литературной критики эмиграции и «русского Берлина» см. соответственно Грановская 1995 и Сорокина 2010 б).

В «Руле» регулярно появлялись «Литературные заметки», представлявшие собой критический обзор как современной, так и классической литературы и имевшие сходство с рубрикой «Литературные наброски», которую с 1911 по 1918 год регулярно вёл Ю. И. Айхенвальд в российской газете «Речь», издававшейся теми же редакторами, что и «Руль» (Hatlie 1995). Несмотря на то, что «Литературные заметки» в эмигрантском издании выходили под псевдонимом *Б. Каменецкий*, читатели легко узнавали по манере письма имя их создателя: Ю.И. Айхенвальда, автора знаменитых «Силуэтов русских писателей, яркого представителя импрессионистского направления в русской критике и активного участника не только литературной, но и философской жизни дореволюционной России. см.: Rejblat 1995, Мурзина 1995, Морыганов 1999, Сорокина 1999, Алексеев 2000.

Взаимосвязь литературы, литературной критики и философии обнаруживается в критических статьях и других авторов: Д. С. Мережковского, П. Струве, П. Новгородцева, И. Гессена и др. – и свидетельствует о продолжении в эмиграции дореволюционной традиции, для которой была характерна зависимость критики, как от литературных, так и философских направлений (Депретто 1995, Бродский 1997, Грановская 1995, 2005). Следовательно, авторы, публиковавшиеся в газете «Руль», продолжали вести диалог с читателем, опираясь на «полёты духа», и при анализе конкретного произведения свободно перемещались из литературной в философскую плоскость. Ср. ситуацию в послереволюционной метрополии, которую Ю. И. Айхенвальд охарактеризовал так (здесь и далее цитаты из газеты «Руль» даются по новой орфографии; по возможности сохраняется пунктуация автора; в скобках на первом месте указывается номер газеты, затем страница): <...> *В России воздвигнуто гонение на философию. Она и в самом деле не нужна там, где всё принижено к земле и к низменности, где осмеяны и запрещены все полёты духа* (№ 950, с. 2; № 974, с. 9). Поиски смысла человеческого существования в эмигрантском издании становились своеобразной оппозицией советской России.

Таким образом, континуум текстов литературно-критического отдела газеты в соответствии с дореволюционной традицией обнаруживает свой

«междисциплинарный» характер, что, в свою очередь, не противоречит самой природе критики, которая *«находится в центре вихря всякого интеллектуального действия»* (Frye Northrop 1973, с. 19, цит. по: Михайлов 2006, с. 21).

Для раскрытия содержания критических статей важна их общая тематика. Понятие *тема* в последние годы завоевывает всё более прочные позиции в лингвистике текста и дискурса (Матвеева 2003, Макаров 2003), и это связано с пропозициональным содержанием текста. В континууме критической прозы «Руля» («общее») можно выделить, используя метод «филологического круга», – повторяющуюся тематическую доминанту **пророк** («частное»), которая встречается у разных авторов и на языковом уровне эксплицирована лексико-семантическими дериватами с корнем *-пророк-*: *пророк, пророчество, пророческий, пророчественный, пророчествующий, пророчествовать, пророчески*. Ср.: *великие пророки*, [здесь и далее подчёркнуто нами – И. Р.]; *Не является ли Достоевский пророком* (№ 300, с. 5); *светом сбывшегося пророчества зажигаются его /Пушкина/ слова* (№ 1067, с. 4); */Блок/ сравняется <...> с Достоевским в духовном, пророческом видении* (№ 261, с. 2); *имеющая пророчественный смысл* (№ 120, с. 4); *пророчествующий нашу беду* (№ 803, с. 7), *грозно пророчествует* (№ 464, с. 9); *так пророчески ясно творцу «Бесов»* (№ 652, с. 3).

Раскрытию пророческой темы способствуют также синонимы лексем *пророк* и *пророчество*: *вещун, провидец, сновидец, vates; прозрение, предчувствие, «Предсказание»* (название стихотворения), а также глагола *пророчествовать*. Синонимы последнего можно подразделить на следующие группы: а/ глаголы, называющие речевые акты: *пророчествовать, предсказать, предречь, прорицать, предугадать, угадать ‘предсказать’*; б/ глаголы «умственного видения»: *знать, предугадать, предвосхитить /своей фантазией/*; в/ глаголы особого восприятия органами чувств /зрением/ и особой интуиции: *предусмотреть, предвидеть, провидеть, предчувствовать*. Употребление данных глагольных лексем в позиции предиката соотносится с конкретными именами собственными.

Известно, что *«при переходе к тексту, в котором живут те или иные имена, открываются новые возможности для лингвиста»* (Николаева 2007, с. 7). В критической прозе, как показывают приведённые выше примеры, а также другие материалы «Руля» (№ 34, 109, 120, 142, 195, 300, 302, 334, 464, 530, 590, 670, 728, 815, 900, 974, 1010, 1067, 1217) наиболее активно «живут» и наполняются пророческим содержанием имена: *Пушкин, Достоевский, Блок*. Имя Александр Блок (см. № 50, 231, 261, 273, 275, 378, 408, 543, 578, 602, 619, 706) благодаря «*семантической ауре*» (Т. М. Николаева) приобретает для критиков «Руля» дополнительные коннотации: *‘поэт-современник’, ‘близкий по взглядам, убеждениям’*. Ср, напр, позицию Сергея Яблоновского: *Был ли он огромен? Трудно это сказать сейчас Блок был слишком с в о й, чтобы быть всеобщим* (№ 231, с. 2) [см. ниже].

Таким образом, *пророческая тематика*, рассматриваемая в лингвистическом аспекте и являющаяся важной чертой критической прозы «Руля», – это не только предмет сообщения, но и прежде всего, денотативное содержание текста/-ов, соотносимое с некоторой ситуацией действительности, его диктум.

Тематика рассмотренных материалов также позволяет включить их в широкий историко-культурный контекст: от стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» и философских, критических статей начала XX века до текстов различных жанров, созданных и опубликованных в эмиграции (Реброва 2000, 2003). См., например, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Предсказание» (1830), которое Ю. Айхенвальд рассматривает в своих «Литературных заметках» как пророческое, соотносимое с ситуацией в России: *Настанет год, России чёрный год, / Когда с царей корона упадёт, / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь; / ... Он мечтал «о России чёрном годе», / он мечтал о такой године, для которой на палитре своих слов избрал самые мрачные, апокалипсические краски. <...> от черни пойдёт чёрный год* (№ 688, с. 2–3).

Чёрный год, предсказанный Лермонтовым и являющийся аллюзией на послереволюционную эпоху, становится элементом «кросс-текстовой» (Топоров 1993) связи как в художественном тексте, так и в критической прозе. Прилагательное *чёрный* в этом словосочетании приобретает негативно-оценочное значение ‘мрачный, страшный’, ‘трагический, смертельный для России’, усиливающееся на фоне всего фрагмента, коррелируя с лексемами *мрачный, апокалипсический, година*.

Ещё одно значение прилагательного *чёрный* можно выявить, привлекая для анализа словообразовательный ряд *чернь – чёрный* и фрагмент статьи Б. Бродского, посвящённой Блоку и его знаменитой пушкинской речи: *Тем больше, что великий поэт, чувствовавший как никто могучую силу гармонии, поразительный мастер, горячий проповедник облечённых в художественную форму звуков, после упорной, долгой борьбы, всё же пал под натиском бюрократической черни. ...И поэт умирает потому, что «дышать ему уж нечем и жизнь потеряла смысл». Глубокие, автобиографические строки!* (№ 543, с. 3). В тексте этой рецензии лексема *чернь* имеет значение не ‘низшее сословие’ [см. выше первое употребление в цитате Айхенвальда], а – ‘духовно ограниченная, чуждая каких-л. высоких помыслов среда’ (СТСРЯ т. 3, с. 823). Функционирование этой лексемы актуализирует в тексте и в сознании читателя действия людей, приведших поэта к смерти и повлиявших на судьбу интеллигенции по обе стороны границы. На судьбу эмиграции указывает последняя фраза в тексте Б. Бродского: *Глубокие, автобиографические строки!* – которую мог произнести и сам Блок, и критик, а также читатель «Руля», независимо от своего нахождения в географическом пространстве.

Сопоставление статьи Бродского с текстом Айхенвальда [см. выше в цитате последнего второе употребление лексемы *чернь*, коррелирующей со словосочетанием *чёрный год*] позволяет говорить о том, что в тексте автора «Силуэтов...» *чёрный* имеет также значение: ‘бездуховный’. *Чёрный год* – это не только год революционных событий, но и эпоха бездуховности и «надвигающегося мрака» (В. Ходасевич).

Наличие особых значений у прилагательных, обозначающих цвет, – доказательство того, что в критической прозе их функционирование отлично от иных текстов эмигрантской прессы, в которых колоризмы «часто служили

лексико-семантическими знаками, называющими ту или иную идеологическо-политическую позицию индивида, социальной группы» (Зеленин 2007, с. 218, см. также: Грановская 1995). Например, прилагательное *красный* 'относящийся к революционной деятельности; связанный с советским строем, с Красной армией' (СЯС 1998, с. 290), использовавшееся в эмигрантской прессе с отрицательной коннотацией, в наших материалах при сохранении негативной оценки имеет также семантику 'сатанинский, дьявольский'. Ср.: *Мы достаточно испытали красных людей, чтобы нужны были ещё нам люди чёрные. Правда, теперь выяснилось, что мы страдали некогда политическим дальтонизмом и за красных принимали чёрных: более чёрных, чем наши красные, не оказался ведь никто* (№ 688, с. 2–3). Автор «Силуэтов», используя цветообозначения, даёт оценку не только современной действительности, но и её «творцам».

Актуализация значения 'сатанинский, дьявольский' у прилагательных *красный, чёрный* (*красные люди – чёрные люди*) делает их контекстуальными синонимами и позволяет расширить этот ряд за счёт нового компонента: *бесы*. Последний ассоциируется с ещё одной важной темой, возникающей в «резонантном пространстве» (Топоров 1993) русской литературы благодаря творениям А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. В критической прозе эта тема продолжена в статьях Д. С. Мережковского, Ю. И. Айхенвальда и П. Струве и представлена как на уровне номинации *бесы*, так и в прямой цитации стихотворения А. С. Пушкина: *Не смешно ли, не странно ли, что там, в бывшей России, празднуется сейчас годовщина Достоевского, заклинателя русских «бесов», теми самыми бесами, которых он заклинал, изгонял из России* (№ 300, с. 4); *все дороги замело; хоть убей, следа не видно; сбились мы, что делать нам! В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам* (№ 1067, с. 5). Как показывают примеры, эта тема также проецируется на послереволюционные события в России (которая становится «бывшей» и занятой бесами) и находит своё продолжение в литературе 20-х годов XX столетия и, соответственно, в критической прозе; см., например, рецензию В. Кадашева (№ 869, с. 7).

Дальнейшее наблюдение за функционированием цветообозначений в текстах критической прозы позволяет выявить ещё одно семантическое сближение прилагательного *чёрный* с прилагательными *кровавый, цветной, безумный, дикий*, которые на языковом уровне эксплицируют традиционную тему русской и мировой литературы: *тему безумия*, находящуюся, в свою очередь, во взаимном пересечении с другими уже названными темами. Ср. цитату из рассказа И.А. Бунина «Безумный художник» и статью Ю.И. Айхенвальда, в которой даётся картина современной российской действительности и её оценка: *дикое, чёрно-синее небо, пылающее пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ; чёрные дыбы, зшафоты и виселицы с удавленными <...> огромный крест с распятым на нём, окровавленным страдальцем Таков чёрный кошмар, созданный цветными карандашами безумного художника* (№ 734, с. 2). Включение в текст собственно рецензии бунинских прилагательных, их повторы создают особый ритм критической прозы, который играет важную роль при интерпретации текста читателем. Ср. также включение в текст прилагательного *цветной*, которое семантически сближается

с прилагательным *черный*. Это сближение актуализирует в данном фрагменте смы «аномальность», «выход за границы реальности», входящие в значение понятия *безумие*.

Заглавие рассказа И. А. Бунина, повторяющееся в рецензии Ю. И. Айхенвальда и являющееся сильной позицией текста, способствует особому диалогу автора и критика, а также «вызывает к жизни» иные классические фрагменты безумия, запечатлённые в русской литературе. Например, сон Раскольникова, который реализовался в «безумной» российской жизни и с позиций нынешней ситуации характеризуется Айхенвальдом как пророческий: *Великим сновидцем был Достоевский; и ясно теперь, что именно мы снились ему* (№ 992, с. 9).

О том, что безумие характерно для нынешней России, свидетельствуют не только тексты Айхенвальда, посвящённые Бунину и Достоевскому, но и рецензия В. Кадашева на книгу А. Чёрного «Жажда». Ср. соответственно в текстах этих авторов: *Она [Россия – И.Р.] потеряла голову, с тех пор как во главе её стал коммунизм. <...> и обезумевшая Россия показала миру ужасное зрелище – помешательство целой страны* (№ 950, с. 2); *Разрушение, ужас, гибель ворвались в мироздание, опрокинули, пусть несовершенный, но обжитой уклад, которым дышали люди, – и превратилась земля в «дом сумасшедших* (№ 822, с. 4). Здесь образ России персонифицирован и строится по моделям: «Россия – безумное существо», «Россия – страна безумных», которые на языковом уровне эксплицированы единицами: *помешательство, дом сумасшедших, обезумевший, потерять голову*.

Выделенные нами персонифицированные модели образа *Россия* относятся к числу распространённых поэтических образов (СПО т. II, с. 572–573). *Поэтический образ* – «это небольшой фрагмент текста (слово, несколько строк, предложение, строфа и т.д.), в котором сближаются противоречивые в широком смысле понятия (логически противоречивые, противоположные, несовместимые и т.д.), т.е. такие понятия, которые обычно не сближаются в литературном языке» (Павлович 1999, с. XXVIII). Как правило, этот термин – атрибут анализа поэтического текста, но наши материалы доказывают, что образностью обладает и критическая проза. Наличие образности в материалах «Руля» подтверждает мнение В.Хартмана о том, что нет «причины отказывать критике в праве называться литературой» (Hartman 2006, с. 6, цит. по: Михайлов 2006, с. 22).

Отмеченные в критической прозе образы – не только знак «кросс-текстовой» связи, интертекстуальное включение, но и элемент индивидуального стиля того или иного критика. Например, образ *Россия – кладбище поэтов*, созданный Лоллием Львовым в статье о Блоке и Гумилёве (смерть обоих поэтов не могла пройти незамеченной для эмиграции, что нашло отражение и в критике), раскрывает ещё одну традиционную тему классической литературы: *смерть поэта*, которая представлена следующими языковыми единицами: *кладбище, доканать, расстрелять, поставить к стенке* «расстрелять». Ср.: *Россия по воле Ленина стала кладбищем поэтов. Одного, он доканал гнётом своего комиссарства, ужасно опустошив его душу. Другого он просто*

поставил к стенке и расстрелял (№275, с. 3). Л. Львов в рецензии на книгу М. Волошина «Стихи о терроре» вслед за поэтом вновь обращается к смерти своих поэтов-кумиров (№ 827). Сергей Яблоновский в статье «Роза и Крест» полагает, что Блок «умер, веря, что «впереди – Иисус Христос» (№ 231, с. 2). Такое понимание смерти поэта авторами «Руля» сходно с трактовкой смерти русскими религиозными философами; например, с описанием о. Булгаковым С. смерти Пушкина (Булгаков 1979).

Те же авторы «Руля» рассматривают смерть (в том числе и в переносном смысле) с позиции *принятия/непринятия* поэтом новой России и её лидеров. Для Лоллия Львова очевидна «смерть» Сергея Городецкого, а Сергей Яблоновский, в свою очередь, не сомневается в смерти М. Горького: *Сергей Городецкий умер. ... Беспощадным свидетельством этого является писание Городецкого в Московских «Известиях» литературно-публицистических статей* (№ 431, с. 9); *А г. Горький утонул давно, ещё в те дни, когда он отдал свою славу в аренду душегубам* (№ 554, с. 2). Глаголы умереть, утонуть используются в переносном значении и обозначают профессиональную смерть писателей, идущих на сотрудничество с новой властью и с «душегубами».

Итак, за традиционной темой *смерть поэта* скрывается как понимание смерти в контексте русской философской мысли, так и отношение к гибели Н. Гумилева и А. Блока, произошедшей в результате трагических событий в России. Положение дел на родине не могло оставить равнодушным ни критика, ни читателя и вызывало эмоциональную реакцию. Следовательно, для критической прозы характерна также *эмоциональность*.

Об этой черте также свидетельствуют языковые единицы и образы, содержащие сему 'свет'. Т. В. Павлович отмечает, что существуют различные точки зрения на интерпретацию образа: первая – анализ того, что хотел сказать автор, используя образ в конкретном ХТ, вторая – интерпретация образа как некоего инварианта, который имеет «*смысл и вне данного текста. ... Если искать похожие образы в других текстах <...> это помогает понять некий глубинный смысл, лежащий в основе данной группы образов*» (Павлович 1999: XXVII–XXVIII).

В связи с тем, что образ *солнца* используют разные авторы «Руля», то в критической прозе возможно выявление инварианта. По данным словарей, *солнце* содержит сему 'свет'. Ср.: 'свет, тепло, излучаемые этим телом, место, освещённое им' (БТС, с. 1233); 'свет, тепло, излучаемое центральным телом Солнечной системы; место, пространство, освещенное этим светилом'; перен. 'то, что является источником жизни, счастья для кого-л. или для чего-л. // источник средоточения чего-л.' (СТСРЯ III, с. 351). Но в наших материалах лексема *солнце* в составе «чужих» метафор: *солнце мёртвых* (И. С. Шмелёв), и *солнце – незрячее око* (М. Волошин), вступая в определённые синтагматические отношения, развивает антонимическое значение 'отсутствие света и тепла'. Ср. рецензию Л. Львова: *Мы только недавно прочли изумительную лирическую повесть беллетриста, вырвавшегося сюда с того же Крымского побережья, <...> работа мысли человека <...> в одиночестве, при встречах с соседями, в*

диалогах с такими же обречёнными на это существование под солнцем мёртвых. И вот почти одновременно из того же Крыма слышим голос Максимилиана Волошина о том же, но ещё более зловецце...о «солнце, глядящим в мир незрячим оком» (№ 827, с. 6).

За такими образами солнца скрывается модель солнце – смерть, не обладающая частотностью в поэзии (СПО, II, с. 49). Ср. в «Руле», в статье Ю. И. Айхенвальда, в которой название эпопеи И.С. Шмелёва синонимично аду, тьме, Апокалипсису и проявляется на фоне всего текстового фрагмента: «Солнце мёртвых» сливается в одно жуткое целое, к которому даже и не хочется и совместно прилагать эстетическое мерило. Но если бы его приложить, рассказ Ив. Шмелева обнаружил бы в себе такое создание русской литературы, которое останется в ней и среди тех человеческих документов, запечатлённых кровью и слезами, которые грядущим поколениям расскажут о водворении ада на русской земле, Апокалипсиса русской истории (№ 791, с. 7). Следовательно, за интертекстуальным вкраплением поэтических образов И. С. Шмелева и М. Волошина скрывается инвариант солнце – смерть, который актуализирует в критической прозе иные смыслы: картины кровавой действительности на родине и гибель прошлой России.

С другой стороны, в текстах одних и тех же авторов наблюдается употребление языковых единиц, содержащих сему света, но с другим значением и с положительной коннотацией, что свидетельствует о такой черте критической прозы, как амбивалентность. Ср. у Л. Львова: белые лучи, солнечное сияние, свет, светлый: В стихах на смерть Блока столько солнечного сияния, что даже пение панихидное стало нынче не печальным, светлым (№ 420, с. 7); Что это? Этот небольшой сборник стихов об у б и й с т в е [М. Волошин «На дне преисподней» – И. Р.], неожиданно озаряется величественно мерцающим светом провиденциализма, – более того, эти стихи клокочущего протеста против кровавой современности внезапно оказываются прорезанными снопом ослепительно белых лучей, озаряющих нас заветами христианской любви и всепрощения (№ 827, с. 7).

Свет сближается с понятием святость. Свет и святость, по мнению Айхенвальда, отсутствуют в метрополии, поэтому «в свете и святости нуждается сейчас Россия» (№ 688). Как отмечает П.Новгородцев, в поисках «великого света» нуждается и эмиграция: И все же нашего жребия страданий и испытаний мы ни на какой другой не променяем. И именно потому, что это наш жребий, свыше нам определённый и к великому свету и прозрению нас ведущий (№ 334, с. 3). В этих текстах можно выделить лексемы, раскрывающие понимание подлинной России: сказки, притчи, трава-мурава, кротость, вера, любовь.

Рассмотренные языковые единицы с семей 'свет' (за исключением лексемы солнце) показывают, что в зависимости от контекстного употребления и синтагматической связи (солнечное сияние и солнце мёртвых) они входят в различные части оппозиции свет/тьма. Единицы, входящие в часть свет, расширяют свои границы за счет божественного света (великий свет, свет провиденциализма),

который противопоставлен мрачной действительности и обнаруживает вечные смыслы, связанные с верой [см. ниже].

Амбивалентное использование языковых единиц позволяет говорить об общности взглядов критиков «Руля», что также подчёркивается использованием на языковом уровне местоимений *мы*, *наш*. Например, в статьях П. Новгородцева [см. выше] и Ю. Айхенвальда: *А другие бытовые рассказы, повести, романы Ремизова <...> ставят нас лицом к лицу с нашим русским бытом, с нашей русской долей, с нашей русской бедой, уводят нас к самым безднам нашего русского подполья с тем, чтобы после с еще большей неотразимостью развернуть перед нами во всю ширь, во всю высь русское небо с бесчисленными столь излюбленными писателем звёздами.* (№ 785, с. 14).

Повторение местоимений *мы*, *наш* в этом фрагменте – также яркое свидетельство образности и ритмизации критической прозы, которая создаётся не только за счёт образных, но и нейтральных средств: «безобразных» местоимений (Виноградов 1963). Данный фрагмент связан «кросс-текстовыми» связями с произведениями не только А. Ремизова, о которых пишет критик, но и Ф. М. Достоевского. Ср. метафору: *бездны нашего русского подполья*, которая содержит аллюзию на «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и за которой также «спрятана» судьба эмиграции. Ср.: *наша русская доля, наша русская беда*. О Ремизове пишет также Л. Львов: *Книги Ремизова – его Посолонь и Лимонарь, его Отреченные повести, его сказки, его Докука и Балагурие, его Русские женщины, его Никонины притчи, его Трава-мурава, – помогают нам познать самих себя, – не только немцам говорят, что такое мы, но и нас самих повелительно возвращают к самим себе, нам, русским, повелевают не забывать России, такой, какая она есть* (№ 785, с. 14). Появление местоимения *мы* в статьях о А. Ремизове также не случайно, его творчество созвучно критику и читателю. Местоимение *мы* обозначает не только содружество русских беженцев в Берлине, но и часть интеллигенции в метрополии, которая разделяет те же взгляды на подлинную Россию, которая в данном текстовом фрагменте эксплицирована такими языковыми единицами: *сказки, притчи, трава-мурава*.

И критики, и читатели находили истинную Россию, атрибутом которой была *вера*, в текстах Ф. М. Достоевского и Б. Зайцева, еще одного писателя-современника. Ср. соответственно статьи Д. С. Мережковского и Ю. И. Айхенвальда: *Вера – то, что характерно для подлинной России, но не для революционной. «Христос был, есть и будет» <...>* (№ 300, с. 4); *Революции противопоставляет Борис Зайцев кротость. ... Дай любви – вынести; дай – веры ждать* (№ 863, с. 2). Таким образом, интенциональность текстов критической прозы заключалась не только в том, чтобы представить творчество оперделённого писателя, но и в том, чтобы выявить символы подлинной России и напомнить о них читателю.

Такую Россию эмигранты находили и в поэзии Александра Блока, который, как уже отмечалось, был среди эмиграции «своим» и в стихах которого концепт *родная земля* в наибольшей степени получил своё языковое

выражение. См., например, у Ю. Айхенвальда: – *Ему [Блоку – И. Р.] кажется, что в последний раз закружившаяся жизненная карусель явит перед ним «ещё леса, поляны, и просёлки, и шоссе, нашу русскую дорогу, наши русские туманы, наши шелесты в овсе». Да, в Блоке, слагателе итальянских стихов... жила русская стихия, у него – религия России; он говорит о своей родине с болезненным стоном любви и тоски. Он называет Россию своей женою, своей бедной женою, своей жизнью* (№ 688, с. 2). Русский пейзаж в критической прозе «Руля» воскрешает в памяти читателя-эмигранта образ покинутой России. Блоковская *Русь моя – жена моя* в статье Айхенвальда получает дополнительные коннотации, за которыми скрывается собственная оценка родной земли и личное отношение к ней. В приведённой выше цитате встречаются слова *шоссе, наша русская дорога*, которые перекликаются со статьёй того же автора, где говорится о *бездорожье*, о потере *пути*, «с которого Россия сбилась» (№ 1067, с. 4).

Таким образом, можно говорить о том, что судьба России через «призму личного суждения» А. Блока и автора «Силуэтов...», а также других писателей и критиков (см. выше) проецируется на судьбу русских изгнанников, на их представление о России, их чувства тоски по родине и любви к ней. *Писатель–критик–читатель* становятся единым целым.

Синонимом подлинной России является имя Пушкина, которое на чужбине наполняется особым содержанием. Хорошо известен тот факт, что вся эмиграция отмечала день рождения поэта как День русской культуры за рубежом [см. подробнее: *Филин* 1998]. Особое отношение к Пушкину нашло отражение и в критической прозе. Ср. мнение Айхенвальда: *но, думается, на чужбине в духовном смысле более надёжно и более тепло живётся тем, кто из осиротевшей и осиротившей России, словно горсточку любимой земли вывез с собою Пушкина*. Россия, такая, «какая она есть», находит своё продолжение в слове, в красоте родного языка, созданного поэтом: *Запах Руси, её дыхание так проникает всё творчество нашего дивного поэта, до такой степени пропитаны и проникнуты и изнутри освещены русской психологией, что можно сказать: Пушкин, это – Россия в слове, её олицетворение, Пушкин, это – сказавшая себя Россия* (№ 1067, с. 5). Именно слово писателей и поэтов давало ориентиры для жизни в эмиграции, позволяло осмыслить судьбу прошлой, настоящей и будущей России. Г. Ландау в статье о Пушкине писал: *Спасут Россию те, кто пойдёт за знаменем Пушкина* (№ 1067, с. 7). Таким образом, имя Пушкина связывается не только с прошлой, но и с будущей Россией, а также свидетельствует о том, что за именами собственными в критической прозе скрываются различные смыслы: *пророк – родная земля – язык – культура – ментальность*.

Воплощением подлинной прошлой и будущей России становится эмиграция, оказавшаяся вне родины, в ином географическом пространстве: *И поскольку эмиграция продолжает на чужбине традицию родины, поскольку она поддерживает преемственность национальной культуры, прерванную нашим историческим землетрясением, поскольку она унесла с собой в даль щепотку*

родной земли, постольку вообще нет противоположности между нею, русской колонией, и нашей ещё недавно великой метрополией (№ 755, с. 3). Слова *эмиграция, русская колония, родина, великая метрополия* в статье Айхенвальда становятся контекстуальными синонимами.

Итак, сопоставляя фрагменты текстов статей и рецензий, созданных разными авторами, можно сделать вывод о том, что критическая проза «Руля» обнаруживает целостное единство как в языковом, так и эмоционально-аксиологическом плане и представляет собой единый текст, который основан на диалогическом контакте, составлявшем основу «русского Берлина». *«Этот контакт есть диалогический контакт между текстами. ... За этим контактом контакт личностей, а не вещей /в пределе/»* (Бахтин 1986, с. 384). При выделении данного типа текста нами также учитывалось определение «петербургского текста», данное В. Н. Топоровым (Топоров 1995, с. 368).

Для критической прозы, формирующей единый текст, характерны следующие черты: особое функционирование цветообозначений, местоимений, имён собственных; следование дореволюционному жанровому канону, проческая тематика; особый тип повествования, характеризующийся ритмической организацией; образность, наличие интертекстуальных связей, амбивалентность, повышенная диалогичность и эмоциональность. Выявленный в результате анализа единый текст отражает культурно-историческую ситуацию «русского Берлина» и на уровне содержания обнаруживает традиционные темы русской и мировой литературы: *наличие пророческого дара у поэтов и писателей, безумие, бесы, смерть поэта, родная земля*. Все эти темы характерны для литературной критики, но в газете «Руль» они проецируются на пореволюционную российскую действительность, которая становится диктумом единого текста.

Проникновение в смысл единого текста показывает, что за ним стоит образ России. Современная революционная Россия – это *чёрный год, чёрный кошмар, «солнце мёртвых», ад на русской земле, «бывшая Россия», осиротевшая и осиротившая Россия, бесы, «сбились мы, что делать нам», «кладбище поэтов», обезумевшая Россия, помешательство целой страны*. Но есть и иная Россия: *леса, поляны, шоссе, туманы, русская дорога, Россия в слове, преемственность национальной культуры, сказавшая себя Россия, свет, притчи, трава-мурава, сказки, «Россия такая, какая она есть»; вера, кротость, заветы христианской любви и всепрощения; «Христос был, есть и будет», свет и прозрение*.

Таким образом, диалог метрополии и колонии, осуществлявшийся внутри культурного пространства русского Берлина, был основан на отношении к подлинной России, сохраняющей свои вековые основы: культуру и традиции, веру и кротость, красоту языка и свободу философской мысли. Глубинная граница «русского Берлина» формировалась не по территориально-временному признаку, а по линии – *духовность / бездуховность*.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. А. *Литературно-критическая эссеистика Ю. И. Айхенвальда («Силуэты русских писателей»)*. Автореф. канд. дис. филол. наук. Коломна, 2000.
- Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук. В кн.: *Эстетика словесного творчества*. М., 1986. С. 381–395.
- БТС: *Большой толковый словарь*. Под ред. С. А. Кузнецов. М., 2006.
- Бродский, А. И. По ту сторону текста (Литература и реальность в свете литературной критики середины XIX века). В кн.: *Философия реализма*. СПб., 1997. С. 50–61.
- Булгаков, С. Жребий Пушкина. В кн.: *Пушкин в русской философской критике*. М., 1990.
- Виноградов, В. В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963.
- Грановская, Л. М. *Русский язык в «расеянии»*. М., 1995.
- Грановская, Л. М. *Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.* М., 2005.
- Депретто, К. Литературная критика и история литературы в России конца XIX–начала XX века. В кн.: *История русской литературы XX века. Серебряный век*. М., 1995. С. 242–257.
- Зеленин, А. *Язык эмигрантской прессы (1919–1939)*. СПб, 2007.
- ЛЭРЗ: *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры*. Т. II. Ред. А. Н. Николокин. М., 2000. С. 22–32.
- Макаров, М. Л. *Основы теории дискурса*. М., 2003.
- Матвеева, Т. В. *Учебный словарь. Русский язык, культура речи, стилистика, риторика*. М., 2003.
- Морыганов, А. Ю. Принцип «сжатия» в «Силуэтах русских писателей» Ю. И. Айхенвальда. В кн.: *Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе, стиль, дискурс*. Иваново, 1999. С. 5–14.
- Мурзина, И. Я. *Творчество Ю.И.Айхенвальда в дооктябрьский период: особенности мировоззрения и литературной критики*. Автореф.канд.дисс. филол. наук. Челябинск, 1995.
- Николаева, Т. М. Предисловие. В кн.: *Имя: семантическая аура*. Отв. ред. Николаева Т. М. М., 2007. С. 7–12.
- Павлович, Н. В. Предисловие. В кн.: *Словарь поэтических образов*. В 2-х тт. Том 1, М., 1999. С. XXVII–XLIX.
- Раев, М. *Россия за рубежом*. М., 1994.
- Реброва, И. В. *Концепт ПРОРОК в литературно-критическом дискурсе «Руля»*. Автореф. канд. дис. СПб, 2000.
- Реброва, И. В. *Текст ПРОРОКА как текст культуры русского Зарубежья (на материале эмигрантской газеты «РУЛЬ» нач. 20-х годов XX столетия)*. В кн.: X Конгресс МАПРЯЛ. Плен. заседания. Сб. докладов. Т. II, СПб, 2003. С. 392–398.
- СТСРЯ: *Современный толковый словарь русского языка*. Ред. Т. Ф. Ефремова. В 3-х тт. М., 2006.
- СПО: *Словарь поэтических образов*. Ред. Н. В. Павлович. В 2-х тт. М., 1999.
- СЯС: *Словарь языка Совдепии*. Ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб, 1998.
- Сорокина, В. В. «Русский Берлин» как подсистема литературы 20–30 годов. В кн.: *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1996, № 1. С. 30–42.
- Сорокина, В. В. Импрессионизм в литературоведении и критике русского зарубежья. Ю. Айхенвальд. В кн.: *Русский язык, литература и культура на рубеже веков*. Тезисы докл. и сообщений. Братислава 16–21 авг. 1999. IX Междун. конгресс МАПРЯЛ. М., 1999. С. 249–250.

- Сорокина, В. В. Европейский модернизм и русский Берлин. В кн.: *Вестник МГУ*. Сер.9. Филология. 2010 а, № 1, С. 99–115.
- Сорокина, В. В. Жанровые формы литературной критики русского Берлина 1920-х годов. В кн.: *Вестник МГУ*. Сер. 9. Филология. 2010 б, № 6. С. 107–115.
- Топоров, В. Н. О «резонантном» пространстве литературы. In: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. Atlanta: Rodopi, 1993. С. 16–60.
- Топоров, В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ*. М., 1995.
- Филин, М. А. Пушкин как русская идеология в изгнании. В кн.: «В краю чужом...». *Зарубежная Россия и Пушкин*. Ред. Филин М. А. М., Рыбинск, 1998. С. 5–38.
- Флейшман, Л., Хьюз, Р., Раевская-Хьюз, О. *Русский Берлин. 1921–1923*. Париж: YMCA-Press, 1983.
- Frye, Northrop. *Anatomy of Criticism*. N.-Y, 1973 (1-st ed.-1957), p.19 цит. по: Михайлов, Н. Н. *Теория художественного текста*. М., 2006.
- Hatlie, Mark R. Die Zeitung als Zentrum der Emigrations-Öffentlichkeit: Das Beispiel der Zeitung Rul'. In: *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in europäischen Bürgerkrieg* Hrsg. Schlögel, Karl. Berlin, 1995. S. 153–162.
- Hartman, G. *Criticism in the Wilderness*. New Haven, 1980. p. 6. Цит. по: Михайлов Н. Н. *Теория художественного текста*. М., 2006.
- Kasack, W. *Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. München, 1992.
- Rejblat, Abram. Julij Ajchenval'd in Berlin. In: *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in europäischen Bürgerkrieg*. Hrsg. von Schlögel, Karl. Berlin, 1995. S. 337–366.
- Schlögel, Karl. Russische Emigration in Deutschland 1918–1941. Fragen und Thesen. In: *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in europäischen Bürgerkrieg* .Hrsg. Schlögel, Karl . Berlin, 1995. S. 11–31.
- Williams, Robert C. *Culture in Exile. Russian Emigres in Germany 1881–1941*. Ithaca. New York/London, 1972.

Kopsavilkums

Raksts vērtīs krievu emigrācijas kritiskajai prozai, tiek analizētas emigrantu avīzes «Rulj» («Stüre») dažādu autoru recenzijas un kritiskie raksti. Analīzes rezultātā ir iezīmētas «kritiskās prozas» galvenās īpatnības: valodas līdzekļu īpaša lietošana vienotā teksta kontinuumā, praviētiskā tematika, ritmiskā organizācija, tēlainība, pastiprinātā dialogizācija, ambivalence, emocionalitāte u. c.

Atslēgvārdi: krievu Berlīne, kritiskā proza, vienotais teksts, īpašvārds, krāsu nosaukumi.

Zusammenfassung

Im Artikel geht es um die kritische Prosa der russischen Emigration, untersucht werden Artikel und Rezensionen, die von verschiedenen Verfassern in der (russischen Emigrantenzeitung) «Rulj» publiziert worden sind (1920–1924). Dabei lassen sich diese Texte als eine kritische Prosa fassen, die durch folgende zentrale Merkmale charakterisiert ist: spezieller Einsatz der sprachlichen Mittel, Beibehaltung von Genrekonventionen, prophetische Thematik, eine stark rhythmisch organisierte Erzählweise, Bildhaftigkeit, Intertextualität, erhöhte Dialogizität und Emotionalität. Das Analyseergebnis zeigt, dass das untersuchte Material der kritischen Prosa in thematischer und axiologischer Hinsicht als einheitlicher Text (als ein Zeichensystem) gefasst werden kann, hinter dem ein authentisches Russlandbild aufscheint.

Schlüsselworte: Russisches Berlin, kritische Prosa, einheitlicher Text, Eigenname, Topoi.

Цветовая лексика, обозначающая масти лошадей, в системе языка и текста

Zirgu krāsas apzīmējumi valodas sistēmā un tekstā Die Farben von Pferden im Sprachsystem und im Text

Галина Сырица (Даугавпилс)

Daugavpils Universitātes Humanitārā fakultāte,
Vienības 13, Daugavpils, LV-5401
galina.sirica @du.lv

В статье рассматривается лингвокультурологический аспект цветовой лексики, обозначающей масти лошадей, описывается ее семантика, символика, особенности ее функционирования в художественном дискурсе (*карий, сивый, пегий* и др.). Основное внимание уделено нюансам значения цветовой лексики. Рассматриваемая лексика в основе своей характеризуется этимологической близостью, однако имеет значительные различия в семантике. Выделяется группа однозначных слов, характеризующих лишь масти лошадей (*караковый, мышастый* и др.). Особое место в русской языковой картине мира занимают многозначные лексемы (*вороной, карий, пегий, сивый* и др.), имеющие синонимы и дающие широкую систему дериватов. Они активно используются в идиомах и паремиях, а также в идиостиле русских поэтов и писателей, где получают различные приращения смысла.

Ключевые слова: цветовая лексика, обозначающая масти лошадей, семантика, символика, дискурс.

В русской концептосфере цвета значительное место занимает лексика оттеночной цветовой гаммы. Наличие широкой системы цветообозначений, связанных с оттеночной цветовой семантикой, обусловлено, прежде всего, гибкой словообразовательной системой русского языка, позволяющей передать тончайшие нюансы цвета. *«Однако, как известно, каким бы «множеством языковых средств» ни обладал язык, число цветов и оттенков, которые может воспринять глазом любой индивид, всегда будет в несколько десятков тысяч раз больше числа цветообозначений, которыми он располагает»* (Михайлова 1994, с. 119). Стремление восполнить «недостающие» оттенки цвета наблюдается в рамках конкретных идиостилей. Так, например, в «Мертвых душах» Гоголя: Чичиков заходит в лавку за тканью *с искрой оливковых или бутылочных, приближающихся, так сказать, к бруснике* (ср. также: *фрак наваринского пламени с дымом*); стены выкрашены *какой-то голубенькой краской вроде серенькой*; лес имеет *сучко-синеватый цвет* и мн. др.

Среди лексики, связанной с выражением оттеночной цветовой гаммы, особое место занимает группа слов, обозначающая лошадиные масти: *буланый, гнедой, каурый, карий, пегий, бурый* и др. Эта лексика постоянно привлекает внимание лингвистов, в том числе в сопоставительном аспекте (Ахметьянов 1975; Раздорова 1978; Моисеенко В. Е., Моисеенко Л. Н. 2003, Сырица 2007 и др.). Специфика данной цветовой лексики заключается в том, что «зрительно в масти животных или птиц воспринимается не только цвет или оттенок цвета, но также определенный рисунок внешнего покрова» (Моисеенко В. Е., Моисеенко Л. Н. 2003, с. 136). В структуре значений этих слов, как правило, закреплены семы, указывающие как на оттенки цвета, так и на отличительные, характерные черты лошадиной масти (ср.: *гнедой – ‘красновато-рыжий с черным хвостом и гривой (о масти лошади)’* (МАС т. 1, с. 320); *каурый – ‘светло-каштановый, рыжевато-серый’* (о масти лошади) (МАС т. 2, с. 52).

Фразеологическая связанность значений большинства рассматриваемых прилагательных исключила возможность образования от них наречий, а также степеней сравнения. Об этом писал еще В. В. Виноградов: «Наречия обычно не образуются от качественных прилагательных, которые обозначают (...) качество, приписываемое лишь узкому кругу предметов и представляемое более или менее предметно (например: *карий, буланый, гнедой* и т.п.)» (Виноградов 1986, с. 177). Семантическая структура многих прилагательных проста: они имеют лишь одно значение (ср.: *караковый – ‘темно-гнедой, почти вороной, с подпалинами’* (о масти лошади) (МАС т. 3, с. 38); *чубарый – ‘с темными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами шерсти другого цвета’* (о масти лошади) (МАС т. 4, с. 688). В ряде случаев прилагательные выступают в роли субстантива и используются как кличка животного: *вороной, буланый, каурый* и др. Оттеночную семантику передает также система дериватов, которая в некоторых случаях может быть представлена широким кругом лексики (ср.: *гнедой – гнедая, гнедко, гнедопегий* (ССРЯ т. 1, с. 229); *гнедосерый, гнедочальный, гнедоподвласая лошадь, гнедочубарая* (Даль т. 1, с. 362). Семантика таких прилагательных, как правило, не выходит за рамки обозначения масти лошадей. Метафорическое значение данных лексем в рамках индивидуально-авторского стиля предстает как окказиональное образное средство. Так, в первых частях романа А. Белого «Москва», о которых сам автор сказал, что они «суть сатиры-шаржи», лексика, обозначающая масти лошадей, встречается в портретных описаниях персонажей: *или там караковые иль – подвласые, сивые, пегие, бурочалые люди* (Белый 1989, с. 28). Ср. в этом же романе: *А недалеко от них стоял Грибиков, весь сивочалый такой* (там же, с. 81).

Как известно, базовая цветовая лексика, относящаяся к ядру семантического поля цвета, характеризуется сложностью семантической структуры (наличием прямых, переносных и символических значений). В меньшей степени это относится к лексике оттеночной цветовой гаммы. Однако ряд слов развивает свои цветовые (и оттеночные) потенции и даже удерживает символические приращения смысла, заданные связью с базовой цветовой лексемой, которая, как правило, является доминантой соответствующего синонимического ряда.

Кроме того, расширение коннотативного фона данной лексики достигается за счет того, что она входит в состав фразеологизмов, используется в паремиях. Приращения смысла, связанные с символикой того или иного цвета, обнаруживаются в различного рода дискурсах. Так, ассоциативно-оценочные семы, присущие черному цвету и связанные с указанием на мрачное, трагичное, актуализируются в контекстах со словом *воронной*: *Вороних лошадей под жениха с невестой в поезд не берут* (Даль т. 1, с. 244); *Проснулась я и думаю: «Быть какой-то беде». А беда-то — вот она, подкатила на вороных* (Марков 1984, с. 72). Не случайным представляется выбор масти лошадей в ершалаимских главах романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *Злая воронья взмокнувшая лошадь шарахнулась, поднялась на дыбы* (Булгаков 1990, т. 5, с. 43); *С высоты Левию удалось хорошо рассмотреть, как солдаты суетились, выдергивая пики из земли, как набрасывали на себя плащи, как коноводы бежали к дороге рысцой, ведя в поводу вороних лошадей (там же, с. 175)*; (ср. также *волшебных черных коней* свиты Воланда). Среди четырех апокалиптических всадников в Библии назван воронной: *Я взглянул, и вот, конь воронной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей* (Откр. 6, 5). В романе Достоевского «Братья Карамазовы» Снегирев рассказывает о мечте Илюши — как *общей мечте русского мальчика: купим лошадку да кибитку, да лошадку-то вороненькую, он просил непременно чтобы вороненькую* (Достоевский 1974, т. 14, с. 192). Приращения смысла, связанные с отрицательной символикой черного цвета, «приглушены» уменьшительно-ласкательной формой слов.

В литературе XIX века часто встречается фразеологизм *прокатить на вороных* ('шутл. — заболлотировать, провалить на выборах (набросав черных шаров, обозначавших голоса, поданные против') (МАС т. 1, с. 212): *Одна мысль денно и ночью преследует его: а ну, как прокатят на вороных!* (Салтыков-Щедрин 1988, т. 2, с. 89); *А вот погоди, как прокатят сегодня на вороных (...), то поневоле придется баллотироваться в председатели* (Чехов 1984, т. 4, с. 62) и др.

Отметим, что воронной конь — целиком черный. Оттеночная семантика лексемы *воронной* связана лишь с указанием на блестящее, лоснящееся: 'Имеющий сплошь черную шерсть, черный с лоском или с синеватым отливом (о масти лошади)' (БАС т. 2, с. 679). Этимологически она восходит к слову *ворон* (Фасмер т. 1, с. 353), что и предопределяет наличие оттенка этого цвета (ср.: '*Ворон — крупная птица с блестящим черным оперением*' (МАС т. 1, с. 212); ср. в словаре Даля: *ворон — чернота, чернь, особенно с сизым отливом*' (Даль т. 1, с. 244)). Оттенки черного цвета передают устойчивые сочетания *цвет воронья крыла; как воронья крыло — 'черный, с синеватым отливом'* (МАС т. 1, с. 212), «оттеночные» семы есть также в структуре значения глагола *воронить*: '*чернить, придавая темно-синий или коричневый цвет*' (МАС т. 1, с. 212).

На обыгрывании черного (вороньяго) цвета строится портретное описание главного героя в рассказе И. Бунина «Ворон»: *был он и впрямь совершенный ворон (...), поводил своей большой вороньей головой, косясь блестящими вороньими глазами на танцующих* (Бунин 1988, т. 6, с. 385) и др. Актуализованной

является также символика черного цвета. Несмотря на широкий синонимический ряд группы черного цвета в русском языке (*агатовый, смоляной, угольный, вороной*), многочисленные контексты в художественном дискурсе передают нюансы семантики черного цвета: *неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажка или грач* (Булгаков 1990, т. 5, с. 50), *У ног сидящего (...) простирается невысыхающая черно-красная лужа* (там же, с. 369); *зеркально-черные зрачки Ганина расширились* (Набоков 1990, с. 88); *матово-черный берег Скутари медлительно синел* (там же, с. 103); *между слепых стен, сажная чернота которых местами облупилась, местами испещрена фресками устарелых реклам* (там же, с. 41).

Семантика коричневого цвета в русском языке также передается широкой системой синонимов: *кофейный, шоколадный, каштановый, карий* (ср. также соотносительное по значению слово *бурый*: '1. Серовато-коричневый 2. Темно-коричневый с красноватым отливом (о масти, шерсти животного)' (МАС т. 1, с. 833). Специфика бытования слова *карий* в русском языке выражается в том, что первичным и более распространенным стало фразеологически связанное значение «о цвете глаз»: *'коричневый (о цвете глаз) // Темно-гнедой, но несколько светлее каракового, с буроватым отливом на ногах (о масти лошади)'* (МАС т. 2, с. 41). Это нашло отражение и в системе дериватов: *кареглазый, светло-карий, темно-карий* (ССРЯ т. 1, с. 415). Этимология слова *карий* восходит к тюркскому *kara* – 'черный' (Фасмер т. 4, с. 199) (ср. в польском *kary* – 'вороной'), однако в русском языке слово закрепилось со значением *коричневый* (ср. также: 'Темнокоричневый. О цвете глаз' (БАС т. 5, с. 817). В поговорке *черный глаз, карий глаз – минуй нас!* слова *черный* и *карий* выступают как синонимы. Авторская семантизация этой портретной детали также часто строится на актуализации оценочных сем, заданных символикой черного (темного) цвета: *Только цвет глаз был редкий – карий: цвет воровства и потайных умыслов* (Платонов 1988, с. 177).

В словаре Даля отмечены следующие оттенки карего цвета (о глазах): *карие, бурые, каштановые, кофейные* (Даль т. 2, с. 90). Контексты использования слова *карий* неизменно расширяют оттеночную семантику: *Его карие, с желтизной, большие выразительные глаза медленно поглядывали кругом* (Тургенев 1981, с. 253); *Мне бы только смотреть на тебя/ видеть глаз злато-карий омут* (Есенин 1966, с. 131). *Клара – полногрудая барышня с замечательными синевато-карими глазами* (Набоков 1990, 1, с. 38); *Не мигают, слезятся от ветра/ безнадежные карие вишни* (Вознесенский 1983, 2, с. 361) (ср.: *вишневый – '2. Темно-красный, цвета вишни'* (МАС 1, с. 179)). Кроме того, в поэтическом дискурсе лексема *карий* утрачивает фразеологически связанное значение: *В такие минуты и воздух мне кажется карим* (Мандельштам 1991, с. 116), вовлекается в окказиональное словообразование: *В золотоокие, долгие ночи, / В золото-карие / Гари / Зари...* (Белый 1994, с. 331).

Оттеночную семантику устанавливает также слово *русый*: 'Светло-коричневый с сероватым или желтоватым оттенком. О волосах.' (БАС т. 9, с. 86). Оно вступает в синонимические отношения со словами *русоволосый, русоголовый*.

На его связь с мастью указывается в словаре Даля (т. 4, с. 115), кроме того, среди целого ряда сложных прилагательных (*русобровый, русобородый, русокудрый, русокося*) приводится слово *русошерстый* (Даль т. 4, с. 114). Это цветное прилагательное развивает систему дериватов не только в рамках фразеологически связанного значения: *Был волос, что лен, а на росту порусел, стал русеть, темнеть* (Даль т. 4, с. 115); *Шуба порусела, видно подцветена была (там же)* (ср.: *русеть* – ‘становиться русым’) (МАС т. 3, с. 741). Оттенки русого цвета передаются с помощью сложных прилагательных: *шагнул на красное сукно, заранее разостланное на платформе, молодой, ярко-русый гигант гусар в красном доломане*, (Бунин 1988, т. 5, с. 160); *Такая, такая, такая высокая? Пепельно-русовая?* (Цветаева 1980, с. 260).

Кроме того, слово *русый* развивает символическое значение, становясь знаком русского, национального: *Русский народ русый народ* (Даль т. 4, с. 115) (ср. типичные детали портретных описаний у Н. Некрасова: *Раз я видел, сюда мужики подошли, / Деревенские русские люди, (...) Свесив русые головы к груди* (Некрасов 1979 т. 1, с. 265); *Тяжелые русые косы / Упали на смуглую грудь* (там же, т. 2, с. 49)). На обыгрывании фонетической близости слов *Русь* и *русый* строится паронимическая аттракция у М. Цветаевой: *Тупит глаза / Русь моя руса. / Вороном – Гза, / Гзак тот безусый...* (Цветаева 1990, с. 234). За счет этого сближения происходит семантизация топонима *Русь*: актуализируется его ложная внутренняя форма. Обыгрывание фонетической близости лексем *русский* и *русый* встречается у К. Бальмонта: *Я русский, я русый, я рыжий* (Бальмонт 1889, с. 294).

Лексема *буланый* имеет фразеологически связанное значение ‘*светло-рыжий с черным хвостом и гривой (о масти лошади)*’ (МАС т. 1, с. 123). В. Даль отмечает оттенки цвета: ‘*рудожелтый, желтоватый, изжелта, разных оттенков*’ и приводит устойчивое сочетание, встречающееся в диалектах: *буланый виноград – ‘черный, тугой, в круглых гроздах*’ (Даль т. 1, с. 140). Соотносительным по цвету прилагательным является *половый* (о собаках) – ‘*бледный, белесовато-соломенного цвета, как полова*’ (Даль т. 3, с. 263). Глагол *половеть* имеет значение ‘*желтеть*’ (*хлеб уже половеет в поле*); а также ‘*вянуть, блекнуть, терять цвет, краску*’: *Платчишка шелковый, да уж пополовел, исполовел* (Даль т. 3, с. 263); ‘*бледнеть*’ – *Идет, что ли? Жених пополовел – в лице ни кровинки.* (Мельников-Печерский 1976, с. 363). Частотное определение в описании половы – *золотая: такая пошла работа, что только золотая полова пыльным столбом встала от земли до самого выгоревшего степного неба* (Катаев 1988, с. 90). *Пыли действительно много. И полова золотая кружится в воздухе* (Окуджава 1993, с. 86). Фонетически и семантически соотнесенное прилагательное *палевый*, заимствованное из французского языка, имеет значение ‘*бледно-желтый с розоватым оттенком*’ (МАС 3, с. 13) и обладает свободной сочетаемостью: *Карамзин воспевал палевые сливки* (Даль т. 3, с. 11). *Горкин всю зиму горевал: «Не иначе, палевый турманишка ихний головку ей вскружил!»* (Шмелев 1989, с. 454). *Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвоной круглой – сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть*

(Бунин 1988, т. 6, с. 380). Ср. также в описании одежды: *Пуни и полночь. Пуни и пепла / Ниспадение на персидский / Палевый халат – и платья / Бального пустая пена / В пыльном зеркале* (Цветаева 1980, с. 109).

Группа серого цвета в русском языке представлена широким кругом лексики: *серый, стальной, мышинный, мышастый, пепельный, дымчатый, шаровый, сивый*. Для передачи оттенков цвета лошади серой масти закрепились два прилагательных: *мышастый* и *сивый*. Паронимы *мышастый* и *мышинный* передают один и тот же цвет, однако слово *мышастый* имеет фразеологически связанное значение. Ср.: *‘Мышиного цвета, серый. О масти животных (лошадей, собак и др.)’* (БАС т. 6, с. 315). На обыгрывании разных значений прилагательного *мышинный* строится описание автомобиля у Ильфа и Петрова: *Автомобиль был совершенно новый, благородного мышинного цвета, выглядел как дорогой, а стоил дешево* (Ильф, Петров 1966, с. 64). *И даже фары нашего мышинного сокровища сконфуженно светились* (там же, с. 131). Название лошадиной масти (*мышинная – серая*) закрепились в сниженном фразеологизме *мышинный жеребчик* (о молодящемся старике, любящем ухаживать за молодыми женщинами): *Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенял ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам* (Гоголь 1984, т. 5, с. 165).

Слово *сивый*, в своем первичном значении обозначающее масть (ср.: *сивый – 1. Серый, серовато-сизый. Обычно о масти лошади*) (БАС т. 13, с. 763), вбирает широкую гамму цветовых оттенков (ср. *‘пепельно-серый (о масти лошади)’* (МАС т. 4, с. 89); *‘тускло-серый’* (БАС т. 13, с. 763) и используется как цветовой прилагательное со свободным значением: *сивые космы инея, сивый ковыль покрывает степи, степь сивым-сивехонька* (Даль т. 4, с. 180). Пушкин в письме В. Ф. Вяземской, написанном из ссылки в Михайловском в октябре 1824 года, использует определение *сивый* в описании неба: *небо у нас сивое, а луна точная репка...* (Пушкин 1977, т. 9, с. 107). Это единственное вкрапление на русском языке (в письме, написанном по-французски) получает коннотации «простой, русский, простонародный» (цвет) (ср. во французском тексте используется словосочетание *голубое небо*). В словаре Даля отмечены также оттенки этого цвета: *темно-сизый; серый и седой; темный с сединою; с примесью белесоватого, либо пепельного* (о шерсти, масти) (Даль т. 4, с. 180). Лексема дает широкую систему дериватов: *сивенький, сивость, сиветь, сивобородый, сивоволосый, сивоворонка, сивоголовый, сивогривый, сивоусый, сивочальей* (ССРЯ т. 2, с. 99). Ср. также в словаре Даля: *сивизна, сивота*; ср. также название сказочного коня: *сивко-бурко, вещей воронко* (вариант: *сивка-бурка, вещья каурка*).

Лексема *сивый* развивает сниженные коннотации: *Посмотрим, какова у тебя сила. / Видишь, там сивая кобыла? / Кобылу подыми-тка ты, / Да неси ее полверсты* (Пушкин 1975, т. 3, с. 275). Семантику игры (шута) поддерживает описание конного экипажа Федора Павловича Карамазова, на котором он

приезжает в монастырь: *В весьма ветхой, дребезжащей, но поместительной извозчицъей коляске, на паре старых сиво-розовых лошадей, сильно отстававших от коляски Миусова* (Достоевский, 1976, т. 14, с. 32). Ср. описание экипажа Миусова: *в щегольской коляске, запряженной парой дорогих лошадей (там же, с. 32)*. Сниженный коннотативный фон лексемы *сивый* поддерживаются целым рядом фразеологизмов: *врет как сивый мерин; глуп как сивый мерин, бред сивой кобылы, ни сиво, ни буро* – ‘ни то, ни се’ (ср. также ряд поговорок в словаре Даля: *Люблю сивка за обычай: кряхтит, да везет; уходили сивку крутые горки; сивизна в бороду, черт в ноги* (т. 4, с. 180)). Обыгрывание фразеологизма *глуп как сивый мерин* за счет многократного повтора происходит в заключительной сцене «Ревизора» (ср.: *Во-первых, городничий – глуп, как сивый мерин...»* (...) «*Как сивый мерин...»* (...) «*Городничий – глуп, как сивый мерин...»* (...) *Хм... хм... хм... хм... сивый мерин*) (Гоголь 1984, т. 4, с. 88). В рассказе Чехова «Беззащитное существо» этот фразеологизм используется для характеристики героини: *Глупа, как сивый мерин, чёрт бы её взял* (Чехов 1985, т. 6, с. 90).

Слово *сивый* развивает также переносное значение: ‘2. Разг. Седой, седящий. О волосах’ (БАС т. 13, с. 763): *И самые седые, стоявшие, как сивые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали: «Добре сказанное слово!»* (Гоголь 1984, 2, с. 89); *С большущей сивой гривой / Чай, двадцать лет не стриженной, / С большущей бородой, / Дед на медведя смахивал* (Некрасов 1979, 3, с. 146).

Лексема *пегий* имеет значение ‘с пятнами другого цвета (разношерстный) (о животных, обычно о лошадях)’ и употребляется также как субстантив: *пегая* (БАС т. 9, с. 37): *Отпряжь-ка пегого да пусти передом, так он как раз тебя выведет на дорогу* (Толстой 1979, 4, с. 219). Это цветообозначение часто встречается в описании собак: *Вошедши на двор, увидели там всяких собак (...) полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих...* (Гоголь 1984, т. 5, с. 72); *Наконец дверь с грохотом отворилась, вылетел, кружась и повертываясь на воздухе, Крак, половопегий пойнтер Степана Аркадьича* (Толстой 1982, 9, с. 157); *Пегий пес, бегущий краем моря* (Айтматов). Оно дает широкую систему дериватов, значительное место среди которых занимает лексика, связанная с обозначением масти: *пегая, пегенький, пегонький, пегатый, пегина, пежина, пежинка, пежинный, пеганка, пегаш, пегашка, пегоголовый, пегоногий, пегохвостый, воронопегий, гнедопегий, чалопегий, чернопегий* (ССРЯ т. 1, с. 731) (ср. также в словаре Даля: *буланопегий конь* (т. 1, с. 140)). Слово имеет переносное значение (ср.: ‘2. Перен. Разг. Имеющий неоднородную окраску, пестрый цвет; с пятнами иного цвета’) и образует синонимический ряд со словом *пятнистый*. Кроме того, оно входит в круг лексики, указывающей на пестрый цвет, и встречается в целом ряде контекстов: *«Глина на них [домиках] обвалилась от дождя, и стены вместо белых сделались пегими»* (Гоголь 1984, 3, с. 152). В рассказе И. Бунина «Темные аллеи» слово *пегий* удерживает сниженный коннотативный фон, красноречиво характеризуя «простонародное» пространство героини: *ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упирившейся отвалом в бок печи; из-за печной заслонки сладко*

пахло щами – разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом (Бунин 1988, т. 6, с. 306).

Семантика пестрого цвета передается большой группой синонимов, в ряду которых находится слово *пегий*: *разноцветный, рябый, разноласый, клетчатый, полосатый, чубарый, пятнастый, пегий, разномастый, перепелесый* и др. (ср.: *лошадь пегая, корова пестрая, собака рябая*) (Даль т. 3, с. 104). К этому семантическому ряду примыкают слова *пестрядевый (пестрядинный)*, восходящие к слову *пестрый* (ср. также: *пестрядь, пестрядина, пеструшка*) и обозначающие грубую дмотканую льняную или хлопчатобумажную ткань (*там же*, с. 104). В литературе XIX века они часто используются в описании одежды «простонародных» героев (ср., например: *Заятки были заняты лицом лакейского происхождения, в куртке из домашней пеструшки, с небритой бородою, подернутою легкой проседью, лицо, известное под именем «малого»*) (Гоголь 1984, т. 5, с. 176). Пестрый цвет развивает символическое значение: в славянской мифологии *пестрый* связывается с хитростью, ненадежностью, лживостью (ср. у Даля: *пестрый шут*).

Рассматриваемая группа лексики оттеночной цветовой гаммы в основе своей идентична с точки зрения этимологии (преимущественно заимствована из тюркских языков), однако обладает разной семантической структурой и разными эстетическими возможностями. Некоторые лексемы однозначны и не выходят за рамки фразеологически связанного значения (*караковый, мышастый, гнедой* и др.), другие же развивают свою семантику (*вороной, карий, русский* и др.), получают переносные значения (*пегий, сивый* и др.), а в некоторых случаях и символические значения, заданные соотношением с базовой лексемой того или иного цветового ряда (*вороной, пегий*). О важном месте этой лексики в русской концептосфере цвета свидетельствует широкая система дериватов, закреплённость в синонимических рядах, ее вхождение в состав фразеологизмов, пословиц и поговорок. Активное использование лексики в художественном дискурсе неизмеримо расширяет ее эстетический потенциал. Это создается за счет расширения системы дериватов, а также значимых контекстуальных приращений смысла. Лексика оттеночной семантики в разных толковых словарях представлена по-разному, наиболее широко она отражена в словаре Даля; в синонимических словарях чаще всего указывается лишь на то, что значение не является свободным.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальмонт, К. *Стихотворения*. Москва, 1990.
- Бахилина, Н. Б. *История цветообозначений в русском языке*. Москва, 1975.
- Библия. *Книги священного писания Ветхого и Нового Завета*: Канонические. Москва, 2004.
- Белый, А. *Москва*. Москва, 1989.
- Бунин, И. А. *Собрание сочинений* в 6-ти тт. Т.5,6. Москва, 1988..
- Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. *Собрание сочинений* в 5-ти тт. Т.1. Москва, 1990.
- Виноградов, В. В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва, 1986.

- Вознесенский, А. *Собрание сочинений в 3-х тт.* Т. 2. Москва, 1984..
- Гоголь, Н. В. *Собрание сочинений в 8-и тт.* Т. 2–5. Москва, 1984.
- Даль, В. *Толковый словарь живого великорусского словаря.* В 4-х т. Москва, 1981.
- Достоевский, Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 тт.* Т. 14. Ленинград, 1974.
- Есенин, С. *Собрание сочинений в 8-и тт.* Т. 2. Москва. 1966.
- Ильф, И., Петров, Е. *Одноэтажная Америка.* Калининград, 1966.
- Катаев, В. *Собрание сочинений в 10-ти тт.* Т. 1. Москва, 1988.
- Матвеев, Б. И. Цветопись в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» В кн.: *Русский язык в школе.* № 1, 2003.
- Мандельштам, О *Собрание сочинений в 4-х тт.* Т. 1. Москва, 1991.
- Марков, Г. *Строговы.* Кн. 1. Москва, 1984.
- Мельников-Печерский, П. В лесах. *Собрание сочинений в 8-и тт.* Т. 4. Москва, 1976.
- Михайлова, Т. А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения. В кн.: *Вопросы языкознания.* № 6, 1994.
- Моисеенко, В. Е., Моисеенко, Л.Н. Знаем ли мы русские цветоименования? В кн.: *Русское слово в мировой культуре.* Санкт-Петербург, 2003.
- Набоков, В. Машенька. *Собрание сочинений в 4-х тт.* Т. 1. Москва, 1990.
- Некрасов, Н. А. *Собрание сочинений в 4-х тт.* Т. 1–3. Москва, 1979.
- Окуджава, Б. *Заезжий музыкант.* Москва, 1993.
- Платонов, А. *Чевенгур.* Москва, 1988.
- Пушкин, А. С. *Собрание сочинений в 10-ти тт.* Т. 3, 9. Москва, 1975.
- Раздорова, Н. Сивка, бурка, вещая каурка... В кн.: *Слово в нашей речи.* Рига, 1978.
- Руднева, Е. Г. Цветовая гамма в повести И. С. Шмелева «Богомолье» В кн.: *Вестник Московского университета.* Сер. 9. Филология. № 6. 2000.
- Салтыков-Щедрин, М. Е. Помпадур и помпадурши. *Собрание сочинений в 10-и тт.* Т. 2. Москва. 1988.
- БАС: *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт.* Москва-Ленинград, 1950–1965.
- МАС: *Словарь современного русского литературного языка в 4-х тт.* Москва, 1981.
- ССРЯ: Тихонов, А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка в 2-х тт.* Москва, 1985.
- Толстой, Л. Н. *Собрание сочинений в 22-и тт.* Т. 4–7. Москва, 1978–1985.
- Тургенев, И. С. Дым. *Полн. собр. соч. и писем в 30 тт.* Сочинения в 12 тт. Т. 7. Москва, 1981.
- Тэрнер, В. У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу). В кн.: *Семиотика и искусствоведение.* Москва, 1972.
- Фасмер, Макс. *Этимологический словарь русского языка в 4-х тт.* Москва, 1986–1987.
- Цветаева, М. Пленный дух. *Сочинения в 2-х тт.* Т. 2. Москва, 1980.
- Цветаева, М. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1990.
- Чехов, А. *Сочинения в 18-ти тт.* Т. 4, 6. Москва, 1984.
- Шмелев, И. С. Лето Господне. *Сочинения в 2-х тт.* Т. 2. Москва, 1989.

Kopsavilkums

Rakstā tiek aplūkoti krāsu nosaukumi lingvokulturoloģiskā aspektā: semantika, krāsu simbolika, tās pastāvēšana dažādos diskursos. Ir pievērsta uzmanība krāsu nosaukumu niansēm, galvenokārt zirgu krāsas apzīmējumiem (капуш, сивый, незуш u.c.). Etimoloģiski šī leksika ir

samērā viendabīga, bet semantiski tā ir dažāda. Ir viennozīmīgas leksēmas, kuras attiecinā tikai uz zirgiem (караковый, мышастый u.c.). Bet ir arī leksēmu grupa ar plašāku semantiku (вороной, карий, негуй, сивый u.c.). Šai grupai ir nozīmīga vieta krievu lingvistiskajā pasaulē ainā, uz to norāda plaša derivātu sistēma, sinonīmu rindas, šī leksika funkcionē idiomās un parunās, īpaši aktīvi tā ir izmantota krievu rakstnieku idiosīlā. Diskursā tiek precizētas krāsu nosaukumu nianšes.

Atslēgvārdi: *krāsu nosaukumi, zirgu krāsas, semantika, simbolika, diskurs.*

Zusammenfassung

In dem vorliegenden Beitrag wird die Farbenlexik und konkret die Lexik mit der Semantik der Schattierungen in der Farbenbezeichnung als lingvokulturelles Phänomen betrachtet. Es geht um die Bedeutung und Symbolik der Farbenlexik. Als Beispiel werden die Farben von Pferden genommen (карий, сивый, негуй u.a.). Etymologisch ist diese Lexik meistens identisch, aber semantische Unterschiede sind wesentlich. Es gibt eindeutige Lexeme (караковый, мышастый u.a.). Aber eine besondere Rolle spielt im russischen Sprachbild die mehrdeutige Farbenlexik (вороной, карий, негуй, сивый u.a.). Diese Lexik bildet ein großes Derivatensystem, wird aktiv nicht nur in Idiomen und Sprichwörtern benutzt, sondern auch im Schaffen von vielen russischen Schriftstellern. Die Semantik dieser Lexik wird in den Texten präzisiert.

Schlüsselwörter: *Farbenlexik, Farben von Pferden, Semantik, Symbolik, Text.*

Значение антропонимов в художественном тексте и в переводе

Antroponīmu nozīme literārajā tekstā un tulkojumā

Bedeutung der Anthroponyme im literarischen Text und in der Übersetzung

Жанна Борман (Рига)

Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Lomonosova 4, LV–1003, Rīga
janna76lv@yahoo.de

Семантика имени собственного художественного текста богаче семантики имени в языке. В художественном тексте антропонимы могут этимологизироваться. Речь идет об актуализации внутренней формы имени, а также вторичной этимологизации, когда антропоним в тексте наделяется значением, ему изначально не свойственным. Кроме того, вторичная этимологизация может происходить уже непосредственно в тексте перевода. В данной статье рассматривается вторичная этимологизация антропонимов на примере поэтических текстов А. С. Пушкина и их переводов на немецкий и латышский языки.

Ключевые слова: имя собственное, художественный текст, перевод, семантика, этимология.

«Направленность поэтического выражения на само себя» (Мукаржовский 1975, с. 166) является основным постоянным признаком поэтического языка. Его особенность состоит также в том, что в нем могут наделяться смыслом любые языковые структуры (фонетические, словообразовательные, грамматические, ритмические), становящиеся тем самым своего рода материалом для построения новых эстетически значимых языковых объектов. Поэтому, в отличие от естественного языка, поэтический язык представляет собой «вторичную моделирующую систему» (Лотман 1998, с. 19), в которой знак сам моделирует свое содержание.

С этой точки зрения могут быть рассмотрены антропонимы, которые могут этимологизироваться в художественном тексте и / или в тексте перевода. Речь идет в данном случае об актуализации внутренней формы имени, а также вторичной этимологизации, когда антропоним в тексте наделяется значением, ему изначально не свойственным. В данной статье будет рассмотрена вторичная этимологизация антропонимов на примере поэтических текстов А. С. Пушкина и их переводов на немецкий и латышский языки.

В переводе не всегда возможно передать ожившую внутреннюю форму антропонима, но есть случаи, когда это происходит достаточно просто. Так, в фамилии

главного персонажа поэмы Пушкина «Граф Нулин» отчетливо выделяется внутренней форма 'нуль'. Слово *нуль / ноль* в русском языке имеет переносное значение 'о незначительном, ничтожном, человеке' (МАС 1999, т. II, с. 507). В этом же значении зафиксировано единственное употребление слова *нуль* в языке А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» (СЯП 2000, т. II, с. 939). Актуализацию данного значения в поэме А. С. Пушкина можно наблюдать в следующем контексте:

*Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь...* (Пушкин 1977, т. IV, с. 173).

Немецкое слово *Null* тоже имеет значение 'нуль, ничтожество' (НПС 1993, с. 638), ср.: *Null – 'umg. abwertend unfähiger Mensch, Versager'* [разг., оцен. неспособный человек, невежда] (DWDs). Созвучно также и лтш. *nulle* 'ноль': *nulle – 'sar. tas cilvēks, kas ir neievērojams, nenozīmīgs'* [разг. человек, которого не принимают во внимание, неважный] (LLVV 1972, 5. sēj., 767. lpp.), поэтому ономастическое соответствие *Nulin / Nulins*, используемое переводчиками, будет актуализировать те же смыслы.

Имя собственное (ИС) *Нулин* выполняет функцию характеристики персонажа. Данная функция легко передается в переводах, т.к. слова *нуль / Null / nulle* в русском, немецком и латышском языках близки по форме и содержанию.

Задача переводчика заметно усложняется, если имя образовано от корней, не имеющих таких созвучных соответствий в языках перевода. Например, имя *Черномор*. Как известно, у Пушкина есть два персонажа с подобным именем – злой волшебник в поэме «Руслан и Людмила» и дядька *Черномор*, выводящий богатырей – в «Сказке о Царе Салтане». В разных текстах это имя этимологизируется по-разному.

Имя *Черномор* в поэме возводится к двум корням: *черн-* (черный) и *мор-* (*морить*). Слово *черный* является многозначным в русском языке. Академический словарь русского языка (МАС 1999) дает 14 значений этого слова. Приведем те из них, которые важны для внутренней формы ИС *Черномор*: '10. устар. По суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью', '11. перен. Отрицательный, плохой', '12. перен. Мрачный, безрадостный, тяжелый', '13. перен. Злостный, низкий, коварный' (МАС 1999, т. IV, с. 667–668). В языке Пушкина среди значений слова *черный* есть, в частности, следующие: '3. мрачный, безотрадный', '5. губительный, смертоносный', '6. злобный, злонамеренный, преступный' // 'совершивший преступление, убийство' (СЯП 2000, т. IV, с. 930–932).

Для второго корня в ИС *Черномор* приведем значения двух слов: *мор* – 'устар. и прост. Повальная смерть, эпидемия' (МАС 1999, т. II, с. 298), *морить*: '1. Лишать жизни при помощи отравы'; 'травить', '2. перен., разг. Доводить до истощения, изнеможения, изнурять', '3. перен. Обессиловать, приводить в изнеможение' (МАС 1999, т. II, с. 299–300).

В тексте поэмы происходит актуализация внутренней формы ИС: злой волшебник *Черномор* похищает и усыпляет *Людмилу*. В рассмотренных немецких переводах имя *Черномор* передано ономастическим соответствием – *Tschernomor*. Одна только графическая оболочка имени не достаточна для того, чтобы проследить связь между именем и сюжетом поэмы. Одно из возможных решений – это комментарий, но он тоже не использован в немецких переводах. Более удачным представляется решение Юлия Ванэгса (*Puškins* 1968, 3. sēj., 21. lpp.), который в латышском переводе поэмы использует для имени *Черномор* преобразующий перевод, создав имя *Mērapuns*, которое тоже обладает живой внутренней формой: *mēris* ‘чума’, хорошо соотносимое с русским словом *мор*; *puns* ‘желвак, шишка’. Ср.: *mēris* – ‘sevišķi bīstama akūta infekcijas slimība, kam raksturīga organisma vispārēja intoksikācija, iekaisuma procesi ādā utt.’ [особо опасное острое инфекционное заболевание, для которого характерна общая интоксикация организма, воспалительные процессы на коже и т.п.] (*LLVV* 1972, 5. sēj., 162. lpp.), *puns* – ‘sāsītuma rezultātā radies uztrūkums (kādā ķermeņa daļā)’; ‘patoloģisks neliels izcilnis, izaugums’ [шишка, появившаяся в результате ушиба какой-либо части тела; небольшое патологическое образование, нарост] (*LLVV* 1972, 6/2. sēj., 440. lpp.).

Конечно, при этом происходит некоторое снижение образа, которое в имени *Черномор* не заложено, ведь в начале текста *Черномор* предстает как *волшебник страшный; ужасный Черномор; коварный, злобный Черномор*. Сравним контексты с ИС *Черномор*:

- 1) *Безумный, дерзостный грабитель,
Достойный Черномора брат* (Пушкин 1977, т. IV, с. 371).
- 2) *Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор...* (Пушкин 1977, т. IV, с.14).

Но снижение образа происходит и в пушкинском тексте, благодаря словам *карла, карлик*, используемым в авторской номинации *Черномора*:

- Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет...* (Пушкин 1977, т. IV, с. 58).
- Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился...* (Пушкин 1977, т. IV, с. 63).

Слова *карла* и *карлик* – частотные слова в языке А. С. Пушкина: «Словарь языка Пушкина» фиксирует 22 употребления (*СЯП* 2000, т. II, с. 318). Значение слова *карлик* – ‘Человек ненормально маленького роста’. // ‘О человеке незначительном, ничтожном в каком-либо отношении’. *Карла* – ‘устар. карлик’ (*МАС* 1999, т. II, с. 34). С этим значением коррелирует компонент имени *puns* в ИС *Mērapuns*.

ИС *Черномор* в «Сказке о царе Салтане...» называет совсем другого персонажа и имеет другую мотивировку. В отличие от *Черномора* из «Руслана и Людмилы», *Черномор* сказки может мотивироваться словами *черный* и *море* или топонимом *Черное море*, что находит подтверждение в тексте сказки – *дядька Черномор* появляется из «вод морских».

ИС *Черномор* передается в немецких переводах при помощи ономастических соответствий: *Tschernomor / Tschornomor*. Это приводит к тому, что ИС не воспринимается как «говорящее», нарушается связь между ИС и особенностями носителя этого имени, которая заложена в тексте оригинала. В латышских переводах используется описательный и преобразующий перевод: *jūras vecis, Jūras-vecis* (Puškins 1937, 499. lpp.), *Melnjūrs* (Puškins 1968, 2. sēj., 329. lpp.), *Jūras vecis* (Puškins 1949, 456. lpp.). Наиболее удачна, по нашему мнению, передача имени *Черномор* в переводе Юлия Ванагса (Puškins 1968, 2. sēj., 329. lpp.), который использует преобразующий перевод и создает ИС *Melnjūrs* по модели имени *Черномор*: *melns* (черный) + *jūra* (море). Ср.: *melns* – ‘tāds, kas absorbē visu gaismas starojumu, tāds, kam ir, piem., sodrēju krāsa, tāds, kam ir ļoti tumšs kādas (parasti pelēkas, brūnas) krāsas tonis’ [поглощающий все световое излучение, имеющий, напр., цвет сажи, такой, для которого характерен очень темный оттенок какого-либо цветового тона – обычно серого или коричневого] (LLVV 1972, 5. sēj., 149. lpp.), *jūra* – ‘ar sauszemi vai zemūdens pacēlumiem nepilnīgi nogobežota plaša okeāna daļa’ [широкая часть океана, частично ограниченная сушей или подводными возвышениями] (LLVV 1972, sēj. 4, 49. lpp.).

Кроме того, в латышских сказаниях, а именно в сказании «Talsu aprīņķis» (уезд Талси), есть предсказатель по имени *Svētjuris*, который предсказывал возможное затопление церкви (*Šmits* XV). ИС *Svētjuris* и ИС *Melnjūrs* похожи структурно. Оба персонажа связаны с водной стихией. Кроме того, *Svētjuris* – положительный персонаж, что подчеркивается и его ИС: *svēts* – ‘1. tāds, kas pozitīvi pilnīgi atšķiras no ikdienā parastās realitātes, tāds, kas ir saistīts ar dieva, dievības izpausmi, atklāsmi’ [такой, который положительным образом отличается от обыденной действительности, такой, который связан с выражением божественного, с божественным откровением], ‘2. tāds, kas ir ļoti nozīmīgs, tāds, kas ir saistīts ar visdziļākajām jūtām, godu’ [очень важный, связанный с самыми глубокими чувствами, с честью] (LLVV 1972, sēj. 7/2, 314.–315. lpp.). Наличие такого ИС в латышском фольклоре дает потенциальную возможность возникновения фольклорных ассоциаций от аналогичного по структуре ИС *Melnjūrs*.

В двух других латышских переводах используется описательный перевод – *jūras vecis* (‘морской дед’) или преобразующий перевод с теми же мотивирующими словами *Jūras-vecis*, где слово *vecis* частично передает значение слова *дядька*. Благодаря многократному повторению словосочетания *дядька Черномор*, на ИС *Черномор* распространяется значение слова *дядька*: ‘1. Разг. уничиж. к дядя’, ‘2. Разг. Взрослый мужчина вообще’, ‘3. Устар. Слуга в дворянских семьях, представлявший для надзора за мальчиком, а также служитель в дореволюционных мужских закрытых учебных заведениях’. // ‘Лицо (обычно унтер-офицер), которому поручалось обучение новобранца в царской армии’ (MAC 1999, т. I, с. 460). Лтш. *vecis* – ‘1. vecs vīrietis’ [старый мужчина], ‘2. *dsk., sar. veci cilvēki*’ [множ. число, разг. старые люди], ‘3. vīrietis’ [мужчина] (LLVV 1972, 8. sēj., 334. lpp.).

Но если пушкинский *дядька Черномор* – *дядька* в последнем значении: он на службе и ведет тридцать витязей, то *vecis* передает первое и второе значение слова.

Перейдем к центральному имени «Сказки о попе и о работнике его Балде». Большинство переводчиков этой сказки осознают необходимость передать в переводе значение слова *балда*.

ИС *Балда* обладает осознаваемой носителем языка связью с нарицательным *балда*, хотя в языке А. С. Пушкина (*СЯП* 2000) имя нарицательное *балда* не зафиксировано. Приведем словарное толкование этого слова: *балда* – ‘1. *Устар.* Тяжелый молот, употреблявшийся при горных работах и в кузницах’, ‘2. *Устар. и обл.* Шишка, нарост (на дереве)’; ‘утолщение’, ‘3. *Прост. бран.* Бестолковый, глупый человек’ (*МАС* 1999, т. I, с. 57). Имя персонажа пушкинской сказки связано, по нашему мнению, с третьим и с первым значениями имени нарицательного *балда*. Бестолковый человек, простак – так воспринимает *Балду* поп, когда нанимает его на работу. Но важно, что в тексте это значение опровергается: именно благодаря своему уму и хитрости *Балда* сумел выполнить поручение попа. Такие семы первого значения слова *балда*, как ‘сила’, ‘тяжесть’, ‘ударять’, тоже актуализированы в тексте: плата, которую выискивает *Балда* с попа – три щелчка по лбу:

С первого щелка

Прыгнул поп до потолка;

Со второго щелка

Лишился поп языка;

А с третьего щелка

Вышибло ум у старика (*Пушкин* 1977, т. IV, с. 309).

Словарь В. И. Даля содержит, кроме указанных, следующие значения слова *балда*: ‘*обл. вологодск.* дылда, болван, балбес, долговязый и неуклюжий дурень’; ‘*ряз.* шалава, бестолковый’; ‘сплетник, баламут’; ‘*костр.* дурак, тупица, малоумный’ (*Даль* 2002, т. I, с. 98).

В четырех из пяти рассмотренных нами переводах текста сказки переводчики стремились передать значение имени нарицательного и использовали преобразующий перевод. Сравним сначала эквиваленты, предложенные в немецких переводах. Все эти ИС образованы от имён нарицательных, для которых приводятся их словарные толкования:

Lümmel, der – ‘*umg. abwertend* Fliegel, ungezogener, frecher Mensch’ [*пазг., оценивающе* невежа, невоспитанный, дерзкий человек] (*DWDS*); *Lümmel, der* – ‘*пазг.* болван, шалопай, олух’ (*НПС* 1993, с. 572);

Trottel, der – ‘*umg. abwertend* einfältiger, dummer, ungeschickter, willenschwacher Mensch’ [*пазг., оценивающе* ограниченный, глупый, слабовольный человек] (*DWDS*); *Trottel, der* – ‘*пазг.* дурак, идиот, глупец’ (*НПС* 1993, с. 854),

Fliegel, der – ‘1. *abwertend* ungeschliffener, grober Bursche’ [*оценивающе* неотесанный, грубый парень]; ‘2. Handgerät zum Dreschen, das aus einem kurzen Holzklöppel und einem langen starken Stiel besteht, die beide durch einen kurzen Riemen beweglich miteinander verbunden sind, Dreschfliegel’ [прибор для молотбы, состоящий из короткого деревянного молоточка и длинного прочного стержня, соединенных между собой коротким ремнем, молотило]

(DWDS); *Flegel, der* – ‘1. с.-х. цеп, молотило’; ‘2. невежа, грубиян, хам’ (HPC 1993, с. 321).

Как видим, ИС *Flegel*, использованное Йоганнесом Гюнтером (*Puschkin* 1949, Bd. IV), в большей степени соответствует русскому слову *балда*, т.к. включает в себя два значения, которые актуализированы в пушкинской сказке: ‘сельскохозяйственное орудие’ и ‘бестолковый человек’. Кроме того, *Flegel* в значении ‘сельскохозяйственное орудие’ является темой одной из сказок братьев Гримм – «*Der Dreschflegel vom Himmel*» («Молотило с неба») (KHM 112) и тем самым может вызывать у читателя перевода ассоциации со сказкой.

Немецкие эквиваленты *Flegel* и *Lümmel* являются синонимами (*Duden. Sinn- und sachverwandte Wörter* 1986, S. 238). *Trottel* является синонимом слова *Dummkopf* (‘бестолочь, дурак’) и приводится в одном синонимическом ряду со словом *Dümmling* (‘дурачок, простофиля’) (там же, с. 171), которое встречается в качестве номинации персонажа в немецких сказках (*Kopfhammer* 1995, S. 574).

Латышский эквивалент *Muļķa Antulis*, который использует Юлий Ванагс (*Puškins* 1968, 2. sēj., 306. lpp.), есть только в одном контексте, в дальнейшем *Балда* называется просто *Antulis*. *Muļķa* – второе слово представляет собой форму родительного падежа от *muļķis* ‘глупец, дурак’. Ср.: *Muļķis* – ‘cilvēks, kam ir nepietiekami attīstīts, arī nepietiekami aktivizēts prāts’ [человек, у которого недостаточно развит или недостаточно активизирован ум] (LLVV 1972, 5. sēj., 289. lpp.). ИС *Antulis* соотносится, как мы думаем, с лтш. *antiņš*, ср.: *antiņš* – ‘sar., niev. naivs, lētīcīgs, arī vientiesīgs cilvēks’ [наивный человек, дурачок] (LLVV 1972, 1. sēj., 176. lpp.), что примерно соответствует третьему значению слова *балда*. *Antiņš* – имя персонажа из драматической сказки Райниса «*Zelta Zirgs*» («Золотой конь»). Это младший из трех сыновей, которого старшие считают дурачком, потому что он простой, добрый и открытый человек.

ИС *Antulis* может вызывать у латышского читателя также ассоциации с латышскими сказками, где встречается *Stiprais Ancis* (‘сильный Ансис’), который нанялся арендатором к хозяину, а в качестве платы просил разрешения трижды ударить хозяина по лбу (*Šmits* VIII), *Gudrais Ancis* (‘умный Ансис’), который соревновался с чертом (там же), *Dumais Ancis* (‘глупый Ансис’), который служил черту (*Šmits* XI). Родительный падеж от *muļķis* – *muļķa* тоже можно встретить в обозначении персонажа в латышской сказке, например, *muļķa vīrs* (‘глупый муж’) (*Šmits* XI).

В «Сказке о царе Салтане» особый интерес представляет передача в переводах имени *Бабариха*. Для этого ИС пушкинской сказки важен тот минимальный контекст, в котором оно постоянно появляется: *сватья баба Бабариха* (*Пушкин* 1977, т. IV, с. 321), т.к. происходит «этимологическое сближение слов в контексте» (Зубова 2000, с. 81). *Сватья* – ‘мать одного из супругов по отношению к родителям другого супруга’ (MAC 1999, т. IV, с. 38). В. И. Даль дает более широкое толкование этого слова: *сват, сватья* – ‘родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут сватами, сватьями’ (Даль 2002, т. IV, с. 146). Сочетание *баба* – *бабариха*, аналогичное пушкинскому, находим

в сборнике Кирши Данилова – известном собрании русских народных песен, значит ИС обладает фольклорным колоритом, ср.: «*Добро ты, баба, Баба-бабариха, Мать Лукерья, Сестра Чернава! Потом я, дурень, Впредь таков не буду!*» (ДРС 1977, с. 207).

Звуковой повтор *баба Бабариха* переносит значение слова *баба* на ИС. Слово *баба*, употребляясь с ИС обычно означает 'старая женщина', 'старуха' (МАС 1999, т. I, с. 53). Семантизация ИС осознается и переводчиками. В немецком переводе Кая Боровского для передачи ИС *Бабариха* использован описательный перевод (*Schwiegermutter Weibe*):

*Doch die Schwestern, böse beide,
Mit dem Schwiegermutter-Weibe
Haben anderes im Sinn...* (Puschkin 2001, S. 25).

Оба нарицательных существительных – *Schwiegermutter, die* – 'die Mutter des Ehepartners' [мать супруга] (DWDS) и *Weib, das* – 'erwachsene Person weiblichen Geschlechts' [взрослое лицо женского пола] (DWDS) – соотносятся с именами нарицательными *сватья, баба* в тексте оригинала, а их значение, как мы показали выше, переходит частично и на значение имени.

В переводе Эрвина Вальтера (Puschkin 1962, S. 31) эквивалент тоже является описательным переводом, т.к. *Base, die* – '1. Cousine' [кузина], '2. veralt. Tante' [устар. тетя, тетка, кума] (DWDS). Ср.:

*Doch die Schwestern und die Bas'
Wittern darin schlimmen Spaß,
Woll'n verhindern, daß der Zar
Hin zur Zauberinsel fahr'* (Puschkin 1962, S. 31).

Словарное значение слова *кума* – '1. Крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу'; '2. Устар. и прост. Обращение к знакомой пожилой женщине'; '3. Прост., устар. Немолодая женщина, находящаяся в приятельских отношениях или во внебрачной связи с кем-либо' (МАС 1999, т. II, с. 149), имеет общие семы со словом *баба*: 'пожилая женщина' и со словом *сватья*: 'отношение к родителям'. Значение слов *баба* и *сватья* распространяется на ИС *Бабариха*, поэтому *Base* можно считать описательным переводом ИС *Бабариха*. Но в переводе Эрвина Вальтера (Puschkin 1962, S. 31) есть еще один эквивалент для ИС *Бабариха* – *Barbaricha*, что является преобразующим переводом, т.к. это ИС – «говорящее», оно имеет внутреннюю форму *Barbar* – '1. *abwertend* grausamer Mensch, Rohling' [оцениваяюще варвар, дикарь]; '2. *abwertend* völlig ungebildeter Mensch, roher Banause' [оцениваяюще абсолютно необразованный человек, полный невежда] (DWDS). Переводчик использовал отрицательную оценочность этого слова, для того чтобы ИС могло выполнять функцию характеристики – характеризовать персонаж как отрицательный.

В переводе Фридриха Боденштедта (Puschkin 1999, S. 310) использовано ономастическое соответствие – *Babariche*, что не передает произошедшей этимологизации в тексте оригинала, но в некоторых контекстах вместо *Babariche* используется описательный эквивалент *Base*, о котором было сказано выше.

В преобразующем переводе Роберта Липперта (*Puschkin* 1840, S. 173) – *Sibylle* – мы не усматриваем какой бы то ни было связи с именем оригинала. *Civililla*, *Сибилла* – мифологический образ прорицательницы и дряхлой старухи (ИМС 2001, с. 285) – уводит в сторону от русской сказки и даже слишком европеизирует пушкинский текст.

В двух латышских переводах – перевод Плудонса (*Puškins* 1937, 495. lpp.) и Яниса Плаудиса (*Puškins* 1949, 451. lpp.) – использовано для передачи ИС *Бабариха* ономастическое соответствие *Babarīka*, с одной оговоркой: русское *x* передано как *k*, что допускает семантизацию от слова *rīkot*: ‘1. likt, parasti oficiāli (kādam) ko darīt, veikt, darboties, dot norādījumu’ [поручать кому-либо официально что-либо сделать]; ‘2. veikt visu vajadzīgo, nepieciešamo, lai varētu notikt, piem., svinības, sabiedrīks pasākums’ [предпринимать все необходимое, для того чтобы могло состояться какое-либо общественное мероприятие, например, торжество] (*LLVV* 1972, 6/2. sēj., 653. lpp.). ИС *Babarīka* соотносится с сюжетом сказки, т.к. *Бабариха* – это та, кто устраивает свои дела, действует (спаивает гонца, пишет фальшивое письмо, обрекает на смерть царицу, отговаривает *Салтана* от поездки).

Но наиболее удачен, на наш взгляд, вариант, предложенный Юлием Ваннагсом (*Puškins* 1968, 2. sēj., 344. lpp.), который использует преобразующий перевод – *Vecatiņa*. Это ИС образовано от имени нарицательного *vecs*, ср.: *vecs* – ‘tāds, kas ir dzīvojis jau samērā ilgi, kam ir samērā daudz gadu’ [проживший уже довольно долго, такой, которому уже много лет] (*LLVV* 1972, 8. sēj., 337. lpp.). Такой эквивалент соотносится с семантикой слова *баба* – ‘старая женщина’, но в оригинале важную роль играет также минимальный контекст, в который включено имя, столь же важен он и в переводе Юлия Ваннагса, где названное ИС используется в сочетании *veča Vecatiņa*, в котором дублируется корень *vecs* по той же модели, как в словосочетании *баба Бабариха* дублируется компонент *баба*.

Отдельно необходимо сказать об именах, которые подвергаются вторичной этимологизации только в тексте перевода. Например, *Руслан* из «Руслана и Людмилы». Все переводчики предлагают ономастические соответствия для имени оригинала. Обращает на себя внимание различное написание имени в трех немецких переводах: *Ruslan* / *Rußlan*. Написание имени *Rußlan* (через *ß*) в переводе Карла Фридриха фон дер Борга (*Puschkin* 1823, S. 364) вовсе не обязательно для того, чтобы передать произношение в имени звука [s]. Действительно, *ß* всегда читается как [s], в то время как *s* может читаться и как [z], но только в позиции перед гласным, которой нет в имени *Rußlan*. Зато такое написание может способствовать возникновению ассоциаций, которых нет в оригинале: *Rußlan* – *Rußland* (Россия), т.е. сближать эти два ИС по семантике и может акцентировать связь этого ИС с фольклором.

ИС *Руслан* в русском языке – это раннее тюркское заимствование (ср. *arsalan* – ‘лев’) (*Петровский* 1995, с. 255), хотя, с другой стороны, пушкинский *Руслан* имеет в предшественниках богатыря *Еруслана Лазаревича* и для поэмы в целом важна связь с русским фольклором (*Слонимский* 1963, с. 195).

Многочисленные языковые формулы, напоминающие народные (молодецкий окрик-похвальба *Руслана* – *Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!* – языковые формулы по типу поговорок) рожают в читательском восприятии «фольклорные ассоциации» (*там же*).

Минимальные контексты с ИС *Руслан* часто включают в себя слова *князь*, *витязь*: *За князя храброго Руслана; Руслан, сей витязь беспримерный; добрый князь Руслан; То был Руслан. Как божий гром, / Наш витязь пал на бусурмана* и т.п. (*Пушкин 1977*, т. IV, с. 7–80).

Значения слова *князь* – ‘Предводитель войска и правитель области в феодальной удельной Руси’ (*МАС 1999*, т. II, с. 64) и слова *витязь* – ‘устар. и трад.-поэт. храбрый воин’; ‘богатырь’ (*МАС 1999*, т. I, 179), а также задействованность ИС *Руслан* в вышеназванных контекстах распространяют на это ИС дополнительное значение: ‘знатный и храбрый русский воин’. ИС *Руслан* участвует в создании национального колорита, т.к. благодаря использованию в одних контекстах со словом *витязь*, приобретает дополнительное значение: ‘древнерусский воин’. Национальный колорит имени передает в переводе Карл Фридрих фон дер Борг (*Puschkin 1823*), использующий написание имени через *β* – *Rußlan*, т.е. благодаря «графической этимологизации» (*Зубова 2000*, с. 89).

Вторичная этимологизация имени *Лель*, упоминаемого в «*Руслане и Людмиле*», происходит в латышском переводе поэмы.

Лель – ст.-рус. (*Петровский 1995*, с. 183). *Лель* – ‘По представлениям пушкинского времени имя древнеславянского божества, бога любви и покровителя пастухов и певцов’ (*СЯП 2000*, т. II, с. 491). А. В. Суперанская уточняет, что это ИС возникло из персонификации др.-рус. припева *Лель-лада, ляли-ляли-лель* (*Суперанская 2004*, с. 221).

Интересна передача имени *Лель* в латышском переводе – *Laļs*. Возможно, переводчик хотел наполнить незнакомое для латышского читателя имя содержанием и связать это ИС с латышским глаголом *lalināt*. Ср.: *Lalināt* – ‘1. dziedot radīt dzidras skaņas, parasti atkārtojot zilbi *la*; arī trallināt’ [повторять слог *ла*, напевать], ‘3. runāt, bieži aizstājot citus līdzskaņus ar *l* skaņu (par bērniem)’ [говорить, часто замещая другие согласные звуком *л* – о ребенке] // ‘maigi, mīļīgi runāties ar bērnu, parasti, atkārtojot zilbi *la*’ [нежно, ласково говорить с ребенком, часто повторяя слог *ла*] (*LLVV 1972*, 4. sēj., 588.–589. lpp.).

Если учесть, что существование бога *Леля* обосновывали припевом свадебных и других народных песен (*БРБС, Суперанская 2004*, с. 221), то такое переводческое решение вполне оправдано.

Приведенный анализ показал, что вторичная этимологизация ИС художественного текста может плодотворно изучаться в аспекте перевода. Для художественного текста характерна сложная система значений, создаваемых собственно художественной структурой, в которую включены и антропонимы. Семантика ИС художественного текста богаче семантики ИС в языке, поэтому в переводе художественного текста не всегда возможно ограничиться лишь передачей фонографической оболочки ИС. Кроме того, было показано, что вторичная

этимологизация может происходить уже непосредственно в тексте перевода. Этот факт необходимо учитывать переводчикам, чтобы, с одной стороны, не допустить ненужной этимологизации, уводящей в сторону от оригинала, а с другой, – чтобы использовать этимологизацию, где это необходимо, для создания интересных переводческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

- БРБС: *Большой русский биографический словарь*. Доступно: <http://www.rulex.ru/brbs1.htm>
- Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва, 2002.
- ДРС: *Древние Российские стихотворения, собранные Кириешю Даниловым*. 2-е доп. изд. Москва, 1977.
- Зубова Л. В. *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. Москва, 2000.
- ИМС: *Иллюстрированный мифологический словарь*. Перераб. и доп. изд. Калининград, 2001.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. В кн.: *Лотман Ю. М. Об искусстве*. Санкт-Петербург, 1998. С. 14–288.
- МАС: *Словарь русского языка* в 4 тт. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е стер. изд., Москва, 1999.
- Мукаряковский Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве. В кн.: *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, 1975. С. 164–192.
- НРС: *Немецко-русский словарь*. 2-е изд. Москва, 1993.
- Петровский Н. А. *Словарь русских личных имен*. Изд. 4, доп. Москва, 1995.
- Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений* в 10 тт. Ленинград, 1977–1979.
- Слонимский А. Л. *Мастерство Пушкина*. 2-е испр. изд. Москва, 1963.
- Суперанская А. В. *Словарь русских личных имен*. Москва, 2004.
- СЯП: *Словарь языка Пушкина* в 4 тт. 2-е доп. изд. Москва, 2000.
- DWDS: *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts*. Available: <http://www.dwds.de/>
- Duden. Sinn- und sachverwandte Wörter*. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. 2., neu bearb., erweit. und aktualisierte Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1986.
- Kopffhammer G. Stilistische Funktion der Namen in Märchen und Sagen. In: *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. In 3 Bd. Band 1. Berlin; New York, 1995. S. 573–576.
- KHM: Grimm J. und W. *Kinder- und Hausmärchen*. Available: <http://www.maerchenlexikon.de/khm/inhalt.htm>
- LLVV: *Latviešu literārās valodas vārdnīca* 8 sējums. Rīga, 1972–1996.
- Puschkin A. Fragment aus dem ersten Gesange des Gedichts: Rußlan und Ludmilla. In: *Poetische Erzeugnisse der Russen*. Bd. 2. Riga, Dorpat, 1823. S. 364–374.
- Puschkin A. *Dichtungen*. In 2 Bd. (Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert). Bd. 1. Leipzig, 1840. Puschkin A. *Ausgewählte Werke*. In 4 Bd. Hrsg. und aus dem Russischen übertragen von Johannes von Guenther. Berlin, 1949.
- Puschkin A. *Das goldene Fischlein. Der König Soltan. Das goldene Hähnchen*. Deutsche Puschkin A. Poeme und Märchen. In: *Puschkin A. Ausgewählte Werke*. In 3 Bd. Hrsg. von Harald Raab. Bd. 1. Berlin, 1999.
- Puschkin A. *Das Märchen vom Zaren Saltan*. Übersetzt und herausgegeben von Kay Borowsky. Stuttgart, 2001.

Puškins A. *Raksti*. Rediģējis H. Dorbe. Rīga, 1937.

Puškins A. *Izlase*. Rīga, 1949.

Puškins A. *Kopotī raksti*. 5 sēj. Jūlija Vanaga redakcijā. Rīga, 1968.

Šmits P. *Latviešu tautas pasakas un teikas*. XV sēj., 1925–1937. Available: <http://www.ailab.lv/pasakas/>

Сокращения

бран. – бранное
 вологодск. – вологодское
 др.-рус. – древнерусский
 ИС – имя собственное
 костр. – костромское
 лтш. – латышский
 обл. – областное
 перен. – переносное
 прост. – просторечное
 разг. – разговорное
 ряз. – рязанское
 ст.-рус. – старое русское
 trad.-поэт. – традиционно-поэтическое
 уничиж. – уничижительное
 устар. – устаревшее
 niev. – nievīgs
 sar. – sarunvalodas
 umg. – umgangssprachlich
 veralt. – veraltet

Kopsavilkums

Literārajā tekstā ir iespējama antroponīmu sekundārā etimoloģizācija, tā kā literārā teksta īpašvārdu semantika ir bagātāka par valodas īpašvārdu semantiku. Turklāt etimoloģizācija var notikt arī tulkojumā. Rakstā tiek aplūkota literāro antroponīmu sekundārā etimoloģizācija, pamatojoties uz A. Puškina poētisko tekstu un to tulkojumu materiāliem.

Atslēgvārdi: *īpašvārds, literārais teksts, tulkošana, semantika, etimoloģija.*

Zusammenfassung

Die Eigenart des literarischen Textes ermöglicht sekundäre Etymologisierung der Anthroponyme, denn die Eigennamensemantik im Text ist reicher als ihre Semantik in der Sprache. Außerdem ist auch in der Übersetzung eines literarischen Textes sekundäre Etymologisierung der Anthroponyme möglich. In dem vorliegenden Artikel wird das am Beispiel poetischer Werke A. Puschkins und deren Übersetzungen ins Lettische und Deutsche betrachtet.

Schlüsselwörter: *Eigennamen, literarischer Text, Übersetzung, Semantik, Etymologie.*

Модификация «текста» традиционного обряда в условиях современной городской иноязычной среды (от сакрального до комического)

Tradicionālās ieražas «teksta» modifikācija svešā pilsētvidē mūsdienās (no sakrālā līdz komiskajam)

Modification of the «Text» of the Traditional Rite in a Multi-National Urban Environment Today: From the Sacred to the Comic

Татьяна Тополевская (Рига)

Latvijas Universitāte, Humanitāro zinātņu fakultāte, Visvalža 4a, Rīga, LV-1050
t_topolevska@mail.ru

Статья актуализирует проблему восприятия понятий обряда современными городскими жителями в условиях многонациональной среды. Исследование произведено преимущественно на материале, полученном автором в результате анкетирования респондентов различных половозрастных и социальных групп. Основной акцент сделан на модификацию традиционного обряда и анализ ее причин. Показательными примерами послужили обряд Лиго, как один из самых популярных календарных обрядов русских и латышей Латвии, и не менее популярный семейный обряд свадьбы. Обнаружение пафосно-интонационной смены парадигм жанра явилось целью и следствием предложенного в статье исследования.

Ключевые слова: обряд, ритуал, сакральное, комическое, городской фольклор.

Во все времена, во всех странах и у всех народов обряд имел чрезвычайное, по сути – космическое значение. Он вписывал человека – микрокосм – в систему макрокосма – вселенной. Человек не мыслил себя вне обрядовых действий, которые регламентировали его жизнь и ритмизировали ее (вне ритма, как известно, нет космоса, а вне космоса – хаос).

Таким образом, обряд становился определенным условием существования человека, а потому – необходимость его исполнения была вне сомнения. Однако вопросы о том, остается ли обряд такой же необходимостью и для человека современного, выполняет ли он те же функции, что и в далекие от нас времена, что и почему сохранилось в его основе, и что и как изменилось, – остаются в определенной степени открытыми.

Исследование проводилось на материале, полученном в результате работы с респондентами разных социальных групп, возрастов, пола и национальной

принадлежности (в дальнейшем используются анкеты и записи из личного архива автора). Обязательным условием для них являлось проживание в городской среде (одно из составляющих понятия современного городского или пост-фольклора как такового).

В результате анализа более 200 полученных анкет обнаружилось множество интересных фактов, заслуживающих, на мой взгляд, внимания специалистов разных областей наук (в т. ч. – фольклористов, лингвистов, этнографов, культурологов и др.).

Прежде всего обнаружилось, что большинство участников опроса (в том числе и студенты, прослушавшие курс фольклора) не различают понятие обряда от подобных ему, как-то: ритуал, церемония, традиция, обычай, праздник – и поэтому в своих ответах часто используют их определения во взаимозаменяемых конструкциях, например:

обряд – это ритуал...,

обряд – это церемония...,

обряд – это праздник...,

обряд – это совокупность обычаев... и т. д.

Гораздо меньшая часть респондентов, либо хорошо подготовленная теоретически, либо обладающая большим жизненным опытом и интуицией, пытается все-таки разделить эти понятия. Так например, говоря об обряде и ритуале, как наиболее сопоставимых по значению, они отмечают, что обряд – понятие более широкое, включающее в себя ритуал как ряд последовательных действий, имеющих символический смысл и представляющий собой, таким образом, обряд с его «технологической» стороны, то есть из понятия «ритуал» исключается его текстовая составляющая. А именно это, на наш взгляд, и является главенствующим фактором, позволяющим отделить «обряд» от всех прочих аналогичных ему действий, в которых словесный текст не является безусловно обязательным элементом.

Отмечу замечательный, по степени осовременивания понятий обряда, ритуала и традиции, ответ одного из респондентов:

*Обряд – это когда классные молодые люди играют свадьбу или же-
нятся. Они делают это в знак того, что должны быть вместе.*

*Ритуал – это что-то из куклукс-клана: белые маски, балахоны, черно-
белое кино. Я слышал, что бывают ритуальные убийства. В наше вре-
мя это могут быть походы в клуб, встречи и вечеринки с друзьями.*

*Считаю, что в наше время есть и традиции. Например, классная тра-
диция – оставлять чаевые. Я беру чаевые и стучу по колокольчику.
Традиция – это супер. Мне кажется, они нужны людям, потому что
это весело: вместе покричать, поесть, выпить, повеселиться! (Павел,
21 год, бармен).*

Эти высказывания выявляют, помимо прочего, принадлежность респондента к определенной социокультурной и возрастной группе, где специфика их

восприятия и озвучивания достаточно типичны. Однако многие респонденты отмечают и сакральную сущность обряда, его мистицизм и магизм:

Обряд – это какое-то таинство.

Обряд – это что-то вроде магии, только более бытовое.

Обряд – это главная составляющая религии.

Обряды несут в себе какой-то мистицизм.

Обряды помогают проникнуть в пространство, измерение, куда в обычном состоянии человек попасть не может. Во время магических обрядов душа даже может отделяться от тела и для человека могут открыться новые знания.

Определенная часть респондентов (преимущественно старшеклассники) отмечают только его развлекательную функцию:

Обряд – это когда люди собираются вместе, танцуют, поют песни, веселятся.

Респонденты среднего поколения нередко видят в нем лишь повод для очередного совместного распития бутылочки.

И, наконец, еще одна группа, довольно многочисленная, в возрасте от 16 до 25 лет, преимущественно мужского пола, не видит в обряде вообще никакого смысла, поэтому отношение к нему колеблется от нейтрального до негативного:

Обряд – это последовательность действий, навязанных традицией. Скука... (Дима, 24 г.).

Обряд – ну, это когда люди что-то делают: непонятно что и непонятно, с какой целью (Никита, 17 лет).

Обряд – это действия, зачастую лишённые всякого здравого смысла (Алексей, 19 лет).

К счастью, подобное восприятие обряда современным городским человеком скорее исключение, чем правило, и подавляющее число моих респондентов оценивают значение обряда в жизни человека совсем по-иному. Другое дело, что на вопрос о том, какие обряды они знают, был получен весьма внушительный и показательный список (данные из личного архива автора):

Рождество, Крещение, Пасха, Новый год, Лиго, Янов день, Хеллоуин, венчание, «застолье», «обмывание прав», свадьба, похороны, юбилей, развод, уборка урожая, Масленица, День рождения, именины, День независимости Латвии, обряд посвящения в студенты, в старшеклассники, в юного натуралиста, обряд жертвоприношения, День святого Валентина, Прощеное Воскресенье, Чистый четверг, Meteņi, Mārtiņdiena, конфирмация, открытие Олимпийских игр, выборы президента, обряд чаепития, День победы, карнавал, День учителя, День матери (Mātes diena), обряд обрезания, посвящение в рыцари, День Лачплесиса (11 ноября), вечер свечей (день поминовения усопших), День 8 марта, день памяти Виктора Цоя, посещение по субботам бани, праздник города, пенсионный обряд, пытки, коронации, казни, обряды или традиции политических партий (собрания, съезды), корпоративные вечеринки.

Этот список далеко не полный. Он представляет собой лишь выборку (по частотности) из общего числа анкет, которые были в распоряжении автора (в каждом отдельном ответе содержалось от 5 до 10 наименований «обрядов»).

Хаотичное, совершенно бессистемное перечисление известных горожанам «обрядов» свидетельствует о полной путанице при осознании как самих понятий – обряд, ритуал, традиция, обычай, – так при делении их на церковные и светские, календарные и семейные, традиционные и новаторские и т.д.

В то же время список наглядно демонстрирует нам восприятие «обрядов» человеком, существующим в многонациональной среде. Отсюда – достаточно многочисленные номинации инонациональных и, прежде всего, латышских праздников и обрядов. Показательно, что при этом они пишутся в анкетах на латышском языке. Например:

Līgo / Jāņu diena (23–24 июня),
Mātes diena (первое воскресенье мая),
Mārtiņdiena (10 ноября),
Lāčplēša diena (11 ноября) и т. д.

Как отметил один из респондентов (из смешанной русско-латышской семьи), *Все перечислять – места не хватит. Ведь мы празднуем как латышские, так и русские праздники. Скажу честно: никто из членов нашей семьи никогда ничего не пропускал* (Юрис, 26 л.).

Из общеевропейской обрядности наиболее часто называют Хеллоуин и День святого Валентина, как день любви. И это также весьма показательно, ибо свидетельствует о возрастающей тенденции ориентации на западноевропейские традиции и отход от советско-русских и даже латышских национальных.

Именно поэтому один из респондентов совершенно справедливо отметил, что, по его мнению, *единственным способом сохранения национальной культуры перед беспощадным ликом глобальной цивилизации, «общего мышления» и общих стандартов является обрядовая традиция* (Сергей, 22 года).

Вообще следует заметить, что этот факт отмечают многие респонденты, независимо от пола, возраста, социального положения и национальности. Так например, некая С, (60 лет, русская, пенсионерка) пишет: *С помощью обряда человек хоть немного приобщается к истории, культуре и национальным традициям своего народа*. Как бы продолжая ее мысль, девушка (Элина, 18 лет, латышка) утверждает: *Традиции нужно соблюдать, потому что с их утратой исчезают и национальные признаки. Сейчас такое время, когда глобализация пожирает все. Тем более важно возвращение к традициям своего народа*.

В этой связи хотелось бы более подробно рассмотреть некоторые из календарных обрядов.

Годовой цикл, маркированный определенными датами, воспринимаемыми как праздничные и сопровождаемые соответствующими действиями, может быть представлен в виде круга, символизирующего обычное, профанное время. Однако линия окружности в нем не сплошная, а дискретная, соответствующая

понятию цикличности времени, и разрывы между сегментами окружности определяют время сакральное. В эти периоды вступают в силу иные, отличные от повседневных, нормы поведения и стили жизни, обуславливающие и поддерживающие законы существующего мироустройства. Эти периоды называют «временем переходов», т.е. временем, когда как бы открываются ворота (размывается граница) между хаосом и космосом. Это весьма опасно, т.к. возможно их соединение, смешение и, следовательно, – нарушение космического порядка. Чтобы этого не произошло, необходимо выполнение целого ряда магических действий, которыми и являются, по сути, календарные обряды.

Среди наиболее значимых и популярных в Латвии были названы Рождество, Пасха и, конечно же, Лиго.

Как правило, большинство русскоязычных респондентов сразу отмечают, что в силу их проживания в иноязычной среде, в тесном контакте с латышами, как представителями не только иной нации, но и иного вероисповедания, они традиционно отмечают Рождество и Пасху дважды: по католическому и православному календарю. То же самое отмечают и латышские респонденты, особенно из смешанных семей, например:

Так как мой отчим русский, а я латышка (католичка), то мы красим яйца и на православную, и на католическую Пасху. И также в нашей семье два раза отмечают Рождество. Обычно мама квасит капусту и варит серый горох, иногда мы жарим пирожки (Лиене, 19 л.). Примечательно, что здесь, помимо прочего, называются ритуальные блюда обоих народов.

Вообще-то смешение дат в календарной обрядности вполне типичное и объяснимое явление, связанное с проблемой календаря как такового, но в Латвии это осложнено еще и смешением разных религий, их взаимовлиянием.

Так, самый популярный календарный праздник Лиго вот уже многие-многие годы отмечается в Латвии в соответствии с латышскими календарными и национальными традициями. Сам факт того, что подавляющее большинство русскоязычных респондентов называют этот праздник именно так: *Лиго* или *Янов день* или *Jāņi diēna*, и только в очень редких случаях – *Ивановым днем* или *Днем Ивана Купалы*, свидетельствует о том, что он воспринимается как исконно латышский национальный, во-вторых, – о полном его принятии и растворении в его обрядовых действиях, как вполне понятных, закономерных и созвучных русскому духу.

Цитирую один из ответов:

Русские в Латвии празднуют Лиго вместе с латышами, хотя он и не является традиционно русским праздником. Есть праздник, аналогичный Лиго – Иван Купала, но его не отмечают так широко как Лиго (Артем, 18 л.).

И еще одна цитата:

Мы все уже свыклись (можно сказать, сроднились) с латышской традицией отмечать праздник Лиго. Мы всегда праздновали его всей семьей: прыгали через костер, пили пиво и пели латышские народные песни

«Лиго-Лиго», при этом почти совсем не знали слов. Это отличный повод собраться всем вместе и забыть хоть на время, кто русский, а кто латыш, веселиться вместе. У меня он вообще самый любимый в году. Я очень люблю собирать «янюзалес» (траву Янова дня), плести венки, гулять ночью в длинных юбках и т. д. Мне всегда с самого детства казалась эта ночь волшебной (Диана, 18 лет).

Важно, что здесь помимо передачи общего впечатления от праздника перечислены некоторые из его основных обрядовых действий:

- прыгание через костер,
- собирание трав,
- плетение венков,
- пение песен.

Нередко респонденты называют и другие традиционные действия:

- украшение зеленью домов и храмов,
- хождение к воде, купание и обливание, пускание венков по воде,
- преследование и отпугивание нечистой силы,
- так называемые «ночные бесчинства», песни и пляски.

Все эти действия первоначально были основаны на самых разных типах магии, в числе которых:

- апотропическая, используемая для отпугивания и устрашения нечисти,
- криптическая, при помощи которой пытались укрыться от нечисти (вода, костер, много людей, громкий смех, пение, пляски),
- синдеасмическая (соединяющая), на которой, по сути, базируется традиция прыгать через костер парню с девушкой, взявшись за руки и пытаясь не разъединить их во время прыжка.

Конечно же, в более поздние времена и тем более в наши дни магический смысл лиговской обрядности, ее сакральность были забыты и воспринимались, особенно молодежью, только как еще одна *возможность хорошо повеселиться, позабавиться и отдохнуть.*

В России же, как известно, и эта возможность была утрачена, так как ярко выраженный эротизм праздника, вседозволенность в поведении молодых людей, снятие многих табу, т. е. всего того, что в обычное время считается непристойным, не соответствующим нормам христианской православной морали, вызвало неодобрение официальной церкви, преследование ею народных традиций и, как следствие – их постепенное забвение. В Латвии, напротив, эти традиции не только никогда не угасали, но и получили новый всплеск после восстановления ее независимости, когда дни Лиго (23 июня) и Jāņu diena (24 июня) были официально объявлены выходными.

Говоря же о модификации лиговского обряда, отметим следующее. Во-первых, наблюдается явное сокращение количества изначально обязательных для него этапов и элементов, о которых упоминалось выше, и функционирование их как локальных (например, сбор трав, гадание по венкам, украшение зеленью

домов, специальная одежда и др.). Во-вторых, уменьшается значимость словесно-текстовой составляющей обряда. Так, например, если исполнение народных песен лиговской обрядности изначально было обязательным, то теперь таковым не считается. Само количество песен, их тематическое разнообразие постепенно сокращается.

Каковы же причины трансформации этого обряда (как и других календарных и семейных)? Первой и главнейшей из них респонденты называют взаимодействие наций. Цитирую:

Обряды неизбежно связаны с ментальностью и историей определенного народа, но в Риге, где бок о бок живут русские, латыши, украинцы и другие народы, происходит их смешение, и традиции одного народа накладывают отпечаток на традиции другого (Олег, 24 г.).

Таким образом, в русскоговорящей среде Риги воедино слились традиции и обряды русских и латышей, православных и католиков, традиции западные (как например, празднование Дня святого Валентина и Хеллоуина) и восточные (такие, как встреча Нового года по китайскому календарю) и др.

Модификации обряда, как считают многие респонденты, способствует и сама городская среда. Исполнение его в традиционном виде невозможно, так как образ жизни современного горожанина существенно отличается от сельского образа жизни. Зависимость благосостояния горожанина от климатических условий минимальна, поэтому отпадает необходимость в задабривании природных стихий и, следовательно, в совершении соответствующих магических действий, при этом значительно уменьшается и вера в действенную силу таких обрядов. Они для него чаще всего – специфическое средство развлечения и увеселения, поэтому главными элементами в системе обрядовых действий оказываются комические, которые в некоторых случаях чрезмерно выпячиваются и приобретают гротескную форму.

Это проявляется, например, в так называемых «ночных бесчинствах» лиговской обрядности, а также – в игровом характере, карнавальности современного свадебного обряда, в его пародийных «девишниках» и «мальчишниках», а также в словесных текстах (стихотворных или прозаических) с ярко выраженным эротизмом, определяемым как «непотребство».

Примеры таких текстов приводит, в частности, М. Г. Матлин в своей статье «Свадебный обряд». Некоторые из них относятся к устной фольклорной традиции и предназначены для произнесения вслух, другие же оказываются яркими образцами постфольклора в его письменных формах. Так, например, фарсово-эротический комизм следующего текста вне его визуального восприятия может быть совершенно непонятен. Он проявляется лишь в процессе определенного способа чтения, в данном случае – через строчку (первая – третья – пятая – седьмая – девятая):

- (1) *Во 2-м квартале наше предприятие может представлять де-*
- (2) *шевые промышленные товары, множество разных цино-*
- (3) *вок, необходимых вам к курортному сезону 1978 г. С це-*

- (4) нами на товары руководствуйтесь так: одеяла, отделанные ше-
 (5) лками, оплачиваются в двойном размере, большие широкие пи-
 (6) кейные одеяла, китайские покрывала, елочные зве-
 (7) зды оплачиваются на 50 % ниже действующего прейскуранта, ху-
 (8) дожественные изделия: картины, бальеры, статуэттки, ковбо-
 (9) ев можно выслать в неограниченном количестве без наценки
 (Матлин 2003, с. 383).

Приведем еще один пример из статьи М. Г. Матлина:

(1) Мне 17 лет, я ему дала	(9) Больно было мне,
(2) Другу милому целовать себя	(10) Когда совал он мне
(3) Приятно было мне,	(11) Большой и толстый кошелек с казной.
(4) Когда лежал на мне	(12) А теперь у него
(5) Белый кружевной пододеяльник.	(13) Не стоит давно
(6) Жалко было мне,	(14) В штанах бархатных у дверей лакей.
(7) Когда ломал он мне	(15) У меня теперь шире маминой
(8) В саду большой куст сирени.	(16) Сарафан с каймой накрахмаленный
- (Матлин 2003, с. 383).

Эротический смысл этого песенного текста проявляется в результате специфической интонации его пропевания: длительная пауза в конце некоторых стихотворных строк создает комический эффект «обманутого ожидания».

Отмечу, однако, что подобные тексты (а М. Г. Матлин приводит примеры еще более откровенно эротического характера), используются на свадьбах латвийских горожан гораздо реже, чем российских (где они, кстати, и были записаны М. Г. Матлиным и его студентами). На русских в Латвии оказывают безусловное влияние латышская культура и латышская ментальность, отсюда и более сдержанный характер интонационного звучания свадебного обряда.

Понятно, что эротические тексты, как в свое время корильные песни и вообще сквернословие на свадьбах, были своеобразной формой обережной магии (апотропической), необходимой для молодых, находящихся в опасном для них «состоянии перехода». Одновременно это и средство магии карпогонической, т.е. оплодотворяющей, также не бесполезной для новобрачных.

Но в наши дни магическое значение таких текстов утрачено, они являются лишь неким способом так называемого «эротического баловства» или непотребства.

И наконец, модификация традиционного обряда обусловлена еще одной причиной, а именно – изменением самовосприятия человека в системе макрокосма. Мир для него гораздо более эгоцентричен, чем ранее. Современный цивилизованный человек не считает себя более лишь одним из звеньев той цепочки, которая, соединяя крайние точки мироздания в его синхроническом и диахроническом аспектах, особым образом воплощалась в обрядово-ритуальных действиях. Современный городской человек самодостаточен и именно поэтому, как ему представляется, не нуждается в таких «подпорках», которыми являются соседние звенья цепочки. Он сознательно разрывает ее, выпадая

таким образом из системы обрядности. Отсюда пренебрежительное отношение к традиционному обряду и его оценка как «бессмысленного и бесполезного» действия. В крайнем случае, наш современник считает для себя возможным оставить в обряде только то, что ему кажется интересным. И таким образом многофункциональность обряда зачастую сводится для него лишь к одной из функций – увеселительно-развлекательной.

Ярким примером подобной модификации обряда и его понятия может служить ответ одного из респондентов (данные из архива автора):

У нас есть свой семейный обряд: каждый раз, начиная какое-нибудь новое дело, женщины в нашей семье вешают свои колготки на люстру. Очень смешно, но помогает. Вот такой обряд мне нравится!

Комментировать такое понимание «обряда» и его функциональной значимости после всего вышесказанного, думается, излишне.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы из личного архива Т. В. Тополевской [записи и анкеты респондентов].

Матлин, М. Г. Свадебный обряд. В кн.: *Современный городской фольклор*. Москва, 2003, с. 370–390.

Kopsavilkums

Rakstā tiek aktualizēts ieražu jēdziens tādu mūsdienu pilsētas iedzīvotāju izpratnē, kuri dzīvo dažādu tautību vidē. Pētījums veikts, izmantojot galvenokārt materiālu, kurš iegūts, anketējot dažādu dzimumu, vecumu un sociālo grupu cilvēkus. Rakstā galvenokārt tiek akcentēta tradicionālo ieražu modifikācija un tās iemesli. Par spilgtiem piemēriem izmantotas Līgo ieražas kā vienas no populārākajām kalendārajām ieražām Latvijas krievu un latviešu iedzīvotāju vidū, kā arī ne mazāk populārās kāzu ieražas. Rakstā atspoguļotā pētījuma mērķis bija atklāt patosa un intonācijas maiņu žanra paradigmā.

Atslēgvārdi: *ieraža, rituāls, sakrālais, komiskais, pilsētas folklorā.*

Summary

The article deals with the perception of the notion of the rite the city dwellers have in a multinational urban environment today. The author has done research mainly on the material of a survey of respondents of different gender, age, nationality, and social groups. Modification of the «text» of the traditional rite and its causes are examined in the article. The author chose samples representative of the Līgo rite, one of the most popular seasonal (calendar) rites of Latvians and Russians in Latvia, and the equally popular rite of wedding. The research achieves its goal to reveal the change in pathos and intonation in the paradigm of the genre.

Keywords: *rite, ritual, sacred, comic, city folklore.*

